

ЖУРНАЛ 2015

'4 (75)

МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В ЭТОМ НОМЕРЕ

Главный редактор:
Андрей Владимирович
Селиванов

Редакционный совет:
Виктор Шадурский
(председатель)
Владимир Астапенко
Елена Бабкина
Сергей Балашенко
Юрий Бровка
Алексей Данильченко
Руслан Есин
Людмила Павлова
Анатолий Розанов
Андрей Русакович
Сергей Солодовников
Олег Старовойтов
Александр Шарапо

**Редактор английского
текста:**
Татьяна Караичева

Художник:
Василий Гоголушко

Корректор:
Елена Мельникова

Набор, верстка:
Наталья Лукьяненко

Наш адрес:
Беларусь, 220701, Минск,
ул. Ленинградская, 20, комн. 1121
Международное общественное
объединение по научно-исследо-
вательским и информационно-
образовательным программам
«Развитие»

тел.: +375 17 209 57 40
тел./факс: +375 17 209 57 66

e-mail:
beljournal@evolutio.info

INTERNET:
<http://www.beljournal.evolutio.info/>

Издание зарегистрировано
в Министерстве информации
Республики Беларусь.
Свидетельство № 804
от 27 ноября 2009 г.

Учредитель и издатель:
 Международное обще-
ственное объединение
по научно-исследова-
тельским и информаци-
онно-образовательным
программам «Развитие»

международное право

- Европейская политика соседства: новые подходы..... *В. А. Астапенко* **3**
- Самооборона Европы: один за всех и все за
одного?..... *К. Хиллион,
С. Блокманс* **8**
- Свобода предоставления услуг судебных экс-
пертов в Европейском союзе..... *Н. В. Шакель* **1 2**
- Обеспечение права на жизнь в европейском
правовом пространстве..... *О. Ю. Ширинский* **1 8**

международные отношения

- Стратегии обеспечения энергетической без-
опасности в начале XXI в. *А. М. Чиж* **2 7**
- Сотрудничество Европейского союза с Китаем
в области культуры и образования в 2000-е гг. *О. П. Рубо* **3 4**

международные экономические отношения

- Миграционная политика Великобритании как
основа возникновения разногласий страны с
Европейским союзом..... *А. В. Данильченко,
Н. Г. Баламут* **4 0**
- Опыт развития западноевропейской интеграции..... *Е. Л. Давыденко,
Ю. Г. Киреева* **4 6**
- Модель интеграции Европейского союза..... *Е. А. Семак,
Е. А. Кумеи* **5 4**
- Особенности формирования и функциониро-
вания единого информационного пространства
в Европейском союзе: опыт для Республики
Беларусь..... *К. В. Якушенко* **6 3**
- Эволюция подходов к привлечению иностран-
ной рабочей силы в странах Европейского сою-
за: опыт Австрии..... *А. А. Нестерова* **7 0**

JOURNAL

2015

'4 (75)

OF INTERNATIONAL LAW AND INTERNATIONAL RELATIONS

IN THIS ISSUE

Editor-in-chief:
Andrey Selivanov

Editoring Board:
Victor Shadurski
(chairman)
Vladimir Astapenko
Elena Babkina
Sergey Balashenko
Yury Brovka
Alexey Danilchenko
Ruslan Esin
Ludmila Pavlova
Anatoly Rozanov
Andrei Rusakovich
Sergey Solodovnikov
Oleg Starovoitov
Alexandr Sharapo

English Text Editor:
Tatiana Karaicheva

Art Editor:
Vasily Gogolushko

Corrector:
Elena Melnikova

Type-setting, Layout:
Natalia Lukyanenko

Our address:
International Non-governmental
Association for Scientific Research,
Information and Educational
Programmes «Evolutio»
20, Leningradskaya str., room 1121,
Minsk, 220701, Belarus

tel.: +375 17 209 57 40
tel./fax: +375 17 209 57 66

e-mail:
beljournal@evolutio.info

INTERNET:
<http://www.beljournal.evolutio.info/>

The journal is licenced by the
Ministry of Information
of the Republic of Belarus.
Certificate N 804
27 November 2009

The founder and publisher:
 International Non-governmental
Association for Scientific Research,
Information and Educational
Programmes «Evolutio»

INTERNATIONAL LAW

- European Neighbourhood Policy: New Approaches... *Vladimir Astapenko* **3**
- Europe's Self-defence: tous pour un et un pour tous?..... *Christophe Hillion, Steven Blockmans* **8**
- Freedom to Provide Services of Judicial Experts in the European Union..... *Nadezhda Shakel* **1** 2
- Implementation of the Right to Life in the European Legal Space *Oleg Shirinsky* **1** 8

INTERNATIONAL RELATIONS

- Energy Security Strategies in the Beginning of the 21st Century *Aliaksandr Chyzh* **2** 7
- The European Union — China Cooperation in the Areas of Culture and Education in the 2000s..... *Olesya Rubo* **3** 4

INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

- Migration Policy of the United Kingdom as the Grounds for a Dispute Between the Country and the European Union *Alexey Danilchenko, Natalia Balamut* **4** 0
- European Integration Experience *Elena Davydenko, Yuliya Kireeva* **4** 6
- European Union Integration Model..... *Helen Semak, Ekaterina Kumets* **5** 4
- The Features of the European Union Single Information Space Emergence and Functioning: Experience Study for the Republic of Belarus *Kseniya Yakushenko* **6** 3
- Evolution of Approaches Towards Attraction of Foreign Labour Force in the European Union Countries: Austrian Experience *Anastasiya Nesterova* **7** 0

ЕВРОПЕЙСКАЯ ПОЛИТИКА СОСЕДСТВА: НОВЫЕ ПОДХОДЫ

Владимир Астапенко

18 ноября 2015 г. в Брюсселе было опубликовано совместное коммюнике Европейской комиссии и Высокого представителя Европейского союза по иностранным делам и политике безопасности «Пересмотр Европейской политики соседства» [6]. Документ адресован основным институтам Европейского союза (далее — ЕС): Европейскому парламенту, Совету, Европейскому экономическому и социальному комитету и Комитету регионов, но в то же время несомненно, что его содержание будет представлять значительный интерес для всех государств — членов ЕС, а также для представителей власти и общественности стран, которые граничат с ЕС и в силу этого являются объектами Европейской политики соседства (далее — ЕПС).

Концепция ЕПС была впервые сформулирована в 2003 г. и уточнялась на фоне расширения ЕС в 2004 г., когда к нему присоединилось 10 новых членов [9]. Основной целью новой политики в то время было названо укрепление стабильности, безопасности и повышения благосостояния всех стран, соседствующих с ЕС, — 6 восточноевропейских (Армении, Азербайджана, Беларуси, Грузии, Молдовы и Украины) и 10 средиземноморских (Алжира, Египта, Израиля, Иордании, Ливана, Ливии, Марокко, Сирии, Туниса, а также Палестинской автономии).

За последнее десятилетие в имплементации ЕПС произошли кардинальные изменения, во многом связанные с последствиями многочисленных вооруженных конфликтов. Это в свою очередь вынудило европейских политиков, с одной стороны, признать, что достигнутые результаты, а с другой — начать выработать новые приоритеты и механизмы для ее более эффективной реализации в будущем.

ЕС по-прежнему декларирует свое намерение продолжать поощрение универсальных ценностей, но в то же время в качестве нового политического приоритета определяет необходимость обеспечения стабильной обстановки в соседних странах. При этом в документе отмечается, что ЕПС в будущем нуждается в большей дифференциации и лучшем учете интересов государств, вовлеченных в выстраивание партнерских отношений с ЕС, что, по мне-

нию европейского руководства, позволит эффективнее реагировать на актуальные потребности и вызовы.

Анализ базового документа по пересмотру ЕПС показывает, что среди основных принципов построения взаимодействия ЕС со странами-соседями в рамках ЕПС следует выделить:

- индивидуальный подход ЕС к интересам и нуждам каждого партнера;
- сбалансированное распределение усилий и ресурсов между двумя основными (южным и восточным) векторами ЕПС;
- обеспечение большей гибкости в вопросах распределения средств посредством создания новых финансовых инструментов;
- налаживание реального взаимодействия ЕС со всеми партнерами, чтобы ЕПС стала «дорогой с двусторонним движением».

Примечательно, что Высокий представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ф. Могерини при представлении пересмотренной ЕПС на заседании Комитета по международным делам Европарламента заявила о необходимости «расстаться с подходом, который до сих пор исходил из идеи, что мы, Европейский союз, находимся в центре, а вокруг — наши соседи. Такой подход надо изменить и прийти к новому осмыслению партнерства, при котором все участники равны, противостоят общим трудностям, могут иногда воспользоваться общими возможностями» [1].

Политики ЕС рассчитывают также на то, что решению задач по налаживанию партнерского диалога в регионе будет способствовать принятая в сентябре 2015 г. Повестка дня ООН по устойчивому развитию до 2030 г., которая задает новые политические рамки для трансформационных процессов [10].

Главной целью ЕПС в ближайшей перспективе рассматривается не присоединение новых членов, а обеспечение стабильности в европейском регионе. При этом политики в ЕС признают, что ЕПС должна более точно и четко учитывать приоритеты партнеров, которые могут существенно различаться от страны к стране. Такой учет позволит отражать в мероприятиях ЕПС не только интересы государств — членов ЕС, но и их соседей, будет способствовать

Автор:

Астапенко Владимир Аркадьевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного и европейского права факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Рецензенты:

Бабкина Елена Васильевна — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного частного и европейского права факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Барбук Алексей Владимирович — кандидат юридических наук, начальник управления международных договоров главного договорно-правового управления Министерства иностранных дел Республики Беларусь

привлечению партнеров к разработке основных направлений этой политики, оптимальному распределению средств и совместной ответственности за достигнутые результаты.

ЕС не отказывается в рамках будущей ЕПС от применения своего старого принципа «большее за большее», но при этом отмечает, что расчет на то, что указанный принцип может сам по себе стать стимулом для проведения фундаментальных преобразований в странах-партнерах, не оправдался. Очевидно, что проведение дальнейших реформ в первую очередь предполагает наличие у руководства стран-партнеров политической воли, формирование которой во многом зависит от многочисленных экономических и социальных акторов и представителей гражданского общества.

Немаловажное значение в новой ЕПС придается вопросам надлежащего управления, демократии, правопорядка и прав человека. Для достижения целей в этой сфере впервые предполагается использовать форматы, согласованные со страной-партнером, а также усилить акцент на вовлечение неправительственных организаций. ЕС намерен по-прежнему вести со всеми партнерами всеобъемлющий диалог по вопросам прав человека, в том числе и при наличии различных подходов, но и здесь отмечается, что консультации по правозащитной тематике будут реализовываться в рамках взаимно согласованных процедур.

По видению авторов новой версии ЕПС, достижению стабильности призвано способствовать в первую очередь устойчивое экономическое и социальное развитие в регионе. В этих рамках ЕС намерен оказывать поддержку структурным реформам в странах-партнерах, нацеленным на модернизацию экономической системы, повышение конкурентоспособности, укрепление налоговой системы, обучение нового поколения управленцев, способных обеспечить эффективный менеджмент. Для этого предполагается активно задействовать активы Всемирного банка и Международного валютного фонда, Европейского инвестиционного банка и Европейского банка реконструкции и развития, а также новые механизмы государственно-частного партнерства.

В сфере торговли основным направлением развития станет создание общего экономического пространства со странами, подписавшими соглашения об «углубленных и всеобъемлющих зонах свободной торговли» (Украиной, Молдовой, Грузией, к которым могут присоединиться Марокко и Тунис). Ожидается, что имплементация таких соглашений в сочетании с проведением институциональных реформ создаст условия для постепенной экономической интеграции партнеров в общий европейский рынок на основе стандартов и законодательства ЕС [7, р. 4]. В то же время для стран, не ставящих перед собой политической цели по присоединению к ЕС, будут предлагаться

альтернативные модели, которые выйдут за рамки существующих преференциальных торговых соглашений и будут содействовать дальнейшему развитию двусторонних торговых и инвестиционных связей. За основу в этой связи может быть взят проект соглашения об оценке и признании соответствия (*Agreements on Conformity Assessment and Acceptance*), положения которого предусматривают свободное перемещение товаров в отдельных секторах и сближение правового регулирования по вопросам технических стандартов.

Новая версия ЕПС нацелена на поддержку реформ, касающихся экономической модернизации и поддержки предпринимательства, при этом особый акцент планируется сделать на развитие научных исследований, поощрение инноваций и формирование цифровой экономики. Это в свою очередь призвано содействовать более активному созданию рабочих мест, стимулировать целенаправленное приобретение молодым поколением новых знаний, умений и навыков. Для достижения указанных целей будет существенно расширен потенциал европейских образовательных проектов, в частности программы «Эразмус Плюс», которая содержит ресурсы для развития межвузовского сотрудничества и академической мобильности в рамках общеевропейского образовательного пространства.

Весьма перспективным представляется предложение новой политики соседства расширить систему транспортных коридоров на страны Восточной Европы. ЕС готов привлечь инвестиционные ресурсы международных финансовых институтов, чтобы способствовать скоординированному развитию мультимодальных перевозок и сопряженности телекоммуникационной инфраструктуры.

Не менее привлекательным могут стать инициативы в рамках ЕПС по диверсификации источников поставки энергии и повышению энергоэффективности в целях обеспечения энергетического суверенитета и снижения загрязнения окружающей среды. Расширенное сотрудничество по таким вопросам, как возобновляемые источники энергии, альтернативные маршруты ее поставок, сокращение энергопотребления, снятие барьеров на пути инвестиций в энергетический сектор, будет способствовать созданию более эффективной и устойчивой экономики и, соответственно, повышению уровня жизни населения. Важно также отметить, что в этой сфере ЕС декларирует свое намерение не строго ограничиваться рамками ЕПС, но развивать взаимодействие по энергетическим вопросам с Казахстаном, Туркменистаном, а в перспективе — с Ираком и Ираном.

Значительное внимание в рамках новой концепции ЕПС уделяется вопросам безопасности. С целью развития Европейской повестки дня по безопасности [4] ЕС совместно с партнерами намерен уделять приоритетное

внимание таким темам, как противодействие терроризму и радикализации, укрепление границ и борьба с организованной трансграничной преступностью и коррупцией, улучшение правового сотрудничества по уголовным делам, предотвращение киберпреступлений, урегулирование кризисов и чрезвычайных ситуаций. Кроме того, предполагается, что структуры ЕС, созданные в рамках общей политики в сфере безопасности и обороны (ОПБО), могут быть использованы в качестве форумов для обмена опытом и развития сотрудничества в рамках достижения согласованных целей. В этом контексте не исключаются и прямое участие партнеров по ЕПС в миссиях и операциях, проводимых государствами — членами ЕС в соответствии с механизмами ОПБО, их взаимодействие с Европейским оборонным агентством, обучение и повышение квалификации персонала из стран-партнеров в военных учебных заведениях ЕС.

Задача по обеспечению стабильности в зоне ЕПС существенно усложняется в условиях обострившегося миграционного кризиса. Государства — члены ЕС пришли к согласованным выводам о том, что традиционными методами, без анализа первичных причин незаконной миграции и вынужденного переселения, найти полноценные решения этих проблем невозможно [5]. В этой связи будет усиливаться взаимодействие с партнерами с целью мобилизации ресурсов для поддержки беженцев, осуществления реадмиссии, анализа и устранения базовых причин для нерегулируемой миграции. Значительное внимание также будет уделяться проблемам охраны границ и углублению обмена информацией, пограничного сотрудничества по административным, оперативным и техническим вопросам, реализации совместных проектов с участием партнеров по ЕПС и таких специализированных агентств ЕС, как Фронтекс и Европол.

Следует отметить принципиально новый аспект в региональном измерении ЕПС — на фоне поддержки уже созданных субрегиональных механизмов Восточного партнерства [2, с. 13—14] и Средиземноморского союза выражается готовность развивать структурированное сотрудничество с «соседями соседей». Речь идет о создании тематических площадок для обсуждения общих вызовов в сферах безопасности, энергетики, миграции, здравоохранения и т. п. в более широком контексте. При этом ЕС настаивает на суверенном праве своих партнеров по ЕПС сначала самостоятельно определять формат двустороннего сотрудничества, а затем и согласовывать специальные договоренности по учреждению механизмов *ad hoc* с целью приглашения заинтересованных третьих сторон, а также международных финансовых институтов к обсуждению актуальных проблем регионального и субрегионального взаимодействия.

В этой связи ЕС заявляет о своем намерении выйти на достаточно широкую географию: особое место в рамках ЕПС отводится Турции как стране-кандидату и важному партнеру для многих соседей; отмечается необходимость поддерживать контакты с Россией, несмотря на ухудшение отношений в свете «незаконной аннексии Крыма... и дестабилизации обстановки на востоке Украины» [6], подчеркивается целесообразность привлечь к политическому диалогу и обсуждению инвестиционных проектов такие международные организации, как Лига арабских государств, Организация исламских государств, Совет сотрудничества государств Персидского залива, Африканский союз, Союз арабского Магриба, Организация по сотрудничеству и безопасности в Европе, а также страны субсахарского региона и Центральной Азии, включая Иран.

Разработчики новой ЕПС признают, что события последних лет продемонстрировали растущую потребность во внешних ресурсах для поддержки стабильности и осуществления институциональных реформ во многих странах-соседях. Но в то же время отмечается, что средства ЕС, выделявшиеся ранее для этих целей, зачастую не отвечали реальным потребностям реципиентов и не концентрировались на развязке ключевых проблем [3]. В Брюсселе уже было принято решение о выделении 15 млрд евро на цели развития ЕПС в период 2014—2020 гг. Вместе с тем требуется дальнейшее увеличение соответствующих фондов и привлечение основных международных финансовых институтов, которые могут оказать адресную поддержку процессам модернизации в соседних странах, с должным учетом всех политических обстоятельств и приоритетов.

Предполагается, что для этого будет создана специальная «подушка безопасности» — механизм, позволяющий выделять ресурсы для срочных и непредусмотренных ранее задач, связанных, в частности, с урегулированием конфликтов, поддержкой беженцев, реагированием на кризисные ситуации и т. п. При этом ЕС намерен изменить правовое регулирование с тем, чтобы позволить задействовать неиспользованные средства «подушки безопасности» в следующем финансовом году.

Повышенное внимание в рамках новой ЕПС будет уделено информационной работе, которая призвана помочь гражданскому обществу как внутри ЕС, так и за его пределами лучше понять значимость создания пояса стабильных государств вокруг ЕС, что позволит обеспечить безопасность и процветание самого Союза. Особый акцент в этой связи будет сделан на активизацию взаимодействия с правительствами стран-соседей, бизнес-сообществом, неправительственными организациями, а также учеными и молодежью.

В течение 2016 г. политики ЕС планируют организовать широкое обсуждение содержания Совместного коммюнике «Пересмотр Европейской политики соседства», в том числе со всеми странами-партнерами, с целью совместной выработки новых процедур эффективного и добрососедского взаимодействия. В этой связи представляется важным организовать работу транспарентно, неформально и максимально гибко, в активном диалоге со всеми соседями. Такой подход мог бы предостеречь европейских политиков от повторения своих прошлых ошибок, когда навязанные в одностороннем порядке формулы ЕПС оказались на практике далеко не универсальными и явно не приблизили ЕС к решению стратегической задачи создания вокруг себя пояса процветания, безопасности и стабильности [8]. В нынешних условиях необходим целевой подход, который на фоне приоритетов ЕС обеспечивал бы реальный учет интересов конкретных партнеров по ЕПС и эффективно способствовал их устойчивому социально-экономическому развитию. Для этих целей следовало бы обеспечить недискриминационный доступ всех стран-соседей

к различным форматам и финансовым инструментам сотрудничества и отказаться от института санкций в рамках укрепляющегося партнерства. Необходимо сконцентрировать ресурсы ЕПС на конкретной проектной деятельности, нацеленной на активное развитие региональной инфраструктуры (транспортной, энергетической и др.), имеющей ключевое значение для безопасности и суверенитета стран-соседей. Требуется значительное усиление региональной солидарности для поощрения горизонтальных торговых связей, привлечения иностранных инвестиций, создания благоприятного бизнес-климата, борьбы с такими общими вызовами, как нелегальная миграция, торговля людьми, международная организованная преступность. В рамках новой ЕПС представляется также целесообразным предусмотреть специальные возможности для экспертного, а впоследствии и институционального диалога ЕС с Евразийским экономическим союзом, что способствовало бы в перспективе выработке подходов по организации взаимодействия двух интеграционных образований и народов, которые они объединяют.

Список использованных источников

1. Могерини заявила о пересмотре политики соседства ЕС [Электронный ресурс] // РОСБАЛТ. — 19.11.2015. — Режим доступа: <<http://www.rosbalt.ru/main/2015/11/19/1462757.html>>. — Дата доступа: 20.12.2015.
2. Мора, М. Будущие вызовы Европейского союза / М. Мора // Международная конференция «Европейский союз и Республика Беларусь: перспективы сотрудничества»: сб. материалов. — Минск: Изд. центр БГУ, 2014. — С. 9—15.
3. Balfour, R. Reassessing the European Neighbourhood Policy: EPC Issue Paper N 54, June 2007 / R. Balfour, A. Missiroli [Electronic resource] // European Policy Centre. — Mode of access: <http://www.epc.eu/documents/uploads/963724382_EPC%20Issue%20Paper%2054%20-%20Reassessing%20the%20ENP.pdf>. — Date of access: 28.12.2015.
4. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the Economic and Social Committee and the Committee of the Regions: the European Agenda on Security: Doc. COM (2015) 185 final, Strasbourg, 28.04.2015 [Electronic resource] // EUR-Lex: Access to European Union law. — Mode of access: <<http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1452604343181&uri=CELEX:52015DC0185>>. — Date of access: 15.12.2015.
5. Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council and the Council: Managing the Refugee Crisis: State of Play of the Implementation of the Priority Actions under the European Agenda on Migration: Doc. COM(2015) 510 final, Brussels, 14.10.2015 [Electronic resource] // European Commission. — Mode of access: <<http://ec.europa.eu/transparency/regdoc/rep/1/2015/EN/1-2015-510-EN-F1-1.PDF>>. — Date of access: 15.12.2015.
6. Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions: Review of the European Neighbourhood Policy: Doc. JOIN(2015) 50 final, Brussels, 18.11.2015 [Electronic resource] // EUR-Lex: Access to European Union law. — Mode of access: <<http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52015JC0050>>. — Date of access: 12.12.2015.
7. Joint Declaration of the Eastern Partnership Summit (Riga, 21—22 May 2015) [Electronic resource] // Latvian Presidency of the Council of the European Union. — Mode of access: <https://eu2015.lv/images/news/2015_05_22_RigaDeclaration_EaP.pdf>. — Date of access: 11.12.2015.
8. Kochenov, D. ENP's value conditionality from Enlargements to Post-Crimea: CLEER Papers 2015/1 / D. Kochenov, E. Basheska [Electronic resource] // ASSER Institute. — Mode of access: <http://www.asser.nl/media/2841/cleer15-1_web.pdf>. — Date of access: 28.12.2015.
9. The European Neighbourhood Policy: A Framework for Modernisation?: EUI Working Papers, Law 2007/21 / M. Cremona, G. Meloni (eds.). [Electronic resource] // European University Institute. — Mode of access: <<http://cadmus.eui.eu/handle/1814/6976>>. — Date of access: 17.12.2015.
10. Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development: Doc. UN A/RES/70/1 [Electronic resource] // United Nations. — Mode of access: <http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=E>. — Date of access: 15.12.2015.

«Европейская политика соседства: новые подходы» (Владимир Астапенко)

Статья посвящена рассмотрению недавней совместной инициативы Европейской комиссии и Высокого представителя Европейского союза по внешней политике и политике безопасности по пересмотру Европейской политики соседства с целью более эффективной реализации данной политики и более тесного вовлечения всех стран-партнеров. Автор анализирует структуру коммуникаций между ними, а также рассматривает новые подходы, нацеленные

на стабилизацию соседства посредством построения более тесного партнерства через экономическое развитие и торговлю, усиление безопасности в регионе и противодействие международной преступности. На основании результатов данного анализа автором выдвинуты рекомендации по дальнейшему обсуждению в процессе создания нового механизма взаимодействия в рамках Европейской политики соседства между странами-партнерами и ЕС.

«European Neighbourhood Policy: New Approaches» (Vladimir Astapenka)

The article is devoted to the recent joint initiative of the European Commission and the High Representative of the EU for Foreign Affairs and Security Policy to review the European Neighbourhood Policy in order to ensure its more effective implementation and greater involvement of all the partners. The author analyses the structure of the communication and new approaches aimed at stabilizing the neighbourhood, building stronger partnerships through the economic development and trade, strengthening the security of the region and combating the international crime. Based on the result of this analysis some recommendations are made for further consideration in the process of forming a new mechanism of cooperation within the ENP between the partner countries and the EU.

Статья поступила в редакцию в декабре 2015 г.

САМООБОРОНА ЕВРОПЫ: ОДИН ЗА ВСЕХ И ВСЕ ЗА ОДНОГО?

Кристоф Хиллион, Стивен Блокманс

В своем обращении к французскому парламенту после ужасных атак в Париже 13 ноября президент Франции Ф. Олланд вспомнил о статье 42(7) Договора о Европейском союзе (ДЕС). Ее положения, которые обычно называют «оговоркой о взаимной помощи» предусматривают следующее: «В случае, если государство-член подвергнется вооруженной агрессии на его территории, другие государства-члены должны оказать ему помощь и содействие всеми возможными для них средствами в соответствии со статьей 51 Устава Организации Объединенных Наций. Это не затрагивает особого характера политики безопасности и обороны некоторых государств-членов».

Обязательства и сотрудничество в данной области продолжают соответствовать обязательствам, принятым в рамках Договора о Североатлантическом союзе, которая для государств, входящих в ее состав, остается фундаментом их коллективной обороны и инстанцией для ее осуществления» [1].

Ранее ни одно из государств — членов ЕС никогда не обращалось к этим положениям. Что же подразумевает статья 42(7) и каковы ее практические последствия?

Выбор Франции: ни НАТО, ни наднациональная помощь

Включение оговорки о взаимной помощи в текст Лиссабонского договора рассматривалось как одна из главных инноваций в развитии Европейского союза. Впервые Европейский союз был наделен некоторым чувством военной солидарности, в большей степени присущей альянсам коллективной обороны: в случае вооруженной агрессии на территории одного или более государств-членов остальные обязаны оказать помощь. В то же время положения статьи подразумевают, что будут обеспечиваться уважение нейтралитета некоторых государств-членов, а также фундаментальные решения относительно системы обороны и безопасности, принятые другими государствами-членами в отношении НАТО. Действительно, для 22 стран ЕС, которые являются членами НАТО, этот альянс остается основой их системы коллективной безопасности и форумом для ее реализации.

Но почему Франция, являясь членом Североатлантического альянса, обращается к оговорке о взаимной помощи в рамках ЕС, а не НАТО? Статья 5 о коллективной обороне Вашингтонского договора была задействована лишь однажды на фоне террористических атак 11 сентября против США. Такое развитие событий могло бы усложнить предполагаемую реакцию на парижские теракты, в частности обеспечение поддержки роли Франции в кампании бомбежек ИГИЛ в Сирии. Нет сомнений, что вовлечение НАТО так или иначе вызвало бы оппозицию со стороны России и могло бы подорвать зарождающееся дипломатическое и военное сотрудничество в борьбе против ИГИЛ и стремление прекратить войну в Сирии.

К примеру, можно провести параллель со статьей 222 Договора о функционировании Европейского союза (ДФЕС), известной как «оговорка о солидарности» [2]. Примечательно, что Франция предпочла не обращаться к ее положениям, которые предусматривают, что «Союз и его государства-члены действуют совместно в духе солидарности», когда государство-член подвергается, среди прочего, и террористической атаке. Статья 222 ДФЕС также обязывает Союз, т. е. институциональную структуру ЕС, «мобилизовать все имеющиеся инструменты, в том числе предоставленные в его распоряжение государствами-членами военные средства». Это обязательство подчеркивает совместную ответственность государств-членов и институтов ЕС и таким образом придает оговорке о солидарности такие черты, которые превосходят простые межгосударственные обязательства по статье 42(7) ДЕС. Очевидно, что, обратившись к статье 42(7) ДЕС, Франция выбрала более суверенную и менее институционализированную форму сотрудничества, которая подчеркивает ключевую роль государств-членов в выборе механизмов помощи со стороны ЕС.

Межгосударственная помощь: инициатива и реализация

Оговорка о взаимной помощи ЕС, изложенная в статье 42(7) ДЕС, как и статья 5 Вашингтонского договора, относятся по существу к межправительственной сфере сотруд-

Авторы:

Хиллион Кристоф — профессор европейского права (Лейденский университет, Нидерланды), научный сотрудник Центра европейского права г. Осло (Норвегия)

Блокманс Стивен — профессор права внешних сношений Европейского союза Университета Амстердама (Нидерланды), заведующий отделом внешней политики Европейского союза Центра исследований европейской политики (г. Брюссель, Бельгия)

Авторы благодарят Хавьера Солану за ценные комментарии, сделанные к первому варианту статьи. Статья была впервые опубликована в Комментариях Центра исследований европейской политики 20 ноября 2015 г.

ничества. Эта статья налагает обязательства на государства-члены, не передавая какую-либо компетенцию институтам ЕС.

Формально к этой оговорке обратился французский министр обороны Ж.-И. ле Дриан на заседании Совета Министров ЕС 17 ноября. По словам Высокого представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ф. Могерини, активация этого механизма была единогласно поддержана Европейским союзом, голосами министров обороны всех государств — членов ЕС, которые таким образом поддержали Совместное заявление глав государств и правительств, а также лидеров ЕС и его институтов от 14 ноября о том, что парижские атаки были «атаками против нас всех», и поэтому «эта угроза будет встречена с безжалостной решительностью и с использованием всех необходимых средств» [4].

Просьба о помощи после одобрения министрами обороны может быть незамедлительно рассмотрена и согласована на двусторонней основе, а не в контексте ЕС. На последующей пресс-конференции с Ж.-И. ле Дрианом Высокий представитель ЕС Ф. Могерини подчеркнула, что детали конкретной помощи и содействия, которые могут быть оказаны всеми государствами-членами, будут предметом двусторонних переговоров технического характера, которые Франция проведет с государствами-членами, и что помощь будет оказываться также по решениям, которые могут быть приняты отдельными государствами-членами.

Таким образом, вовлечение ЕС сводится к минимуму как по запуску механизма помощи, так и на оперативном уровне. В результате ЕС всего лишь предлагает общие контуры, в рамках которых государства-члены поддерживают друг друга. Такое понимание подтвердила и Ф. Могерини, которая подчеркнула, что ЕС мог бы координировать оказание Франции помощи и содействия в тех случаях, когда это было бы полезным и необходимым.

Высокий представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности корректно отметила, что статья 42(7) ДЕС не предполагает необходимости принятия какого-либо формального решения или выводов Совета и что для действий ЕС не требуется дополнительных формальностей. В самом деле, активация оговорки о взаимной помощи сама по себе не означает учреждение гражданской миссии или проведение военной операции в смысле статьи 43(1) ДЕС. Но указанное заявление не следует интерпретировать как исключяющее возможный вклад ЕС в оперативный ответ на парижские атаки. С учетом правового поля, на котором будет применяться эта оговорка, т. е. общей оборонной политики и политики безопасности (ОПБ) ДЕС, более контекстуальное прочтение статьи 42(7) ДЕС может реально привести к значительному вовлечению ЕС. В конце концов, нельзя исключать,

что государства — члены ЕС в ответ на просьбу Франции могут инициировать миссию или операцию ОПБ.

Более чем просто символизм

Тот факт, что министры обороны обсуждали просьбу Франции о помощи уже 17 ноября, является чистой случайностью, поскольку заседание их Совета было запланировано на эту дату задолго до парижских атак. Но это не означает, что государства-члены не могут действовать оперативно при имплементации статьи 42(7) ДЕС.

Высокий представитель ЕС Ф. Могерини на пресс-конференции с Ж.-И. ле Дрианом пояснила, что механизм оговорки был инициирован «на формальном заседании Совета в присутствии всех министров, которые выразили не только солидарность, но и желание и готовность предоставить помощь и содействие в соответствии со статьей Договора. Указанная позиция влечет за собой институциональные, политические и практические последствия, которые явно отличаются от последствий иных подобных заявлений».

Несомненно, применение статьи 42(7) ДЕС имеет не только символическую ценность. Оно содержит обязательства не по результату, а по манере поведения. Положения статьи напоминают государствам — членам ЕС их однозначное обязательство оказать помощь и содействие «всеми средствами, имеющимися в их распоряжении».

Указанная формулировка предполагает различные виды помощи: дипломатическую, финансовую, имущественную. Вместе с тем прямая ссылка в статье на «вооруженную агрессию» подразумевает более конкретно военную помощь со стороны государств-членов. Аргументы для такого толкования могут быть найдены в правовой географии статьи 42(7), которая находится в разделе ОПБ Договора, а также в приоритетах по видам помощи, оговоренной в статье V Модифицированного Брюссельского договора о Западноевропейском союзе 1954 г., которая стала прообразом оговорки о взаимной помощи ЕС в Лиссабонском договоре: все государства-члены «оказывают Стороне, подвергшейся такому нападению, всю военную и другую помощь и содействие в рамках своих возможностей» [5].

Исходя из того, что Франция не может все делать в одиночку, в частности обеспечивать безопасность в Сахеле, Центральноафриканской Республике, Ливане и других странах Восточного Средиземноморья, а также на своей собственной территории, министр обороны Ж.-И. ле Дриан высказал специальную просьбу о том, чтобы помощь со стороны партнеров была направлена на поддержку военных операций Франции на внешних театрах действий, таких как Сирия и Ирак.

При оказании такой помощи государствам-членам следует иметь в виду тот факт, что статья 42(7) ДЕС предусматривает обязательство соблюдать положения статьи 51 Устава ООН, т. е. незамедлительно информировать Совет Безопасности о любых мерах, принятых при осуществлении их права на (коллективную) самооборону, и прекращать такие действия, как только сам Совет Безопасности примет меры, необходимые для поддержания международного мира и безопасности.

Можно согласиться с тем, что решение Франции начать бомбардировки позиций ИГИЛ в ответ на парижские атаки подпадает под сферу действия мандата, утвержденного для государств Советом Безопасности в резолюции 2170(2014). Действуя на основании положений главы VII, Совет Безопасности призвал все государства защищать мирное население, «сотрудничать в целях поиска и привлечения к ответственности физических лиц, групп, предприятий и учреждений, связанных с Аль-Каидой, включая ИГИЛ, и предпринимать все меры, которые могут быть необходимы и целесообразны в соответствии с их обязательствами по международному праву для борьбы с подстрекательством к террористическим актам...» [3].

Тот факт, что применение указанной оговорки было впервые рассмотрено в рамках заседания министров обороны ЕС, дает дополнительные основания для военного фокуса в отношении запрошенного содействия. Отчасти это соответствует правовым предпосылкам для статьи 42(7) ДЕС, о которых говорилось выше. Но указанная статья одновременно признает дифференцированный характер оборонной политики и политики безопасности отдельных государств-членов и таким образом безоговорочно допускает возможность невоенной помощи в форме гражданской и/или финансовой поддержки. В частности, этому посвящена статья 42(3) ДЕС, в которой идет речь о предоставлении государствами-членами гражданских и военных ресурсов для имплементации ОПБ.

Следует отметить, что президент Франции Ф. Олланд в речи перед французским парламентом сделал ссылку на статью 42(7) ДЕС с

тем, чтобы перейти к разделу, посвященному непосредственно Европе. В этой связи президент Ф. Олланд выступил с различными инициативами в европейской политике, в том числе по борьбе с незаконной торговлей оружием, защите внешних границ ЕС, урегулированию кризиса с беженцами в ЕС и соседних странах. Это означает, что политическое руководство Франции рассматривает помощь в более широком политическом контексте, чем только безопасность и оборона. На самом деле, в речи Ф. Олланда можно увидеть общий посыл к ЕС и его государствам-членам сплотить ряды и начать в свете целей статьи 222 ДФЕС более конструктивный поиск решений указанных взаимосвязанных проблем, а также призыв выработать долгосрочный комплексный подход ЕС к ним.

Европейский оборонный союз?

Как неоднократно подчеркивал министр обороны Ж.-И. ле Дриан, активация статьи 42(7) ДЕС наполнена символическим значением. В то же время ее первое применение весьма слабо связано с концепцией «Европейской обороны» в ее союзном смысле. Французское толкование оговорки о взаимной помощи следует оценивать как общий призыв к странам ЕС выполнить обязательства, присущие сообществу, основанному на ценностях, и активизировать сотрудничество в решении региональных и глобальных вопросов. Франция использует механизмы оговорки в поисках поддержки и солидарности не только для преодоления последствий атак на ее территории, но и для укрепления концепции повышения роли Европы в мировом масштабе. В этом случае у Франции есть возможность показать на практике, что по существу означает взаимная помощь.

В результате ужасающих событий, происшедших в Париже 13 ноября, на Францию возложена ответственность по выработке новых форм солидарности, которые заложены в статье 42(7) ДЕС. При этом ставки высоки: успешная реализация механизмов оговорки могла бы восстановить чувство общности — относительно целей и судьбы — в Европейском союзе.

Список использованных источников

1. Договор о Европейском союзе [Электронный ресурс] // Право Европейского союза. — Режим доступа: <<http://eulaw.ru/treaties/teu>>. — Дата доступа: 12.12.2015.
2. Договор о функционировании Европейского союза [Электронный ресурс] // Право Европейского союза. — Режим доступа: <<http://eulaw.ru/treaties/tfeu>>. — Дата доступа: 12.12.2015.
3. Резолюция Совета Безопасности ООН S/RES/2170(2014) [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <[http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/2170\(2014\)](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/2170(2014))>. — Дата доступа: 12.12.2015.
4. Joint statement of the Heads of State or Government and leaders of the European Union and its institutions on the terrorist attacks in Paris. Brussels, 14 November 2015 [Electronic resource] // European Union. — Mode of access: <http://europa.eu/rapid/press-release_STATEMENT-15-6090_en.htm>. — Date of access: 15.12.2015.
5. The Brussels Treaty signed on 17 March 1948 was amended by the Paris Agreements signed on 23 October 1954 [Electronic resource] // West European Union. — Mode of access: <<http://www.weu.int/Treaty.htm>>. — Date of access: 12.12.2015.

«Самооборона Европы: один за всех и все за одного?» (Кристоф Хиллион, Стивен Блокманс)

Авторы обсуждают недавнюю инициативу президента Франции Франсуа Олланда, выдвинутую в качестве реакции на террористические атаки в Париже, о реализации статьи 42(7) Договора о Европейском союзе (ДЕС). Ее положения обычно называют «оговоркой о взаимной помощи». В статье также приводится юридическое обоснование применения положений статьи 5 о коллективной обороне Вашингтонского договора и статьи 222 Договора о функционировании Европейского союза, известной как «оговорка о солидарности». Утверждается, что имплементация статьи 42(7) ДЕС содержит обязательства не по результату, а по манере поведения. Положения статьи напоминают государствам — членам ЕС их однозначное обязательство оказать помощь и содействие «всеми средствами в их распоряжении». В статье сделан вывод о том, что французское толкование оговорки о взаимной помощи следует оценивать как общий призыв к странам ЕС выполнить свои обязательства, присущие сообществу, основанному на ценностях, и активизировать сотрудничество в решении региональных и глобальных вопросов.

«Europe's Self-defence: tous pour un et un pour tous?» (Christophe Hillion, Steven Blockmans)

The authors discuss the recent initiative of the French President François Hollande reacting to the terrorist attacks in Paris to evoke Article 42(7) of the Treaty on the European Union which is commonly referred to as the EU's «mutual assistance clause». Special consideration is given to the legal analysis of the options for activating Article 5 of the Washington Treaty known as the collective defence of the NATO and Article 222 of the Treaty on the Functioning of the EU (TFEU), known as the «solidarity clause». It is stated that evoking Article 42(7) triggers an obligation of conduct rather than outcome. The provision reminds the EU member states of their unequivocal obligation of aid and assistance «by all the means in their power». The article concludes that France's interpretation of the mutual assistance clause in the present context should rather be understood as a more general plea to the EU states to live up to their responsibilities as a community founded on values and thus to engage cooperatively in regional and global affairs.

Статья поступила в редакцию в декабре 2015 г.

СВОБОДА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ УСЛУГ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТОВ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

Надежда Шакель

Тенденции глобализации, растущий оборот товаров, работ и услуг между государствами приводят к возникновению гражданско-правовых споров, затрагивающих несколько юрисдикций. В процессе рассмотрения таких дел зачастую требуются специальные знания, что влечет необходимость участия в них экспертов. В Европейском союзе (далее — ЕС) проведение таких экспертиз в трансграничных спорах имеет определенную специфику, обусловленную противоречиями между не допускающей дискриминации свободой предоставления услуг на территории всего ЕС и имеющейся практикой назначения судами экспертов, происходящих из государства суда. Решение данной проблемы необходимо для надлежащего функционирования внутреннего рынка, достижения поставленной перед ЕС цели поддержания и развития пространства свободы, безопасности и правосудия.

Вместе с тем данная проблематика, являясь сравнительно узкой, не получила существенного освещения в отечественной и зарубежной доктрине. Среди зарубежных исследователей можно отметить работы Г. Куниберти [12], А. Влосиньской [16]. В русскоязычной литературе данная тематика остается малоизученной, имеющиеся работы рассматривают в основном свободу предоставления услуг (Е. В. Постникова [6], С. Ю. Кашкин [7]), фактически не касаясь деятельности судебных экспертов в ее рамках.

Под «услугой» в европейском праве понимается любая экономическая деятельность, не являющаяся наемным трудом, которая обычно осуществляется за вознаграждение [3]. Свобода предоставления услуг означает, что запрещаются ограничения свободного предоставления услуг внутри ЕС гражданами государств-членов, учредившими собственное дело в ином государстве-члене, чем то, где находится получатель услуги (ст. 56 Договора о функционировании ЕС) [2]. При этом свобода предоставления услуг в полной мере охватывает и получателей таких услуг, которые не могут быть ограничены в возможности по получению требуемых им услуг в любом госу-

дарстве — члене ЕС [13]. С учетом изложенного, если признать, что деятельность эксперта в ЕС охватывается свободой предоставления услуг, то не допускается ни прямая, ни косвенная дискриминация в отношении зарубежных судебных экспертов. В таком случае, исходя из общих принципов права ЕС и базовых подходов к свободе предоставления услуг, отказ в назначении эксперта, обусловленный его национальностью, будет являться прямой дискриминацией по признаку национальности. Отказ, связанный с тем, что эксперт проживает не в той местности, на которую распространяется юрисдикция суда, представляется возможным отнести к косвенной дискриминации. Следует принимать во внимание и тот факт, что научные познания экспертов в основном не связаны каким-либо образом со страной его проживания или работы.

Вместе с тем суды государств — членов ЕС поставили под сомнение возможность распространения свободы предоставления услуг на деятельность судебных экспертов, в том числе назначения для участия в процессе в одном государстве эксперта из другого государства — члена ЕС.

Некоторые важные аспекты рассматриваемой проблемы демонстрирует дело *Josep Peñarroja Fa* [14]. Исходя из обстоятельств дела судебный эксперт-переводчик, учрежденный в Испании, желал работать во Франции, а для этого он хотел быть включенным во французские реестры судебных экспертов, действовавшие на национальном и региональном уровнях. Французское законодательство запрещало иностранным гражданам регистрироваться в таких реестрах. При рассмотрении дела французская сторона указывала, что законодательство, касающееся реестров, не ограничивало свободы зарубежных экспертов. Суды Франции не были обязаны назначать экспертов исключительно из данных реестров, таким образом, по сути экспертом могло быть назначено любое лицо.

Суд ЕС не согласился с приведенными доводами, подчеркнув, что на практике создание таких реестров влияет на выбор экспер-

Автор:

Шакель Надежда Валентиновна — кандидат юридических наук, заместитель начальника организационно-инспекторского управления координации служебной деятельности Государственного комитета служебных экспертиз Республики Беларусь

Рецензенты:

Астапенко Владимир Аркадьевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного и европейского права факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Сащико Павел Иванович — кандидат юридических наук, начальник отдела Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь

та судьями, которые обычно назначают лиц, включенных в реестр, предполагая, что именно они обладают необходимыми качествами для оказания содействия суду. Даже в отсутствие формального требования, обязывающего суд назначать только экспертов, включенных в реестры, само создание таких реестров представляет собой ограничение свободы предоставлять услуги судебного эксперта-переводчика.

Обращает на себя внимание тот факт, что при разрешении данного дела Суд ЕС прямо ограничил сферу действия приведенного правила только лицами, которые являлись экспертами-переводчиками. Остается открытым вопрос о том, насколько данные нормы будут касаться других экспертов.

Отметим, что в ЕС отсутствует единый подход к деятельности судебных экспертов. Самым общим образом лица, выполняющие экспертизы, подразделяются:

- на технических экспертов, которые по запросу суда используют свои научные и технические знания для рассмотрения или установления определенных фактов;

- экспертов-свидетелей, которые по запросу сторон представляют свои экспертные познания для поддержки определенных аргументов (в основном действуют в странах общего права, например, Великобритании). Такие эксперты нанимаются сторонами и действуют в своем личном качестве, оказывая содействие суду путем ответов на вопросы, которые ему ставятся адвокатами сторон. По результатам перекрестного опроса судья оценивает компетентность эксперта и возможность полагаться на его показания. По сути в данной ситуации эксперт выступает свидетелем;

- экспертов по праву, которые не принимают участия в вынесении решения, но оказывают консультационную помощь суду по определенным правовым вопросам, представляют ему имеющие значение для дела информацию или соображения (иногда такие лица называются *amicus curiae*, с лат. «друг суда»).

В ряде государств эксперты назначаются судом (например, Франция). Задача экспертов в таком случае заключается в установлении определенных фактических обстоятельств, определенных судом. Эксперты, таким образом, действуют в интересах суда и могут считаться выполняющими определенные публичные функции. В государствах, придерживающихся данного режима, зачастую экспертами могут выступать только определенные лица (например, включенные в реестры, специальные списки, имеющие лицензии и т. п.). Вместе с тем иногда выбор экспертов осуществляется Министерством юстиции (Венгрия, Румыния, Словакия, Словения). В некоторых странах эксперты могут быть избраны непосредственно сторонами (Кипр, Дания, Ирландия, Великобритания). В Голландии наем и вы-

бор экспертов осуществляется прокуратурой и профессиональными ассоциациями судебных экспертов.

Многочисленные и существенные различия в порядке назначения экспертиз, объеме полномочий экспертов и т. п. на практике вызывают у судов государств — членов ЕС сомнения в том, насколько можно полагаться на заключения зарубежных экспертов, будут ли в таком случае соблюдены процессуальные права участников спора.

Следует учитывать, что рассматриваемая проблема, связанная с использованием результатов проведенных за рубежом экспертиз в трансграничных процессах, менее остро стоит для государств, где экспертом выступает частное лицо, назначаемое сторонами. Исходя из самой сути выбора эксперта в его качестве может выступать любое лицо, независимо от его национальности, места проживания и т. п.

Проблемы, обусловленные трансграничным предоставлением экспертных услуг в ЕС, касаются в основном случаев назначения экспертов судами. В данной ситуации суды рассматривают на содействие со стороны эксперта, который, в свою очередь, участвует в отправлении правосудия, а значит, действует не как частное лицо, а как субъект, вовлеченный в осуществление властных полномочий (с англ. *involved in an exercise of public authority*) [12].

В международном частном праве традиционно считается, что осуществление властных полномочий может быть только территориальным, так как их экстратерриториальное осуществление нарушит суверенитет зарубежного государства. Как отмечают некоторые исследователи, в странах, принадлежащих к романо-германской системе права, судья не может, например, выехать за рубеж для осуществления в ином государстве своих судебных функций, а также проводить мероприятия по получению доказательств за рубежом, так как это затрагивает вопросы суверенитета (здесь следует отметить, что в странах общего права поиск доказательств зависит от частной инициативы сторон и их адвокатов и в принципе не ограничивается территорией определенного государства) [15]. Схожим образом и судебный эксперт также не может быть наделен правом выступать за рубежом в качестве «агента суда» или в качестве лица, содействующего публичному осуществлению правосудия. Следует также учитывать, что, исходя из содержания статей 62 и 51 Договора о функционировании ЕС, из свободы предоставления услуг исключаются виды деятельности, связанные с выполнением официальных властных полномочий [2]. Директива № 2006/123/ЕС «Об услугах на внутреннем рынке» в статье 2 также указывает, что она не применяется к деятельности, связанной с участием в осуществлении публичной власти [3].

В этой связи представляется необходимым еще раз обратиться к делу *Josep Peñarroja Fa* [14]. Возражая против распространения норм, касающихся свободы предоставления услуг на судебных экспертов, французская сторона обращала внимание на то, что вознаграждение за действия экспертов устанавливается обычно в законе, а не определяется сторонами; судебные эксперты действуют только по назначению суда, для осуществления обязанностей, определенных судами, а не частными лицами; выполняя функции, направленные на оказание помощи судам, судебные эксперты осуществляют деятельность, связанную с выполнением официальных полномочий, что не может считаться оказанием услуг. Суд ЕС отверг все указанные аргументы. Он указал, что даже если деятельность эксперта достаточно сильно связана с осуществлением судебной власти, вывод об отнесении ее к оказанию услуг не меняется. Так, многие эксперты назначаются судом для оказания ему помощи по вопросам, которые прямо связаны с разрешением спора, например для определения причины смерти. Но и в таком случае их выводы не являются обязательными для суда, не затрагивают свободу осуществления судебной власти, оставляя суду достаточную долю усмотрения. Более того, эксперты высказывают мнение только по тем фактам, которые суд попросил их установить (например, переводчик должен представить непредвзятый объективный перевод), а не по существу дела. Исключительной прерогативой суда является применение закона к факту, установленному экспертом, определение исходя из этого прав и обязанностей сторон и в итоге вынесение решения по существу дела.

Вопросы территориальности в деятельности судебных органов и экспертов поставили вопрос и о том, какой процедурой следует руководствоваться при назначении судебного эксперта для осуществления деятельности за рубежом.

В 2001 г. в ЕС был принят регламент № 1206/2001 «О сотрудничестве судов государств — членов Европейского союза при получении доказательств по гражданским и коммерческим делам» (далее — регламент № 1206/2001) [4]. Данный регламент был направлен на улучшение, упрощение и усиление взаимодействия между судами при получении доказательств в целях надлежащего функционирования внутреннего рынка.

Напомним, что регламент — это правовой акт ЕС, который направлен на унификацию правовых норм, т. е., он обязателен в полном объеме и подлежит прямому применению во всех государствах-членах с момента его вступления в силу.

Регламент № 1206/2001 установил процедуру, по которой суд одного государства — члена ЕС может получать доказательства (в том чис-

ле в рамках деятельности эксперта) в другом государстве — члене ЕС. В частности, суд одного государства — члена ЕС может направить запрос в другое государство — член ЕС:

— либо о получении доказательств компетентным судом другого государства-члена;

— либо о непосредственном (прямом) получении доказательств в другом государстве-члене (в том числе путем назначения судебного эксперта для проведения расследования вне своей юрисдикции).

В последнем случае необходимо, чтобы запрос в уполномоченный орган или компетентный орган другого государства — участника ЕС был составлен по установленной регламентом форме. Запрошенный орган может отказать в выдаче разрешения на получение доказательств непосредственно в данном государстве — члене ЕС по определенным основаниям (ст. 17 регламента № 1206/2001).

Приведенные нормы неоднократно становились предметом рассмотрения в Суде ЕС, в том числе применительно к вопросам судебной экспертной деятельности.

Одним из наиболее важных является дело *St. Paul Dairy* (2005 г.) [8]. В данном деле были даны ориентиры по разграничению применения регламента и общих норм ЕС по определению юрисдикции судов. В рамках спора, возникшего в Бельгии между двумя бельгийскими компаниями, возник вопрос о возможности заслушивания свидетеля — резидента Нидерландов — до начала рассмотрения дела по существу в целях определения необходимости подачи иска. При этом отношения между сторонами регулировались бельгийским правом, юрисдикцией по рассмотрению спора обладал бельгийский суд. Брюссельская конвенция по вопросам юрисдикции и принудительного исполнения судебных решений в отношении гражданских и коммерческих споров 1968 г. предусматривала, что в суды договаривающихся государств может быть принесено ходатайство с целью принятия предварительных, охранительных мер, если они допускаются по праву того государства, даже если в соответствии с данной Конвенцией суды другого государства обладают юрисдикцией в отношении существа иска [1]. Суд ЕС посчитал, что если цель заслушивания свидетеля — установление перспектив подачи иска со стороны истца, это не может быть признано предварительной или охранительной мерой по смыслу Конвенции. Как следствие, заявление о заслушивании свидетеля до начала рассмотрения дела по существу может не подпадать под действие норм права ЕС о юрисдикции, так как данные вопросы относятся к сфере действия регламента № 1206/2001.

По мнению Суда ЕС, цель предоставления судам, которые не имеют юрисдикции в отношении дела, полномочий по применению вре-

менных, в том числе охранительных мер, — избежание причинения ущерба сторонам в результате длительных задержек во времени, свойственных любому международному процессу [8]. Применение этой нормы носит ограниченный характер и допускается только при условии, что такие меры нацелены:

- на сохранение фактической или юридической ситуации, с тем, чтобы обеспечить права, признание которых иначе необходимо было бы обеспечивать посредством суда, которому подсудно дело [9];

- действие только в пределах территориальной юрисдикции суда, который вынес решение о их применении [11].

В деле *St. Paul Dairy* целью назначения эксперта было не сохранение фактической или правовой ситуации, а решение вопроса о возможности начала процесса, поэтому Суд ЕС не признал такую меру в качестве временной, в том числе охранительной. Он подчеркнул, что решение вопроса о том, относится ли назначение эксперта к числу временных, в том числе охранительных мер, требует оценки конкретных обстоятельств дела для выявления цели его назначения.

Несмотря на то, что в настоящее время Брюссельская конвенция по вопросам юрисдикции и принудительного исполнения судебных решений в отношении гражданских и коммерческих споров 1968 г. прекратила свое действие, выводы суда по делу *St. Paul Dairy* сохраняют свое значение, так как соответствующие нормы были включены в регламент № 1215/2012 «О юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам» (регламент Брюссель I bis), статья 35 которого гласит, что в суд государства — члена ЕС может быть подано ходатайство о применении временных, в том числе охранительных, мер, допустимых в соответствии с его национальным законодательством, даже в том случае, когда суд другого государства — члена ЕС имеет юрисдикцию в отношении вынесения решения по существу дела [5].

Дальнейшее развитие рассматриваемые вопросы получили в деле *ProRail* [10]. После крушения поезда, следовавшего из Бельгии в Голландию, возле Амстердама в бельгийский суд был подан иск о принятии временных мер. Бельгийский суд удовлетворил иск и назначил эксперта, поручив ему установить причины аварии, наличие и размер ущерба вагонам, производителя определенных частей вагонов и их состояния и т. д. С учетом сущности поставленных вопросов большая часть деятельности эксперта должна была осуществляться в Голландии. Компания *ProRail* подала апелляцию, потребовав либо ограничить территорию деятельности эксперта Бельгией, либо вынести указание о том, что деятельность эксперта должна осуществляться в соответствии с ре-

гламентом № 1206/2001. Апелляционная инстанция направила преюдициальный запрос в Суд ЕС.

Суд ЕС поддержал решение бельгийского суда назначить судебного эксперта, который должен был осуществлять деятельность в Голландии без соблюдения процедуры, предусмотренной регламентом № 1206/2001 в части направления запроса в адрес голландских властей. По мнению Суда ЕС, допустимо собирать доказательства за рубежом и по иным правовым основаниям, нежели регламент № 1206/2001 (например, используя общие правила о юрисдикции, основываясь на национальном законодательстве). Вместе с тем Суд ЕС подчеркнул, что для экспертных исследований, затрагивающих полномочия государства-члена, в котором они будут осуществляться, обязательно использование регламента № 1206/2001 и, как следствие, контроль со стороны такого государства. Это, например, такие случаи, когда «расследование проводится в местах, связанных с осуществлением таких полномочий, или в местах, доступ в которые или иные действия в которых в соответствии с законодательством государства-члена, в котором осуществляется расследование, запрещен или ограничен для определенных лиц» (параграф 47 дела *ProRail*) [10].

Исходя из изложенного в рамках ЕС с целью создания полноценного европейского пространства гражданского правосудия государства-члены разрешили судебному эксперту, назначенному судом государства-члена, свободно осуществлять свою деятельность на территории других государств-членов.

На практике, однако, суды обычно назначают экспертов, работающих в том же государстве, где находится суд. Заключение экспертов, сделанные в другом государстве — члене ЕС, зачастую не принимаются во внимание по основаниям несоответствия процессуальных гарантий и прав сторон в ходе осуществления экспертных действий (например, право сторон участвовать при проведении экспертного исследования). Результаты «местной» экспертизы могут содержать выводы, противоположные изложенным в заключении зарубежного эксперта. Такое дублирование экспертных исследований воспринимается в зарубежной юридической науке достаточно негативно. Как отмечает Г. Куниберти, в результате напрасно тратятся время и ресурсы, а несовпадающие выводы неблагоприятны как для правовой системы в целом, так и для сторон спора в частности, так как они получают неоднозначные сигналы касательно своих прав и обязанностей [12, p. 19].

Единственным исключением являются государства, сравнительно небольшие по территории, которые вынуждены назначать зарубежных экспертов, так как либо сами не име-

ют экспертов по всем требуемым направлениям, либо эксперты не могут быть объективны, так как в таких странах «все знают всех».

Таким образом, несмотря на то, что законодательства большинства государств — членов ЕС позволяют судам полагаться на заключения экспертов, вынесенные за рубежом, на практике это встречается редко. Для решения данной проблемы в настоящее время в ЕС обсуждается создание Европейских стандартов судеб-

ной экспертизы в целях гармонизации законодательств государств-членов. При следовании таким общим стандартам суды государств-участников будут иметь уверенность в возможности использования сделанного за рубежом экспертного заключения. В перспективе планируется создание среды, где судебные эксперты ЕС смогут свободно предоставлять свои услуги на всей территории ЕС, независимо от места их проживания или национальности.

Список использованных источников

1. Брюссельская конвенция по вопросам юрисдикции и принудительного исполнения судебных решений в отношении гражданских и коммерческих споров: [закл. в г. Брюсселе 27.09.1968 г.] [Электронный ресурс] // Консультант-Плюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2015.
2. Договор о функционировании Европейского союза: [подписан в г. Риме 25 марта 1957 г.] (с изм. и доп. от 13 дек. 2007 г.) [Электронный ресурс] // Там же.
3. Об услугах на внутреннем рынке: директива Европейского парламента и Совета Европейского союза № 2006/123/ЕС от 12 дек. 2006 г. [Электронный ресурс] // Там же.
4. О сотрудничестве судов государств — членов Европейского союза при получении доказательств по гражданским и коммерческим делам: регламент № 1206/2001 от 28 мая 2001 г. (с изм. и доп. от 22 окт. 2008 г.) / пер. А. С. Бугаевой [Электронный ресурс] // Там же.
5. О юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам (в новой редакции): регламент № 1215/2012 от 12 дек. 2012 г. [Электронный ресурс] // Там же.
6. Постникова, Е. В. Свобода предоставления услуг в Европейском союзе: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Е. В. Постникова; ГУ — ВШЭ. — М., 2010. — 260 л.
7. Право Европейского союза в вопросах и ответах: учеб. пособие / С. Ю. Кашкин [и др.]; отв. ред. С. Ю. Кашкин. — М.: ТК Велби, Проспект, 2006. — 304 с.
8. Case C-104/03, St. Paul Dairy Industries NV v. Unibel Exser BVBA: Judgment of the Court (First Chamber), 28 April 2005 [Electronic resource] // EUR-Lex: access to the European Union law. — Mode of access: <<http://curia.europa.eu/juris/celex.jsf?celex=62003CJ0104&lang=en&type=TEXT&ancre=>>>. — Date of access: 14.08.2015.
9. Case C-261/90, Mario Reichert, Hans-Heinz Reichert and Ingeborg Kockler v. Dresdner Bank AG: Judgment of the Court (Fifth Chamber) of 26 March 1992 [Electronic resource] // EUR-Lex: access to the European Union law. — Mode of access: <<http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:61990CJ0261&from=EN>>. — Date of access: 12.08.2015.
10. Case C-332/11, ProRail BV v. Xpedys NV and Others: Judgment of the Court (First Chamber), 21 February 2013 [Electronic resource] // EUR-Lex: access to the European Union law. — Mode of access: <<http://curia.europa.eu/juris/celex.jsf?celex=62011CJ0332&lang=en&type=TEXT&ancre=>>>. — Date of access: 12.08.2015.
11. Case C-391/95, Van Uden Maritime BV v. Deco — Line: Judgment of the Court, 17 November 1998 [Electronic resource] // EUR-Lex: access to the European Union law. — Mode of access: <<http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:61995CJ0391&from=EN>>. — Date of access: 12.08.2015.
12. Cuniberti, G. Civil Judicial Expertise in the EU: Analysis of EU Legislation and Recommendations / G. Cuniberti. — Brussels: European Parliament, 2015. — 32 p.
13. EU Freedom to Provide Services [Electronic resource] // European Law Monitor. — Mode of access: <<http://www.europeanlawmonitor.org/eu-policy-areas/eu-freedom-to-provide-services.html>>. — Date of access: 15.08.2015.
14. Joined Cases C-372/09 and C-373/09, Josep Peñarroja Fa. Judgment of the Court (Fourth Chamber), 17 March 2011 [Electronic resource] // EUR-Lex: access to the European Union law. — Mode of access: <<http://curia.europa.eu/juris/celex.jsf?celex=62009CJ0372&lang=en&type=TEXT&ancre=>>>. — Date of access: 15.08.2015.
15. Meyer Fabre, N. L'obtention des preuves à l'étranger / N. Meyer Fabre [Electronic resource] // Meyer Fabre avocats. — Mode of access: <http://www.meyersfabre.fr/uploadok/HjYw8w_pdf8.pdf>. — Date of access: 10.08.2015.
16. Włosińska, A. Taking of evidence between EU Member States (some remarks on a substantive scope of application of the EU Evidence Regulation) / A. Włosińska [Electronic resource] // School of Social and Political Science and School of Law, University of Edinburgh. — Mode of access: <http://blogs.sps.ed.ac.uk/sls/files/2013/08/Aleksandra-W%C5%82osi%C5%84ska_.pdf>. — Date of access: 16.08.2015.

«Свобода предоставления услуг судебных экспертов в Европейском союзе» (Надежда Шакель)

Рассмотрение трансграничных гражданско-правовых споров в Европейском союзе ставит вопрос о возможности участия в них иностранных судебных экспертов. Имеющаяся судебная практика демонстрирует развитие и уточнение подходов, связанных с решением вопроса о возможности и условиях распространения на деятельность судебных экспертов свободы предоставления услуг. Вместе с тем во внимание следует принимать и то, что в определенных случаях деятельность экспертов воспринимается как связанная с осуществлением публичной власти, что выводит ее из сферы действия норм о свободном предоставлении услуг. В статье рассмотрены указанные аспекты, а также вопросы применения регламента № 1206/2001 «О сотрудничестве судов государств — членов Европейского союза при получении доказательств по гражданским и коммерческим делам» при проведении экспертных исследований, затрагивающих полномочия государства-члена, в котором они будут осуществляться.

«Freedom to Provide Services of Judicial Experts in the European Union» (Nadezhda Shakel)

Trans-border dispute resolution in the European Union poses questions on a possibility of participation in it of foreign judicial experts. The courts' decisions demonstrate development and adjustment of approaches connected with solving problems of possibilities and conditions for extension of freedom to provide services to cover judicial experts' activities. It is necessary to take into account that in specific cases the activities of experts are viewed as those connected with public authorities, so they fall out of the scope of norms on freedom to provide services. The named issues are studied in the article together with the application of the norms of Council Regulation (EC) N 1206/2001 «On cooperation between the courts of the Member States in the taking of evidence in civil or commercial matters» in the process of expert examination which affects the powers of the Member States where it is supposed to take place.

Статья поступила в редакцию в декабре 2015 г.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА НА ЖИЗНЬ В ЕВРОПЕЙСКОМ ПРАВОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Олег Ширинский

Проблема обеспечения права на жизнь в европейском правовом пространстве остается до сих пор нерешенной. Признание неприкосновенности человеческой жизни, основанное на демократическом понимании права с учетом основополагающих европейских ценностей, законодательно закреплено не во всех европейских странах. Даже в государствах — членах Совета Европы, где официально отменена смертная казнь, право на жизнь на практике гарантируется не в полном объеме.

Вопрос эффективного осуществления права на жизнь на протяжении всего периода после окончания Второй мировой войны занимает одно из центральных мест в исследованиях ученых и практиков, изучающих механизм защиты прав и основных свобод человека. Этой проблеме посвящены научные труды отечественных ученых Г. А. Василевича [1], О. В. Чердниченко [22], авторов сборника [16]. Много внимания уделяется различным аспектам реализации права на жизнь российскими учеными А. М. Зайцевой [7], В. А. Карташкиным [8], Т. Г. Морщаковой [12], М. Л. Энтиным [23]. Огромная по объему литература европейских ученых по этому вопросу представлена переводными трудами наиболее авторитетных авторов: Д. Гомьен, Д. Харрис, Л. Звак [4], М. Дженис, Р. Кэй, Э. Брэдли [5], а также бывшего председателя Европейского суда по правам человека Р. Рисдала [20].

Цель настоящей статьи — систематизация и обобщение общеевропейской практики реализации важнейшего из прав человека — права на жизнь, определение сферы деятельности данного права, оснований и условий его ограничения.

Нормативное закрепление права на жизнь

На универсальном уровне гарантия права на жизнь закреплена в Международном пакте о гражданских и политических правах (МПГПП), допускающем при определенных обстоятельствах применение смертной казни [10], и Втором Факультативном протоколе к МПГПП 1989 г. [3], полностью запреща-

ющем ее применение. На региональном уровне в рамках Европейского союза и Совета Европы образованы две правовые системы для защиты прав человека — Хартия основных прав ЕС (Хартия) [21] и Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ) [6]. Эти две системы, в отличие от системы МПГПП, имеют независимые судебные органы (Суд ЕС и Европейский суд по правам человека; далее — ЕСПЧ, Суд). Таким образом, обеспечение прав человека в Европе гарантируется на трех уровнях:

- на международном уровне в рамках МПГПП и ЕКПЧ;

- на уровне Европейского союза в рамках Хартии;

- на национальном уровне посредством закрепления перечня основных прав человека в национальных конституциях и законах, формирующих единый европейский правопорядок [52, р. 147].

Наиболее эффективные критерии защиты права на жизнь определены в статье 2 Хартии:

«Статья 2. Право на жизнь.»

1. Каждый человек имеет право на жизнь.

2. Никто не может быть подвергнут осуждению или наказанию в виде смертной казни» [21].

Однако данная Хартия не обязательна для государств, не являющихся ее участниками, и поэтому может восприниматься ими лишь как ориентир, но не как общеевропейская правовая норма. Это касается и дополнительных протоколов к ЕКПЧ № 6 [17] и № 13 [18], так как они еще не ратифицированы всеми членами Совета Европы. Протокол № 6 до сих пор не ратифицировала Россия, а протокол № 13 не ратифицировали Россия, Армения и Азербайджан. Кроме того, Республика Беларусь по-прежнему не является участником ЕКПЧ, хотя в 2004 г. она повторно выступила с заявлением о желании присоединиться к Совету Европы и о своей готовности взять на себя соответствующие международно-правовые обязательства. К сожалению, политика двойных стандартов привела к повторному отказу нашей стране в членстве. Тем не менее, статья 24 Конституции

Автор:

Ширинский Олег Юрьевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета

Рецензенты:

Астапенко Владимир Аркадьевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного и европейского права факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Михалёва Татьяна Николаевна — кандидат юридических наук, заместитель руководителя института — начальник отделения исследований в области государственного строительства и международного права Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь

Республики Беларусь [9] ориентируется на статью 2 ЕКПЧ [6], так как во время принятия Конституции в 1994 г. предусматривалась возможность присоединения Республики Беларусь к данной Конвенции.

Статья 2 ЕКЧП

«1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть намеренно лишен жизни иначе, как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание.»

2. Лишение жизни не рассматривается как совершенное в нарушение данной Статьи, если оно является результатом применения силы не более чем абсолютно необходимым:

а) для защиты любого лица от незаконного насилия;

б) для осуществления законного ареста или предотвращения побега лица, задержанного на законных основаниях;

с) в случае действий, предусмотренных законом, для подавления бунта или мятежа» [6].

Статья 24 Конституции Республики Беларусь

«Каждый имеет право на жизнь.»

Государство защищает жизнь человека от любых противоправных посягательств.

Смертная казнь до ее отмены может применяться в соответствии с законом как исключительная мера наказания за особо тяжкие преступления и только согласно приговору суда» [9].

Таким образом, положения части 1 статьи 2 ЕКПЧ закреплены в белорусской правовой системе на уровне конституционного закона. Исключительные случаи применения силы, согласно части 2 статьи 2 ЕКЧП, в белорусском законодательстве конкретно определены в ряде обычных законов. Например, статьи 26—29 Закона Республики Беларусь «Об органах внутренних дел» [13] позволяют применять оружие при задержании правонарушителей, а статья 1 Закона «О статусе военнослужащих» позволяет применять силу в случае возникновения массовых беспорядков или попытки свержения конституционного строя [15]. Следовательно, в Республике Беларусь гарантии права на жизнь соответствуют статье 2 ЕКПЧ, а данная статья является общеевропейской гарантией права на жизнь без всяких исключений.

Сфера действия права на жизнь

Согласно французскому тексту, статья 2 ЕКПЧ защищает жизнь всех людей (*toute personne*), а из английского текста (*everyone*) следует, что это право каждого. Поэтому в первом случае возникает вопрос, защищает ли статья 2 ЕКПЧ жизнь человеческого эмбриона,

а во втором случае возникает вопрос о правомерности отказа от данного права (эвтаназия) [52, р. 149]. В настоящей статье данная проблематика ввиду ее специфичности не рассматривается. По общему правилу статья 2 ЕКПЧ защищает всех уже рожденных и еще не умерших людей от посягательств на их жизнь.

К специальным случаям применения положений статьи 2 ЕКПЧ относится запрет противопоставлять человеческие жизни и жертвовать жизнью одних ради спасения других, более «ценных», людей [53, р. 283]. Высылка обвиняемого в страну, где ему с высокой степенью вероятности грозит смертная казнь, также рассматривается как нарушение статьи 2 ЕКПЧ [28, para. 42]. На практике европейские страны передают обвиняемых, которые могут подвергаться опасности, только при условии, что сторона обвинения отказывается от требований вынесения смертного приговора и гарантирует безопасность передаваемого лица [47, para. 97].

В последнее время практика ЕСПЧ значительно расширила сферу применения права на жизнь, включив сюда право на безопасную для жизни и здоровья людей окружающую среду и право на безопасность для жизни и здоровья лиц, находящихся в особых отношениях подчиненности с государством (заключенных, военнослужащих, полицейских, пожарных и т. д.). Более подробно указанные случаи будут рассмотрены ниже.

Ограничения права на жизнь

Применение смертной казни (ч. 1 ст. 2 ЕКПЧ). Смертная казнь в мирное время в европейском регионе до сих пор сохраняется в России и в Беларуси. В России смертная казнь была сохранена вопреки ратификации ЕКПЧ и вытекающих из нее международных обязательств. На данный момент действует мораторий на применение смертной казни, введенный Указом Президента Российской Федерации от 16 мая 1996 г. «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы» [14]. Последующее решение Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 г. [19] подтвердило действие моратория.

Вариант введения моратория на применение смертной казни возможен и в Беларуси в качестве первого шага на пути присоединения к ЕКПЧ. Лишь став полноправным членом Совета Европы после ратификации основных учредительных договоров — Устава Совета Европы и ЕКПЧ, наша страна вправе определить свое отношение к дополнительным протоколам № 6 и № 13. Подобное решение соответствует и общепризнанной международной практике, в частности статье 19 Венской конвенции о праве международных договоров [2], предусматривающей возможность делать ого-

ворки при присоединении к международному договору. В настоящее время смертная казнь, к сожалению, до сих пор применяется в нашей стране. Восстановление статуса специального приглашенного в Совете Европы для Республики Беларусь без всяких дополнительных условий будет, безусловно, содействовать ограничению и возможной полной отмене смертной казни в Европе.

Причинение смерти в исключительных случаях (ч. 2 ст. 2 ЕКПЧ). ЕКПЧ оправдывает действия государства по причинению смерти в трех исключительных случаях, когда лишение жизни квалифицируется как следствие применения силы как «абсолютной необходимости» (*absolutely necessary*) и в строго установленных целях. К таким исключительным случаям относятся причинение смерти с целью защиты лица от противоправного насилия (п. а ч. 2), для осуществления законного задержания (п. b ч. 2) и для подавления массовых беспорядков или мятежа (п. с ч. 2). При этом смерть по общему правилу должна стать результатом неумышленного причинения вреда (*collateral damage*). Лишь в особо тяжких случаях может быть оправданно намеренное убийство, например при смертельном выстреле сотрудника правоохранительных органов во время освобождения заложников [25, р. 230].

При проведении широкомасштабной операции с целью борьбы с терроризмом положения части 2 статьи 2 ЕКПЧ могут быть нарушены, когда операция была проведена недостаточно подготовленными сотрудниками или были допущены грубые ошибки общего планирования операции [38, para. 159]. При этом необходимо учитывать, что в сложившихся обстоятельствах право на жизнь есть у всех участников (гражданские лица, органы безопасности и террористы). Во всяком случае, государство должно нести ответственность за нарушение положений статьи 2 ЕКПЧ, когда захватившие заложников, уже обезврежены и не представляют опасности, а органы безопасности их не задерживают, а убивают [33, para. 226].

Лишение жизни на основании пункта b части 2 статьи 2 ЕКПЧ допустимо при правомерном задержании подозреваемых в совершении преступления или для предотвращения попытки к бегству задержанных лиц. Как и все другие исключения, данный состав преступления подлежит строгому соответствию «абсолютной необходимости», поэтому намеренное убийство лица недопустимо, если цели задержания при этом не могут быть достигнуты (например, убийство лица, которое должно было дать показания в суде и именно с этой целью задерживаемого [42, para. 94]). Операции, проводимые правоохранительными органами, всегда должны планироваться и контролироваться так, чтобы минимизировать возможность применения силы со смертельным исходом [43, para. 4].

В деле *Голубева* ЕСПЧ провел масштабное исследование правомерности применения силы в случае «абсолютной необходимости», которое впоследствии стало эталоном при решении схожих дел: наряд полиции был вызван группой подростков, в отношении которых поступали угрозы убийства от мужчины, якобы стрелявшего в них из пистолета. Когда сотрудники полиции прибыли на место событий, подозреваемый уже находился в своей квартире и вел себя абсолютно спокойно. После первой попытки задержания подозреваемый заперся изнутри. Тогда участковый инспектор проявил инициативу и решил забраться в квартиру через балкон с помощью пожарной лестницы. В ответ подозреваемый попытался столкнуть участкового с лестницы, тот выстрелил в подозреваемого, смертельно ранив его. Во время производства обыска квартиры непосредственно после инцидента, никакого оружия найдено не было. Согласно точке зрения ЕСПЧ, в данном случае оснований для применения огнестрельного оружия как «абсолютной необходимости» не было по следующим причинам:

1) участковый должен был убедиться, что подозреваемый действительно вооружен, а не полагаться только на показания несовершеннолетних подростков;

2) времени было достаточно, чтобы грамотно подготовить операцию. Подозреваемый находился в своей квартире, не мог и не собирался бежать. Вышестоящие должностные лица должны были быть информированы о ходе событий, чтобы взять на себя командование. Действуя по собственному усмотрению, участковый несоразмерно повышал риск для собственной жизни и жизни подозреваемого;

3) специально подготовленный для подобных случаев психолог мог бы разрешить конфликт мирным путем;

4) входная дверь могла быть открыта с помощью специального оборудования, которое отсутствовало при исполнении операции;

5) операция в целом была плохо спланирована и проведена. Действия сотрудников правоохранительных органов не соответствовали минимальному уровню профессиональной подготовки, нарушали не только общепризнанные нормы, но и собственные инструкции.

ЕСПЧ признал лишение жизни подозреваемого неоправданным и установил нарушение его права на жизнь [35, para. 104].

Лишение жизни сотрудниками правоохранительных органов участников массовых беспорядков или восстания допускается пунктом с части 2 статьи 2 ЕКПЧ, когда в установленном законом порядке в стране объявлено чрезвычайное положение. Массовые беспорядки имеют место, когда неорганизованная толпа людей спонтанно нарушает общественный порядок. Как массовые беспорядки следует рассматривать ситуацию в Арме-

нии, где правительство 1 марта 2008 г. после насильственных действий представителей оппозиции, несогласных с итогами президентских выборов, объявило чрезвычайное положение [24]. Что касается восстания, то это наиболее экстремальный случай, при котором часть населения под предводительством организованной группы совершает насильственные действия против законной власти. Практика ЕСПЧ в отношении данного пункта очень сдержана, признавая тем самым суверенное право и обязанность любого государства поддерживать правопорядок и обеспечивать безопасность людей.

Обеспечение права на жизнь

Признание международных обязательств и формальное согласование внутреннего законодательства с положениями ЕКПЧ не являются достаточными мерами, чтобы обеспечить эффективную защиту права на жизнь [55, р. 452]. Нарушение права на жизнь может произойти также вследствие упущения или бездействия со стороны государственной власти. Статья 2 ЕКПЧ требует от национальных властей не только создания соответствующей нормативно-правовой базы, но и фактического осуществления эффективной защиты человеческой жизни [54, р. 671].

По мнению ЕСПЧ, для обеспечения гарантий статьи 2 ЕКПЧ необходимо наличие, прежде всего, эффективной системы правосудия. Отправной точкой служит дело *Османа*, в котором ЕСПЧ сформулировал общие требования по защите лиц, жизни которых угрожает опасность. В соответствии с ними каждое государство при наличии реального и непосредственного риска для жизни своих граждан должно предпринять все шаги к устранению опасности [45, para. 115].

Статья 2 ЕКПЧ не предоставляет, однако, абсолютной защиты от всех опасностей повседневной жизни. Ни одно государство, а также ни одна самая эффективная система правоохранительных органов не в состоянии полностью предотвратить смертельные случаи. Так, ЕСПЧ отклонил жалобу родителей четырнадцатилетнего подростка, погибшего по собственной неосторожности, когда он самостоятельно открыл дверь вагона и вышел с обратной стороны, где его сбил встречный поезд [30]. Обязанность действовать имеет место тогда, когда органы власти могли или должны были установить существующую опасность для жизни определенного лица, исходящую от третьих лиц или от него самого [26, para. 77].

Бесследно пропавший украинский журналист *Гонгадзе*, фигурировавший в судебном деле против украинского правительства, за несколько недель до исчезновения обращался за помощью в прокуратуру с просьбой о защите. Органы управления юстицией не предо-

ставили журналисту никакой защиты, несмотря на очевидный признак наличия опасности для его жизни. В этом ЕСПЧ увидел нарушение статьи 2 ЕКПЧ [36, para. 11, 164].

Позитивная обязанность государства действовать для защиты жизни человека может включать в себя также обязанность предоставлять своевременную информацию о стихийном бедствии. Она возникает, прежде всего, после того, как угроза жизни стала очевидной и конкретной. В случае с *Будаевой* российские органы власти распространили запоздалую и недостаточную информацию об имеющейся опасности, вызванной селевым потоком в горном поселке Тырныауз. Только первая волна селя вынудила местные органы власти объявить о срочной эвакуации населения. Но уже на следующий день жители захотели вернуться в свои дома, потому что не увидели никаких признаков планируемых мероприятий по осуществлению эвакуации. Возвращающиеся домой жители не были предупреждены о продолжающейся опасности, связанной с активным состоянием селевого потока. Наблюдательные посты в горах, в компетенцию которых входит предварительное обнаружение опасности, тоже не были выставлены. Вторая и более мощная волна накрыла жителей поселка, что привело к многочисленным жертвам. Государство в данном случае нарушило свою обязанность в отношении принятия эффективных мер, направленных на устранение явных угроз для человеческой жизни [31, para. 152].

Требования к качеству расследования смертельных случаев

В соответствии с практикой ЕСПЧ существует обязанность расследовать каждое насильственное лишение жизни или попытку самоубийства независимо от того, кем и при каких обстоятельствах они были совершены [51, para. 100]. В целом ЕСПЧ устанавливает определенные требования к качеству расследований случаев насильственной смерти. Лица, виновные в совершении преступления, повлекшего за собой смерть потерпевшего, должны быть установлены и в обязательном порядке привлечены к уголовной ответственности [40, para. 121]. Расследования должны осуществляться по инициативе государственных органов своевременно и достаточно быстро [32, para. 111]. Безотлагательность процедуры расследования, в первую очередь, обеспечивает сохранение доверия граждан к правовым институтам и устраняет появление попустительства в отношении противозаконных действий [37, para. 108, 138]. Безосновательные задержки расследования могут поставить под вопрос его эффективность и вызвать обоснованные сомнения в том, может ли вообще быть установлена истина по делу.

В деле *Базоркиной* российские власти начали расследование только по истечении одного года и пяти месяцев с момента ареста и последующего исчезновения сына заявительницы в Чечне. Расследование продвигалось очень медленно, главные свидетели, непосредственно участвовавшие в операции по задержанию офицеры российской армии, другие задержанные и водитель автобуса, были допрошены только спустя четыре года после происшествия. Офицер, руководивший задержанием, дал показания лишь спустя пять лет и восемь месяцев. Следствие по делу было приостановлено на три года и возобновлено только после обращения заявительницы в российское правительство. Ссылку российского правительства на чрезвычайные обстоятельства во время расследования в Чечне ЕСПЧ отклонил. По его мнению, нет никаких оправданий для неэффективного и нерешительного расследования столь тяжкого преступления, как убийство [29, para. 121].

Власти обязаны прилагать все усилия для сбора и представления доказательств при расследовании случаев причинения смерти. В решении по делу *Финогенова* ЕСПЧ признал неприемлемым убийство всех лиц, участвовавших в захвате заложников. Он также отверг объяснения российского правительства, оправдывающего свои действия с точки зрения эффективности расследования, поскольку погибшие в ходе контртеррористической операции террористы могли стать важным источником информации о ходе планирования и подготовки теракта [33, para. 224].

ЕСПЧ подтвердил в своих решениях право всех заинтересованных лиц на ознакомление с документами или их официальными копиями, полученными в ходе расследования смертельных случаев. При этом правительство не вправе решать, какие документы предоставлять, а какие нет [38, para. 137]. Результаты расследования должны быть доступны общественности, по крайней мере, необходимо обеспечить родственникам жертв возможность ознакомления с этими документами [31, para. 96].

Обязательная защита при особых властных отношениях

Необходимый уровень защиты человеческой жизни не может быть ослаблен при возникновении особых властных отношений между гражданином и государством. Это касается, прежде всего, *государственных служащих опасных профессий, солдат и лиц, заключенных под стражу*. Напротив, таким особым властным отношениям соответствует особая обязательная защита.

Иногда только органы власти знают точный ход событий и могут оказывать на них решающее воздействие. Прежде всего, заключен-

ные и задержанные лица находятся в уязвимом положении и избежать возможной опасности самостоятельно не могут [46, para. 56]. Они должны быть защищены от злоупотреблений сотрудников полиции и правосудия [34, para. 49–56]. В качестве отягчающего обстоятельства при нарушении статьи 2 ЕКПЧ рассматривается отсутствие записей о регистрации задержанных или арестованных лиц, которые должны вестись в обязательном порядке [49, para. 61–67]. Когда смерть была причинена при попытке побега, должны быть предъявлены заключение медицинской экспертизы и протокол, которые описывают точный ход произошедшего инцидента [48, para. 208].

При реальной и непосредственной опасности самоубийства военнослужащего следует принять все необходимые меры, чтобы предотвратить его. Например, солдат, который высказывал намерения покончить жизнь самоубийством, не должен допускаться к службе с оружием [39, para. 62]. Необходимые меры могут также относиться к конкретной ситуации или обстановке. Высокий уровень самоубийств в вооруженных силах делает необходимым улучшение условий жизни солдат и сокращение сроков службы. Например, высокое число случаев самоубийств установлено в российской армии. Согласно данным Министерства обороны, размещенным на официальном сайте в 2008 г., в российской армии от суицида погиб 231 военнослужащий. Позже данную информацию удалили и сейчас данные о потерях российской армии являются секретными.

Защита уязвимых групп населения

На государства возлагается особая обязанность защищать социально уязвимые группы населения, которые включают в себя, в первую очередь, этнические и религиозные меньшинства, а также иностранцев и беженцев. Правоохранительные органы государства должны тщательно расследовать обстоятельства гибели представителей меньшинств, чтобы исключить причинно-следственную связь между убийством и расистскими или экстремистскими взглядами. Эффективность расследования имеет при этом особое значение для обеспечения сохранности доверия меньшинств к государственным органам, способным защитить их от насилия на почве расизма или ксенофобии [27, para. 105].

Жизнь человека может быть под угрозой также вследствие бедности. Государство обязуется обеспечить людей всем, что абсолютно необходимо для их существования. Тем не менее, статья 2 ЕКПЧ не закрепляет право на определенный уровень жизни [50, para. 18]. В деле *Öneryildiz* истец утверждал, что он жил в трущобах рядом со свалкой и потерял девять членов семьи из-за взрыва метана, образовавшегося на свалке в течение жарких меся-

цев летнего периода. Все эти годы власти знали о существующей опасности. Не устранив опасность, государственные органы проигнорировали положение национального природоохранного законодательства, тем самым, по мнению Суда, нарушив статью 2 ЕКПЧ [44, para. 73].

Выводы

Как показывает практика Европейского суда по правам человека, круг стран, в которых право на жизнь гарантировано не в полной мере, довольно узок. К ним относятся новые восточноевропейские демократии или страны с нерешенными этническими или религиозными конфликтами, например Болгария, Турция, Кипр и в последнее время Грузия. Так, начиная с августа 2008 г., из Южной Осетии поступило более 3300 жалоб на нарушение положений статьи 2 ЕКПЧ грузинским правительством [11, с. 33].

Что касается членов ЕС — Болгарии и Кипра, то они необратимо интегрированы в общеевропейское правовое пространство, и реализация на практике норм статьи 2 ЕКПЧ остается лишь вопросом времени и политической воли. Ситуация в России, Беларуси и Турции сложнее, поскольку эти страны склонны идти по «собственному» пути. В то же время слишком жесткая критика и сильное политическое давление со стороны Совета Европы могут лишь поддержать противников европейской интеграции.

Скорее всего, предстоит напряженный путь сотрудничества между этими странами и европейскими институтами в целях укрепления достигнутых успехов и содействия формированию зрелого гражданского общества. Стремительное возрастание количества жалоб в ЕСПЧ отчетливо очертило границы его возможностей. Даже при установлении серьезного нарушения статьи 2 ЕКПЧ Европейский суд по правам человека должен опираться в большинстве случаев на факты, установленные го-

сударственными органами власти. Если бы ЕСПЧ сам устанавливал спорные факты, согласно пункту а части 2 статьи 38 ЕКПЧ, то он был бы чрезмерно перегружен.

Наличие спорных обстоятельств объясняется недостаточным расследованием дел государственными органами власти, которые вряд ли бы свидетельствовали против себя при нахождении дела в суде. Таким образом, ЕСПЧ не остается ничего другого, кроме как, при имеющихся недостатках системы расследования дел государственными органами, признать факт нарушения статьи 2 ЕКПЧ без установления всех фактов по делу. Государства-правонарушители охотно принимают практику ЕСПЧ, поскольку при этом они не раскрывают до конца всю правду о случаях смерти, а сообщают только те факты, которые менее всего вредят репутации страны. Осуждение в данном случае производится на основании нарушения процессуально-правовых норм, таким образом, право на жизнь в определенной степени обесценивается.

Следующая проблема представляет собой эффективность санкций в случае нарушения права на жизнь. За некоторым исключением, все они гражданско-правовой природы. Виновное государство считается исполнившим свое обязательство тогда, когда истцу в связи с нарушением требований ЕКПЧ выплачивается небольшая компенсация из государственной казны. Для стороны, чье право нарушено, такого рода завершение судопроизводства в ЕСПЧ во многих случаях является неприемлемым решением. Судебная практика ЕСПЧ, однако, не признает право требовать уголовного преследования виновных должностных лиц в случае нарушения ими права на жизнь. Такое требование может иметь превентивный характер и, тем самым, усилить гарантии обеспечения реализации статьи 2 ЕКПЧ [53, р. 285]. При этом, в свою очередь, должны учитываться национальные интересы государств и их сдержанное отношение к вопросам ограничения своего суверенитета.

Список использованных источников

1. Василевич, Г. А. Конституционно-правовые аспекты отмены смертной казни в Республике Беларусь / Г. А. Василевич [Электронный ресурс] // Юридический факультет Белорусского государственного университета. — Режим доступа: <<http://www.law.bsu.by/pub/26/Vasilevich10.doc>>. — Дата доступа: 12.12.2015.
2. Венская конвенция о праве международных договоров: [принята 23 мая 1969 г.] [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml>. — Дата доступа: 30.11.2015.
3. Второй Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах, направленный на отмену смертной казни: [принят 15 дек. 1989 г.] [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/deathpro.shtml>. — Дата доступа: 30.11.2015.
4. Гомьен, Д. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика / Д. Гомьен, Д. Харрис, Л. Зваак. — М.: МНИМП, 1998. — 600 с.
5. Дженис, М. Европейское право в области прав человека: практика и комментарии / М. Дженис, Р. Кэй, Э. Брэдли. — М.: Права человека, 1997. — 434 с.
6. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод: [принята 4 нояб. 1950 г.] [Электронный ресурс] // European Court of Human Rights. — Mode of access: <http://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf>. — Date of access: 30.11.2015.
7. Зайцева, А. М. Пределы ограничения права на жизнь / А. М. Зайцева // Конституционное и муниципальное право. — 2008. — № 18. — С. 7–12.

8. Карташкин, В. А. Принципы и нормы в области прав человека: общая теория прав человека / В. А. Карташкин. — М.: Норма, 1996. — 520 с.
9. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изм. и доп., принятыми на Респ. референдуме от 24.11.1996 г., в ред. решения Респ. референдума от 17.11.2004 г.) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2015.
10. Международный пакт о гражданских и политических правах: [принят 16 дек. 1966 г.] [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/racpol.shtml>. — Дата доступа: 30.11.2015.
11. Мирные жители и последствия войны. Грузино-российский конфликт год спустя [Электронный ресурс] // Amnesty international. — Режим доступа: <http://amnesty.org.ru/keepme/Georgia_Russia_Report_7_Aug_2009.pdf>. — Дата доступа: 30.11.2015.
12. Морщакова, Т. Г. Россия последовательно выполняет свои обязательства / Т. Г. Морщакова // Рос. юстиция. — 2001. — № 9. — С. 11–12.
13. Об органах внутренних дел Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 17.07.2007 г. № 263-З [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология Проф / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2015.
14. О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы: Указ президента Рос. Федерации, 16 мая 1996 г., № 724 // СЗ РФ. — 1996. — № 21. — Ст. 2468.
15. О статусе военнослужащих: Закон Респ. Беларусь от 04.01.2010 г. № 100-З [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология Проф / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2015.
16. Право на жизнь и запрет пыток: европейские стандарты и законодательство Республики Беларусь: сб. ст. / отв. ред. В. Филиппов; науч. ред. А. Вашкевич. — Минск: Тесей, 2008. — 358 с.
17. Протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни: [принят 28 апр. 1983 г.] [Электронный ресурс] // Совет Европы. — Режим доступа: <<http://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/114>>. — Дата доступа: 30.11.2015.
18. Протокол № 13 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни при любых обстоятельствах: [принят 3 мая 2002 г.] [Электронный ресурс] // Совет Европы. — Режим доступа: <<http://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/187>>. — Дата доступа: 30.11.2015.
19. Решение Конституционного Суда Российской Федерации «По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года "О порядке введения в действие Закона Российской Федерации "О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР О судостроительстве РСФСР", Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР "Об административных правонарушениях"» в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан, 2 февр. 1999 г. // СЗ РФ. — 1999. — № 6. — Ст. 867.
20. Рисдал, Р. Проблемы защиты прав человека в объединенной Европе / Р. Рисдал // Государство и право. — 1993. — № 4. — С. 29–36.
21. Хартия основных прав ЕС: [принята 7 дек. 2000 г.] [Электронный ресурс] // Право Европейского союза. — Режим доступа: <<http://eulaw.ru/treaties/charter>>. — Дата доступа: 30.11.2015.
22. Чередищенко, О. В. Этико-правовые проблемы эвтаназии в контексте права человека на жизнь / О. В. Чередищенко // pravo.by. — 2010. — № 3. — С. 65–69.
23. Энтин, М. Л. Международные гарантии прав человека: опыт Совета Европы / М. Л. Энтин. — М.: МНИМП, 1997. — 296 с.
24. Armenia: Commissioner Hammarberg visits Yerevan to advocate human rights protection after post-election violence: Press Release 174 (2008) [Electronic resource] // Council of Europe. — Mode of access: <<https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?Ref=PR174%282008%29&Language=lanEnglish&Ver=original&Site=COE&BackColorInternet=DBCFC2&BackColorIntranet=FDC864&BackColorLogged=FDC864>>. — Date of access: 30.11.2015.
25. Arzt, C. Europäische Menschenrechtskonvention und polizeilicher Todesschuss / C. Arzt // DÖV. — 2007. — N 6. — P. 224–232.
26. Case of Akkoç v. Turkey, 10.10.2000, N 22947/93 [Electronic resource] // European Court of Human Rights. — Mode of access: <[http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58905#{%22itemid%22:\[%22001-58905%22\]}](http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58905#{%22itemid%22:[%22001-58905%22]})>. — Date of access: 30.11.2015.
27. Case of Angelova and Iliev v. Bulgaria, 26.07.2007, N 55523/00 [Electronic resource] // European Court of Human Rights. — Mode of access: <[http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-81906#{%22itemid%22:\[%22001-81906%22\]}](http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-81906#{%22itemid%22:[%22001-81906%22]})>. — Date of access: 30.11.2015.
28. Case of Bader and Kanbor v. Sweden, 08.11.2005, N 13284/04 [Electronic resource] // European Court of Human Rights. — Mode of access: <[http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-70841#{%22itemid%22:\[%22001-70841%22\]}](http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-70841#{%22itemid%22:[%22001-70841%22]})>. — Date of access: 30.11.2015.
29. Case of Bazorkina v. Russia, 27.07.2006, N 69481/01 [Electronic resource] // European Court of Human Rights. — Mode of access: <[http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-76493#{%22itemid%22:\[%22001-76493%22\]}](http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-76493#{%22itemid%22:[%22001-76493%22]})>. — Date of access: 30.11.2015.
30. Case of Bone v. France, 01.03.2005, N 69869/01 [Electronic resource] // European Court of Human Rights. — Mode of access: <[http://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22fulltext%22:\[%22Bone%20v.%20France%20%28dec.%29,%20no.%2069869/01,%201%20March%202005%22\],%22documentcollectionid%22:\[%22COMMITTEE%22,%22DECISIONS%22,%22COMMUNICATEDCASES%22,%22CLIN%22\],%22itemid%22:\[%22002-3936%22\]}](http://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22fulltext%22:[%22Bone%20v.%20France%20%28dec.%29,%20no.%2069869/01,%201%20March%202005%22],%22documentcollectionid%22:[%22COMMITTEE%22,%22DECISIONS%22,%22COMMUNICATEDCASES%22,%22CLIN%22],%22itemid%22:[%22002-3936%22]})>. — Date of access: 30.11.2015.
31. Case of Budaeva and others v. Russia, 20.03.2008, N 15339/02 [Electronic resource] // European Court of Human Rights. — Mode of access: <[http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-85436#{%22itemid%22:\[%22001-85436%22\]}](http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-85436#{%22itemid%22:[%22001-85436%22]})>. — Date of access: 30.11.2015.
32. Case of Demir and Baykara v. Turkey, 13.01.2005, N 34491/97 [Electronic resource] // European Court of Human Rights. — Mode of access: <[http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-89558#{%22itemid%22:\[%22001-89558%22\]}](http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-89558#{%22itemid%22:[%22001-89558%22]})>. — Date of access: 30.11.2015.
33. Case of Finogenov and others v. Russia, 18.03.2010, N 18299/03 [Electronic resource] // European Court of Human Rights. — Mode of access: <[http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-108231#{%22itemid%22:\[%22001-108231%22\]}](http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-108231#{%22itemid%22:[%22001-108231%22]})>. — Date of access: 30.11.2015.
34. Case of Gezici v. Turkey, 17.03.2005, N 34594/97 [Electronic resource] // European Court of Human Rights. — Mode of access: <[http://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:\[%22001-68546%22\]}](http://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-68546%22]})>. — Date of access: 30.11.2015.
35. Case of Golubeva v. Russia, 17.12.2009, N 1062/03 [Electronic resource] // European Court of Human Rights. — Mode of access: <[http://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22fulltext%22:\[%22Golubeva%22\],%22documentcollectionid%22:\[%22GRANDCHAMBER%22,%22CHAMBER%22\],%22itemid%22:\[%22001-96353%22\]}](http://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22fulltext%22:[%22Golubeva%22],%22documentcollectionid%22:[%22GRANDCHAMBER%22,%22CHAMBER%22],%22itemid%22:[%22001-96353%22]})>. — Date of access: 30.11.2015.
36. Case of Gongadze v. Ukraine, 08.11.2005, N 34056/02 [Electronic resource] // European Court of Human Rights. — Mode of access: <[http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-70853#{%22itemid%22:\[%22001-70853%22\]}](http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-70853#{%22itemid%22:[%22001-70853%22]})>. — Date of access: 30.11.2015.

«Implementation of the Right to Life in the European Legal Space» (Oleg Shirinsky)

The article is devoted to the analysis of the ECHR legal practice relating to the implementation of the right to life in accordance with Article 2 of the European Convention on Human Rights. The application sphere of the right to life, as well as legal grounds and legitimate means to limit such right are identified. The problem of retaining death penalty in the Republic of Belarus and possible prospects of its abolition with further integration in the European legal space are touched upon. On the basis of the ECHR case law the main obligations of the officials on the human life protection, investigation of cases of the incidence of death, identification of guilty persons and bringing them to justice are formulated. The article identifies the major vulnerable categories of persons in need of particular protection from the State, points out the perils of human life devaluation in the face of terrorist threats and assesses the prospects and main directions in cooperation between European countries in the sphere of human rights protection with the right to life most important among them.

Статья поступила в редакцию в декабре 2015 г.

СТРАТЕГИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В НАЧАЛЕ XXI в.

Александр Чиж

К началу XXI в. обострились проблемы обеспечения энергетической безопасности. Это произошло как в связи с ростом потребления традиционных топливно-энергетических ресурсов и прогнозами относительно сокращения их запасов, так и вследствие повышения цен на нефть. Однако в конце первого десятилетия XXI в. ситуация изменилась — произошел технологический прорыв, позволивший приступить к крупномасштабному освоению сланцевых зон нефтегазоаккумуляции (преимущественно в Северной Америке).

Так называемый сланцевый бум на фоне замедления темпов роста мировой экономики обусловил избыточное предложение на нефтяных рынках и, как следствие, падение во втором полугодии 2014 г. цен на нефть, которое продолжилось в 2015 г. Новые условия изменили подходы стран к обеспечению энергетической безопасности и оказали непосредственное влияние на соотношение различных средств устранения угроз в энергетической сфере. Однако фундаментальные принципы обеспечения энергетической безопасности как производителей, так и потребителей энерго-ресурсов сохраняются, но при этом адаптируются к ситуации в мировой политике и экономике.

Поскольку стабильное энергообеспечение и доступ к топливно-энергетическим ресурсам составляют основу жизнедеятельности современных государств, исследователи постоянно уделяют данным вопросам особое внимание. Например, в работах американского эксперта в области энергетической безопасности Д. Ергина изучены в исторической перспективе особенности мировой энергетической системы [30], а также ее современное состояние [31]. Коллектив авторов под руководством Я. Калицки и Д. Голдвина рассматривает тенденции энергетической политики в различных регионах мира в первом десятилетии XXI в. [17]. Необходимо также отметить классический труд американского ученого и государственного деятеля З. Бжезинского, содержащий в том числе предложения по снижению зависимости Европы от импорта российских энергоносителей [1]. В данном контексте следует упомянуть

работу американского специалиста А. Стент [4], в которой в рамках анализа российско-американских отношений рассмотрены особенности взаимодействия двух стран в энергетике и роль России в энергетическом секторе Евразии. В свою очередь российская исследовательница Е. Телегина рассматривает роль Российской Федерации в энергетике Евразии и возможные направления развития российской энергетической политики [5].

Принимая во внимание актуальность данной темы, обусловленную активным поиском путей и средств обеспечения энергетической безопасности в современном мире, цель настоящей статьи формулируется следующим образом: изучить и обобщить стратегии энергетической безопасности на примере ключевых потребителей и производителей топливно-энергетических ресурсов.

Одним из крупнейших потребителей энергоносителей, приоритеты в энергетической политике которого изменились вместе с новыми обстоятельствами, могут являться Соединенные Штаты Америки. В 2012 г. в ежегодном обращении к Конгрессу президент США Б. Обама отметил, что в 2011 г. уровень импорта нефти достиг своей минимальной отметки за последние 16 лет. Он связывал сокращение импорта с открытием новых месторождений как на суше, так и в шельфовой зоне и придавал особое значение нетрадиционным источникам нефти и газа в обеспечении энергетической независимости США. При этом Б. Обама обратил внимание на необходимость создания мощного сектора альтернативной энергетики и внедрения энергоэффективных технологий для максимального снижения зависимости от поставок извне [25].

В 2013 г. президент США в очередном обращении к Конгрессу помимо анализа различных инициатив в области добычи горючих полезных ископаемых и использования возобновляемых источников выдвинул идею создания фонда энергетической безопасности. По мнению Б. Обамы, объем такого фонда в течение десяти лет должен составить 2 млрд дол. США. Его основу могут составлять отчисления нефтегазовых компаний, формирующиеся

Автор:

Чиж Александр Михайлович — аспирант кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Рецензенты:

Русакович Андрей Владимирович — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой дипломатической и консульской службы факультета международных отношений Белорусского государственного университета
Кузнецова-Тимонова Александра Владимировна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Беларуси

из их прибыли. Средства фонда будут направляться на научные исследования в сфере энергетического сектора, призванные не только повысить его эффективность, но и создать новые рабочие места [26].

При этом наблюдается интересная тенденция в области альтернативной энергетики США. Как отмечают Й. Острандер и У. Р. Лоури, «в 1968 г. на возобновляемые источники (в том числе гидроэнергию) приходилось 6,1 % совокупной выработки американской электроэнергии. Спустя 40 лет этот показатель вырос лишь до 6,7 %». При этом, если в 1968 г. горючие полезные ископаемые удовлетворяли 94 % потребности страны в энергии, то в 2011 г. — только 83 %. Авторы также обращают внимание на то, что правительственные субсидии для компаний в секторах добычи и переработки ископаемого топлива составляют около 4 млрд дол. США в год, в то время как выделяемые из федерального бюджета средства на НИОКР в области альтернативной энергетики по сравнению с ассигнованиями для традиционной и атомной энергетики всегда были низкими [23, р. 397]. (В бюджете 2011 г. на реализацию программ энергоэффективности и возобновляемой энергетики было выделено около 2,7 млрд дол. США; 1,8 млрд дол. США — на поиск новых способов производства, хранения и использования энергии. Для сравнения: на традиционные энергоресурсы было выделено свыше 5 млрд дол. США [12, р. 69–70].)

Долгосрочная цель энергетической политики США имеет три измерения: во-первых, обеспечение стабильных поставок энергоресурсов; во-вторых, формирование и поддержание стоимости энергии на достаточно низком уровне для удовлетворения потребностей растущей экономики, в-третьих, защита окружающей среды при производстве и потреблении этой энергии [24, р. 4]. Вопреки заявленной приверженности развитию альтернативной энергетики Соединенные Штаты сохраняют ориентацию на традиционные источники энергии, что особенно актуально в свете наращивания добычи сланцевых нефти и газа. До тех пор пока в стране будет отсутствовать острая потребность в создании мощного сектора возобновляемой энергетики, в американском топливно-энергетическом комплексе (ТЭК) сохранится доминирование нефти и природного газа, в увеличении объемов добычи которых заинтересованы крупнейшие нефтяные компании.

Бурный рост добычи нефти в сланцевых зонах нефтегазоаккумуляции США способствовал тому, что страна к 2015 г. вошла в тройку ведущих производителей нефти наряду с Россией и Саудовской Аравией. В 2014 г. объемы добычи нефти в Соединенных Штатах достигли 11,644 млн баррелей в сутки, увеличившись по сравнению с 2013 г. на 15,8 %. В то же время американский импорт нефти в 2014 г. соста-

вил 9,221 млн баррелей в сутки, что на 5,8 % ниже, чем в 2013 г. В целом снижение объемов импорта началось в 2011 г. и к 2014 г. достигло 18,6 % [11, р. 8, 19]. Падение со второго полугодия 2014 г. цен на нефть приводит к удешевлению импорта и соответствующему сокращению расходов на ее приобретение.

Аналогичная ситуация складывается в американском газовом секторе. В 2014 г. добыча природного газа достигла 728,3 млрд куб. м, увеличившись по сравнению с 2013 г. на 6,1 %. Импорт газа сократился с 78,9 в 2013 г. до 74,6 млрд куб. м в 2014 г.; импорт сжиженного природного газа сократился на 1 млрд куб. м — до 1,7 млрд куб. м [11, р. 22, 28].

Хотя в США добычу нефти осуществляют частные компании, государство может оказывать влияние на данную сферу путем регулирования экспорта. С 1975 г. введен фактический запрет на экспорт сырой нефти с целью сохранения собственных запасов. Однако американская нефтеперерабатывающая промышленность уже не справляется с растущими объемами добычи, в связи с чем повышается привлекательность продажи нефти на внешних рынках [15]. В октябре 2015 г. Палата представителей Конгресса США проголосовала за снятие запрета. При этом данная тема стала одной из основных в предвыборной кампании 2016 г.: кандидаты от республиканской партии активно поддерживают безоговорочную отмену лицензирования экспорта нефти, а кандидат от демократов Х. Клинтон, как и президент Б. Обама, настаивает на снятии запрета лишь в обмен на уступки со стороны нефтяных компаний [16].

Китай, второй после США крупнейший потребитель нефти, в 2014 г. стал мировым лидером по объемам ее чистого импорта (при этом Китай является крупнейшим мировым производителем и потребителем угля, на который приходится 77 % выработки электроэнергии в стране) [21]. В опубликованной в 2007 г. Белой книге по энергетике КНР [13] проанализированы основные проблемы энергетической безопасности страны и пути их преодоления. В данном документе в качестве одной из угроз энергетической безопасности представлен дефицит собственных топливно-энергетических ресурсов, обуславливающий необходимость не только наращивания импорта нефти и природного газа, но и параллельного развития возобновляемой и атомной энергетики.

Один из ключевых инструментов обеспечения энергетической безопасности КНР — инвестирование в зарубежные нефтегазовые активы по линии национальных нефтяных компаний (ННК) [17, р. 288], которые таким образом получают доступ к энергетическим ресурсам иностранных государств и способствуют удовлетворению растущих потребностей своей страны. Однако у этой политики есть и обратная сторона: «через инвестиции ННК Китай

оказался вовлеченным в конфликты в Ливии и в разделенном Судане» [17, р. 290]. Кроме того, осуществляя капиталовложения в странах Африки южнее Сахары, КНР сталкивается с политическими и экономическими рисками — социально-экономической нестабильностью, коррупцией, локальными конфликтами и т. д.

В Белой книге по энергетике КНР за 2012 г. [14] особо подчеркивается необходимость развития возобновляемой энергетики с целью не только диверсифицировать источники энергии, но и защитить окружающую среду и сократить выбросы парниковых газов в атмосферу. В 2014 г. по капиталовложениям в возобновляемую энергетику Китай стал мировым лидером, вложив в нее рекордные 83,3 млрд дол. США [20, р. 4]. Характерно, что данная Белая книга относит к возобновляемым источникам и атомную энергетику, на которую в Китае в 2013 г. приходился 1 % общей выработки электроэнергии [21].

Особое место среди потребителей энерго-ресурсов занимает Европейский союз — объединение 28 стран, не имеющих или имеющих весьма незначительные запасы топливно-энергетических ресурсов и, таким образом, вынужденных полагаться на импорт нефти и природного газа для удовлетворения своих потребностей в энергии. В связи с сильной зависимостью от импорта энергоносителей Брюссель в течение почти десяти лет разрабатывал стратегию обеспечения энергетической безопасности ЕС, основы которой заложены в ряде документов.

В 2006 г. Европейская комиссия опубликовала так называемую Зеленую книгу под названием «Европейская стратегия использования стабильной, конкурентоспособной и безопасной энергии». В ней были намечены и предложены к обсуждению возможные направления и средства укрепления энергетической безопасности ЕС. Авторы указали шесть потенциальных приоритетов:

- создание европейских рынков электроэнергии и природного газа;
- гарантирование стабильных поставок энергии и энергоносителей в рамках внутреннего рынка за счет обеспечения солидарности между странами — членами Евросоюза;
- формирование устойчивого, эффективного и диверсифицированного энергобаланса;
- применение интегрированного подхода к борьбе с изменением климата;
- стимулирование внедрения инновационных технологий;
- реализация согласованной внешней энергетической политики [8].

В 2007 г. Европейская комиссия (далее — ЕК) представила аналитический документ «Энергетическая политика для Европы», в соответствии с которым обеспечение стабильной и доступной энергии для потребителей должно достигаться посредством борьбы с измене-

нием климата, ограничения внешней уязвимости ЕС перед импортным углеводородным топливом, поддержки экономического роста и создания новых рабочих мест [10]. ЕК также предлагала совершить так называемую новую промышленную революцию через формирование внутреннего энергетического рынка ЕС, гармонизацию законодательства стран-участниц для более эффективного регулирования энергетического сектора, внедрение энергоэффективных технологий, развитие возобновляемой и наращивание потенциала атомной энергетики.

В то же время авторы документа отмечали, что Европейский союз, будучи не в состоянии самостоятельно достичь поставленных целей, должен активно сотрудничать с зарубежными партнерами: «работать с развитыми и развивающимися странами, потребителями и производителями энергоносителей, для обеспечения конкурентоспособной, устойчивой и надежной энергетики...; энергетика должна стать центральным компонентом всех внешних отношений ЕС» [10].

Ключевые направления энергетической политики ЕС были закреплены на законодательном уровне в Лиссабонском договоре, вступившем в силу 1 декабря 2009 г. В соответствии со статьей 194 этого документа энергетическая политика ЕС в духе солидарности между государствами-членами направлена на обеспечение функционирования энергетического рынка, гарантирование бесперебойных поставок энергетических ресурсов, продвижение энергоэффективности и энергосбережения, а также развитие новых и возобновляемых форм энергии, обеспечение взаимосвязи между энергетическими сетями [28].

Таким образом, в 2006—2009 гг. сформировались общие направления стратегии обеспечения энергетической безопасности Евросоюза, среди которых наиболее важными стали создание единого энергетического рынка, развитие возобновляемой энергетики и диверсификация поставок энергоносителей. Однако в апреле 2014 г. премьер-министр Польши (ныне председатель Европейского совета) Д. Туск [29] выдвинул идею создания энергетического союза в рамках ЕС, цель которого — объединить, сплотить Европу. По мнению Д. Туска, энергетический союз должен опираться на шесть принципов: 1) создание механизма для совместных переговоров стран — членов ЕС по поставкам природного газа; 2) создание механизмов обеспечения солидарности среди участников Евросоюза в случае прекращения поставок; 3) поддержка строительства необходимой инфраструктуры; 4) использование Европой в полной мере имеющихся горючих полезных ископаемых, в том числе угля и сланцевого газа; 5) налаживание отношений с партнерами за пределами ЕС (по вопросам

поставок природного газа) и 6) обеспечение энергетической безопасности не только Европейского союза, но и Европы в целом.

При этом представляется, что Д. Туск озвучил концепцию, которая ранее разрабатывалась в ЕС, поскольку уже 28 мая 2014 г. была принята новая стратегия энергетической безопасности, в которой приветствуется создание энергетического союза [19]. Среди прочего в данной концепции особо подчеркиваются необходимость снижения поставок природного газа из Российской Федерации, развитие международного сотрудничества и достижение открытости запасов нефтяного сырья и нефтяных рынков, а также защита стратегической энергетической инфраструктуры.

Для реализации данных мер ЕС установил следующие целевые показатели: 20 % — доля возобновляемых источников энергии в валовом потреблении и 20 % — показатель энергосбережения к 2020 г. К 2013 г. доля возобновляемых источников энергии в валовом потреблении составляла 11,8 % [27], а энергосбережение установилось на уровне 12,8 % [18]. В то же время Евросоюзу не удалось сформировать полноценный единый энергетический рынок к 1 января 2015 г. в соответствии с намеченными планами. Вместе с тем были созданы региональные рынки электроэнергии — рынок Западной Европы, рынок Центральной и Восточной Европы и Прибалтийский рынок. Формирование же единого рынка природного газа потребует модернизации и совершенствования существующей трубопроводной инфраструктуры, а также строительства новых газопроводов для диверсификации поставок газа. Важнейшим проектом является строительство Южного газового коридора — комплекса трубопроводов для транспортировки газа из Азербайджана в ЕС. Однако его роль в будущем едином энергетическом рынке прояснится лишь после 2019 г., когда начнутся поставки, запланированные на этот период.

Таким образом, потребители стремятся минимизировать импорт энергоносителей путем диверсификации своего энергобаланса и повышения эффективности использования ископаемого топлива и электроэнергии. При этом Соединенные Штаты также наращивают добычу сланцевых нефти и природного газа, которые позволяют им в большей степени опираться на собственный энергетический потенциал. Если технологии освоения запасов на сланцевых зонах нефтегазоаккумуляции получат широкое распространение, то в перспективе другие страны, обладающие таким видом ресурсов, будут таким же образом укреплять свою энергетическую безопасность.

Следует отметить, что поиск путей обеспечения энергетической безопасности актуален не только для импортеров, но и для экспортеров топливно-энергетических ресурсов, однако их цели различаются. Это обуславливает-

ся тем, что потребители заинтересованы в поставках энергоносителей по доступным (низким) ценам, в то время как для производителей выгодны высокие цены, способствующие увеличению экспортной выручки и, как следствие, доходов в бюджет.

Саудовская Аравия, являющаяся обладателем крупнейших в мире доказанных запасов нефти и вторым после Соединенных Штатов производителем сырой нефти (по состоянию на 2014 г.), также встала на путь разработки собственной энергетической политики, что объясняется рядом факторов. Во-первых, по данным Управления энергетической информации США, Саудовская Аравия — крупнейший потребитель нефти на Ближнем Востоке, в частности в сфере транспортного топлива и прямого сжигания сырой нефти для выработки электроэнергии [21]. Во-вторых, 80 % дохода в ее национальный бюджет поступает от экспорта нефти и газоконденсатных жидкостей. В-третьих, в стране наблюдается активный рост внутреннего потребления (до 7 % в год) [9, p. 7].

В связи с этим в Саудовской Аравии развивается альтернативный сектор энергетики, а также ведутся исследования в области создания энергоэффективных технологий для промышленности и транспортного сектора. Самой масштабной инициативой по снижению внутреннего потребления нефти (высвободившиеся объемы будут направляться на экспорт) стал запущенный в 2010 г. проект *King Abdullah City for Atomic and Renewable Energy (K.A.CARE)*. Реализация данного проекта позволит к 2032 г. сформировать следующую структуру энергетического баланса страны: углеводороды — 60 ГВт; атомная энергия — 17,6 ГВт; солнечная энергия — 41 ГВт (из них 16 ГВт будут вырабатываться с помощью фотоэлектрических элементов, 25 ГВт — с помощью концентрированной солнечной энергии); ветроэнергетика — 9 ГВт; энергия, получаемая в результате утилизации отходов, — 3 ГВт и 1 ГВт — геотермальная энергия [22].

Что же касается внешней составляющей энергетической политики, то Саудовская Аравия «признает важность поддержания стабильного рынка нефти посредством обеспечения разумных, надежных поставок и борьбы с завышенными ценами на нефть» [9, p. 9].

Следует отметить, что падение цен на нефть может привести к росту дефицита государственного бюджета Саудовской Аравии, в результате чего королевство будет вынуждено сокращать расходы. Высока вероятность того, что если низкие цены на нефть сохранятся в течение длительного периода, то Саудовская Аравия сможет экономить бюджетные средства за счет переноса на более поздний срок реализации ряда проектов в сфере возобновляемой энергетики.

Еще одним ведущим игроком на мировых энергетических рынках является Российская Федерация. Стратегия обеспечения энергетической безопасности России охватывает широкий спектр сфер и направлений и занимает особое место во внешней политике страны. Это подтверждается некоторыми положениями на Энергетической стратегии России на период до 2020 года, утвержденной правительством этой страны в 2003 г. В данном документе отмечается, что «глобальный характер энергетических проблем и все большая их политизация, а также влиятельное положение ТЭК России в системе мировой энергетики выдвинули энергетический фактор в число базовых элементов российской дипломатии». Более того, в качестве стратегической цели развития нефтегазового комплекса среди прочего названо «обеспечение политических интересов России в мире» [6, с. 37].

В 2009 г. российское правительство утвердило новую Энергетическую стратегию России на период до 2030 года, в которой отмечается, что «стратегической целью внешней энергетической политики является максимально эффективное использование энергетического потенциала России для полноценной интеграции в мировой энергетический рынок, укрепления позиций на нем и получения наибольшей выгоды для национальной экономики». Вместе с тем «стабильные отношения с традиционными потребителями российских энергоресурсов и формирование столь же устойчивых отношений на новых энергетических рынках являются важнейшими направлениями энергетической политики страны в сфере обеспечения глобальной энергетической безопасности в соответствии с национальными интересами страны» [7].

Россия уделяет существенное внимание развитию и модернизации своего ТЭК, поскольку это позволит ей поддерживать необходимые объемы экспорта энергоносителей. В то же время страна находится в сильной зависимости от ископаемых видов топлива с точки зрения внутреннего потребления: в период с 2005 по 2013 г. и на нефть, и на природный газ приходилось свыше 40 % производства первичных энергоресурсов. Для сравнения: доля электроэнергии, выработанной гидро-, атомными, геотермальными и ветровыми электростанциями, составляла примерно 6,5 % в тот же период [2].

Вместе с тем Россия настаивает на активизации многостороннего международного сотрудничества в целях обеспечения энергетической безопасности. Именно под председательством России в 2006 г. на саммите «Группы

восьми» в Санкт-Петербурге был принят план действий «Глобальная энергетическая безопасность» [3], в котором были изложены основные пути устранения угроз энергетической безопасности и гарантирования устойчивости мировых энергетических рынков в интересах производителей и потребителей.

Нарастание напряженности в отношениях Российской Федерации и Европейского союза в связи с украинским кризисом свидетельствует о том, что энергетическая стратегия может потребовать адаптации к меняющимся условиям на континенте и в мире в целом. Однако в то же время разногласия с традиционными потребителями российских энергоносителей могут подтолкнуть Россию к более активному развитию других направлений для экспорта углеводородного топлива. В 2014—2015 гг. российское правительство приступило к развитию восточного направления своей энергетической политики, в первую очередь в сфере поставок природного газа в Китай. Вместе с тем, учитывая необходимость крупномасштабных инвестиций для реализации данных проектов, перспективы восточного вектора России в энергетике пока неясны.

Таким образом, в современных условиях для обеспечения энергетической безопасности основные потребители и производители энергоресурсов придерживаются следующих стратегий:

а) развитие сектора сланцевых углеводородов, позволяющего нарастить собственную добычу и сократить импорт нефти и газа;

б) увеличение в энергобалансе доли возобновляемых источников энергии, что дает возможность импортерам снизить зависимость от внешних поставщиков, а экспортерам — удовлетворить внутренний спрос и увеличить экспорт за счет высвободившихся объемов углеводородного топлива;

в) внедрение энергоэффективных технологий для оптимизации потребления и содействия борьбе с экологическими угрозами.

Различное сочетание данных стратегий будет характерно для стран и регионов планеты в зависимости от состояния и направлений обеспечения их энергетической безопасности. Вместе с тем меняющаяся динамика мирового ТЭК, которая определяется снижением цен на нефть и природный газ, будет влиять на выбор странами той или иной стратегии. Под угрозой может оказаться стратегия использования возобновляемых источников энергии, которые на фоне дешевой нефти и нефтепродуктов могут стать менее привлекательными по сравнению с традиционными способами производства энергии.

Список использованных источников

1. Бжезинский, З. Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы: пер. с англ. / З. Бжезинский. — М.: АСТ, 2014. — 702, [2] с.
2. Производство первичных энергоресурсов по видам [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. — Режим доступа: <http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_13/IssWWW.exe/Stg/do2/14-20.htm>. — Дата доступа: 31.10.2015.

3. Санкт-Петербургский план действий «Глобальная энергетическая безопасность» [Электронный ресурс] // Официальный сайт председательства Российской Федерации в «Группе восьми». — Режим доступа: <<http://g8russia.ru/load/983152953>>. — Дата доступа: 31.10.2015.
4. Стент, А. Почему Америка и Россия не слышат друг друга? Взгляд из Вашингтона на новейшую историю российско-американских отношений / А. Стент; пер. с англ. Е. Лалаян. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. — 464 с.
5. Телегина, Е. А. Кризис доверия: новое измерение энергетической безопасности и энергетическое будущее Евразии / Е. А. Телегина // Энергетическая политика. — 2014. — № 5. — С. 32—36.
6. Энергетическая стратегия России на период до 2020 года [Электронный ресурс] // Центр наукоемких технологий. — Режим доступа: <http://www.cpnt.ru/userfiles/_files_normativ_energosafe_energostategy.pdf>. — Дата доступа: 18.10.2015.
7. Энергетическая стратегия России на период до 2030 года [Электронный ресурс] // Министерство энергетики Российской Федерации. — Режим доступа: <<http://minenergo.gov.ru/node/1026>>. — Дата доступа: 18.10.2015.
8. A European Strategy for Sustainable, Competitive and Secure Energy: Green Paper: Doc. COM (2006) 105 final. Brussels, 08.06.2006 [Electronic resource] // EUR-Lex: Access to the European Union law. — Mode of access: <<http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52006DC0105&from=EN>>. — Date of access: 18.10.2015.
9. Akhonbay, H. Saudi Arabia's Energy Policy. A Disciplined Approach to Forward-Looking Policymaking / H. Akhonbay [Electronic resource] // Center for Strategic and International Studies. — Mode of access: <http://csis.org/files/publication/120831_Akhonbay_SaudiArabiaEnergy_Web.pdf>. — Date of access: 12.11.2015.
10. An Energy Policy for Europe: Communication from the Commission to the European Council and the European Parliament: Doc. COM (2007) 1 final. Brussels, 10.01.2007 [Electronic resource] // EUR-Lex: Access to the European Union law. — Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/smartapi/cgi/sga_doc?smartapi!celexplus!prod!DocNumber&lg=en&type_doc=COMfinal&an_doc=2007&nu_doc=1>. — Date of access: 18.10.2015.
11. BP Statistical Review of World Energy. 2015 Edition [Electronic resource] // British Petroleum. — Mode of access: <<http://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/energy-economics/statistical-review-2015/bp-statistical-review-of-world-energy-2015-full-report.pdf>>. — Date of access: 15.10.2015.
12. Budget of the U.S. Government. Fiscal Year 2011 [Electronic resource] // The White House. — Mode of access: <<https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/omb/budget/fy2011/assets/budget.pdf>>. — Date of access: 31.10.2015.
13. China's Energy Conditions and Policies: White Paper [Electronic resource] // China.org.cn. — Mode of access: <<http://www.china.org.cn/english/environment/236955.htm>>. — Date of access: 09.10.2015.
14. China's Energy Policy 2012 [Electronic resource] // The State Council of the People's Republic of China. — Mode of access: <http://english.gov.cn/archive/white_paper/2014/09/09/content_281474986284499.htm>. — Date of access: 09.10.2015.
15. Clayton, B. The Case of Allowing U.S. Crude Oil Export / B. Clayton [Electronic resource] // Council on Foreign Relations. — Mode of access: <<http://www.cfr.org/oil/case-allowing-us-crude-oil-exports/p31005>>. — Date of access: 10.10.2015.
16. Colgan, J. From West Texas to the World / J. Colgan [Electronic resource] // Foreign Affairs. — 26.10.2015. — Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/north-america/2015-10-26/west-texas-world?cid=nlc-twofa-20151029&sp_mid=49896636&sp_rid=YWxleGFuZGVyLmouY2hpemhAZ21haWwuY29tSo>. — Date of access: 31.10.2015.
17. Energy and Security: Strategies for a World in Transition. 2nd ed. / ed. by J. H. Kalicki, D. L. Goldwyn. — Washington, D. C., Baltimore: Woodrow Wilson Center Press; Johns Hopkins University Press, 2013. — 664 p.
18. Energy savings statistics [Electronic resource] // Eurostat Online Database. — Mode of access: <http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Energy_saving_statistics>. — Date of access: 18.10.2015.
19. European Energy Security Strategy: Communication from the European Commission to the European Parliament and the Council: Doc. COM (2014) 330 final. Brussels, 28.05.2014 [Electronic resource] // EUR-Lex: Access to the European Union law. — Mode of access: <<http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52014DC0330&from=EN>>. — Date of access: 18.10.2015.
20. Global Trends in Renewable Energy Investment 2015. Datapack [Electronic resource] // Frankfurt School-UNEP Collaborating Centre for Climate and Sustainable Energy Finance. — Mode of access: <http://fs-unep-centre.org/sites/default/files/attachments/unep_gtr_data_file_11_may_2015_amc_lm.pdf>. — Date of access: 18.10.2015.
21. International Energy Statistics [Electronic resource] // U.S. Energy Information Administration. — Mode of access: <<http://www.eia.gov/cfapps/ipdbproject/iedindex3.cfm?tid=90&pid=44&aid=8>>. — Date of access: 17.10.2015.
22. King Abdullah City for Atomic and Renewable Energy [Electronic resource] // K.A.CARE. — Mode of access: <<http://www.kacare.gov.sa/en/>>. — Date of access: 12.10.2015.
23. Ostrander, I. Oil Crises and Policy Continuity: A History of Failure to Change / I. Ostrander, W. R. Lowry // The Journal of Policy History. — 2012. — Vol. 24, N 3. — P. 384—404.
24. Ratner, M. U.S. Energy: Overview and Key Statistic. CRS Report. June 27, 2014 / M. Ratner, C. Glover [Electronic resource] // Federation of American Scientists. — Mode of access: <<https://www.fas.org/sgp/crs/misc/R40187.pdf>>. — Date of access: 15.10.2015.
25. Remarks by the President in State of the Union Address 2012 [Electronic resource] // The White House. — 24.01.2012. — Mode of access: <<https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2012/01/24/remarks-president-state-union-address>>. — Date of access: 17.10.2015.
26. Remarks by the President in State of the Union Address 2013 [Electronic resource] // The White House. — 12.02.2013. — Mode of access: <<https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/02/12/remarks-president-state-union-address>>. — Date of access: 17.10.2015.
27. Share of renewables in gross inland energy consumption, 2013 (%) [Electronic resource] // Eurostat Online Database. — Mode of access: <[http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/File:Share_of_renewables_in_gross_inland_energy_consumption_2013_\(%25\)_YB15.png](http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/File:Share_of_renewables_in_gross_inland_energy_consumption_2013_(%25)_YB15.png)>. — Date of access: 18.10.2015.
28. Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community, signed at Lisbon, 13 December 2007 [Electronic resource] // EUR-Lex: Access to European Union law. — Mode of access: <<http://eur-lex.europa.eu/JOHtml.do?uri=OJ:C:2007:306:SOM:EN:HTML>>. — Date of access: 11.10.2015.
29. Tusk, D. A United Europe Can End Russia's Energy Stranglehold / D. Tusk [Electronic resource] // The Financial Times. — 21.04.2014. — Mode of access: <<http://www.ft.com/cms/s/0/91508464-c661-11e3-ba0e-00144feabdco.html#axzz3opAwrmVC>>. — Date of access: 17.10.2015.
30. Yergin, D. The Prize: The Epic Quest for Oil, Money and Power / D. Yergin. — New York: Simon & Schuster, 1991. — 928 p.
31. Yergin, D. The Quest: Energy, Security, and the Remaking of the Modern World / D. Yergin. — New York: Penguin Press HC, 2011. — 816 p.

«Стратегии обеспечения энергетической безопасности в начале XXI в.» (Александр Чиж)

В статье рассматриваются меры, которые предпринимают государства для устранения угроз энергетической безопасности и гарантирования стабильного энергоснабжения. На основании анализа последних статистических данных и концептуальных документов крупнейших потребителей и производителей энергоносителей автор делает вывод о наиболее распространенных и эффективных стратегиях обеспечения энергетической безопасности.

«Energy Security Strategies in the Beginning of the 21st Century» (Aliaksandr Chyzh)

This article discusses the measure taken by states to mitigate energy security risks and ensure stable energy supplies. Based on the analysis of the latest data and concepts of the largest consumers and producers of energy, the author draws the conclusion on the prevailing and most efficient energy security strategies.

Статья поступила в редакцию в ноябре 2015 г.

СОТРУДНИЧЕСТВО ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА С КИТАЕМ В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ В 2000-е гг.

Олеся Рубо

Наряду с развитием сотрудничества в экономической и политической сферах особое внимание в отношениях Европейского союза (ЕС) и Китайской Народной Республики (КНР) уделяется развитию контактов между людьми и укреплению диалога между гражданским обществом. Расширение сотрудничества в гуманитарной сфере наблюдается в связи с заявлением сторон об установлении между ними стратегического партнерства. ЕС и КНР активно развивают сотрудничество в области культуры и образования с тем, чтобы содействовать углублению взаимопонимания и укреплению доверия, что является необходимым для налаживания прочных связей между народами.

Целью данной статьи является исследование развития культурных и образовательных связей ЕС с Китаем в 2000-е гг., изучение договорно-правовой базы, определение основных направлений взаимодействия сторон и их итогов на современном этапе, анализ проблем и перспектив расширения сотрудничества в сфере культуры и образования.

При написании статьи были использованы работы европейских (А. Фулда, Х. Фабиан [11], М. Рейтерер [18], Э. Зандшнайдер [19]) и китайских (Сон Тао [20], Ян Яньи [25]) авторов, официальные документы в области развития двусторонних европейско-китайских культурных и образовательных отношений [12; 13; 21], выступления официальных лиц [2; 6; 24], материалы новостных информационных агентств [1; 3; 7].

Как утверждают европейские исследователи, специализирующиеся на изучении Китая, А. Фулда и Х. Фабиан, из-за языковых и культурных различий выстраивание сотрудничества ЕС с КНР не является легким и риск возникновения недоразумений в повседневной жизни и в политике остается высоким. Многие споры и недопонимания между сторонами в настоящее время, по мнению авторов, связаны с низким уровнем межкультурных знаний и доверия между Европой и Китаем. В связи с этим подчеркивается важность развития контактов между гражданами стран — членов ЕС

и Китая, которые должны рассматриваться как основа сотрудничества между двумя сторонами [11, p. 273–274].

В декабре 2003 г. европейский комиссар по вопросам образования, культуры, молодежи и СМИ и спорта В. Реддинг и министр культуры КНР Сунь Цзячжэн заявили о готовности активно развивать культурные и образовательные отношения. Обе стороны подчеркнули, что «укрепление диалога между культурами и народами является одним из приоритетов для Европейского союза и Китайской Народной Республики», и договорились о проведении на регулярной основе встреч на высоком уровне с целью содействия взаимопониманию и определения возможных сфер сотрудничества [9].

Наиболее важными проводниками культурных и образовательных связей являются Генеральный директорат Европейской комиссии по вопросам культуры и образования, Министерство культуры и Министерство образования КНР, Представительство Европейского союза в Китае и Миссия Китайской Народной Республики при Европейском союзе, отдельные культурные и образовательные учреждения.

Сфера образования явилась важным элементом в системе гуманитарного сотрудничества между ЕС и Китаем. В совместном заявлении по результатам саммита в Хельсинки в сентябре 2006 г. стороны отметили, что «усиление сотрудничества в сфере образования служит социально-культурной основой устойчивого развития всестороннего стратегического партнерства между ЕС и Китаем» [15]. В подтверждение этого 22 октября 2007 г. в Пекине комиссар ЕС по вопросам образования, обучения, культуры и молодежи Я. Фигель, и министр образования КНР Чжоу Цзи, подписали Совместную декларацию об усилении сотрудничества в сфере образования и профессиональной подготовки, в которой обе стороны признали, что расширение сотрудничества в этой сфере необходимо в целях «улучшения взаимопонимания и укрепления их позиций в мировой экономике и международном сообществе в целом».

Автор:

Рубо Олеся Петровна — соискатель кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Рецензенты:

Космач Геннадий Аркадьевич — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории исторического факультета Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка

Турарбекова Роза Маратовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

В документе определены основные цели сотрудничества в сфере образования:

- создание структурированного политического диалога по вопросам образования и профессиональной подготовки;
- регулярный обмен опытом;
- взаимное признание ученых степеней и дипломов;
- обсуждение проблем в контексте существующей системы сотрудничества и будущей модели партнерства;
- поддержка в преподавании языков и содействие в проведении научных исследований [12].

Взаимодействие в области изучения языков стало одним из интенсивно развивающихся направлений сотрудничества между ЕС и Китаем. В ходе визита европейского комиссара по вопросам мультилингвизма Л. Орбана в Китай в марте 2009 г. была подписана Совместная декларация Европейской комиссии и Министерства образования КНР об укреплении мультилингвизма. Обе стороны заявили о намерении обмениваться информацией и наилучшими практиками в образовательной политике и методах преподавания иностранных языков [16].

Об активном сотрудничестве ЕС с Китаем в сфере образования свидетельствует тот факт, что китайские студенты с 2004 г. участвуют в европейской программе «Эразмус Мундус» (с 2014 г. — программа «Эразмус Плюс»), что позволяет им учиться в странах ЕС. С 2010 г. китайские ученые также имеют право на получение стипендий для проведения научных исследований [4]. Кроме того, Китай лидирует среди стран Азии по количеству реализованных исследовательских проектов в рамках Программы Жана Моне, направленной на расширение знаний о процессах европейской интеграции. Так, например, в 2008—2013 гг. конкурсной комиссией Программы Жана Моне была одобрена 21 заявка, что составило 50 % от общего количества поступивших заявок. С 2013 г. в Китае осуществляется реализация еще трех проектов в рамках этой программы [23].

Китайская сторона также активно финансирует академические обмены. Китайский стипендиальный совет оказывает содействие Министерству образования КНР в реализации программ по обмену и сотрудничеству в области высшего образования. Основными программами, в которых участвуют студенты и молодые ученые из стран — членов ЕС и Китая, являются стипендиальная программа правительства КНР, программа постдипломного обучения за рубежом (в рамках этой программы выдающиеся китайские студенты получают финансирование для обучения в лучших университетах мира с 2007 г.), языковая программа обмена «Окно ЕС» (программа с 2007 г. финансируется правительством КНР, что позволяет преподавателям китайского языка в странах — членах ЕС улучшить свои знания) [4].

Усилиями специалистов из ЕС и Китая были созданы следующие образовательные учреждения: Китайско-европейская международная бизнес-школа в Шанхайском транспортном университете, Китайско-европейская школа права в Китайском университете политологии и права (Пекин) и Китайско-европейский институт чистых возобновляемых источников энергии в Центральном-китайском университете науки и техники (Ухань) [10].

Изучая сотрудничество между ЕС и Китаем в сфере образования, специалист в области мировой политики В. Папатеологу утверждает, что в интересах китайской стороны принимать активное участие в программах академического обмена. Тесное сотрудничество с ЕС в области высшего образования позволяет китайцам повысить уровень благосостояния и конкурентоспособность своей страны. В частности, академические обмены важны для руководства КНР, по мнению исследователя, по следующим причинам: во-первых, Китай получает доступ к новым знаниям и рынкам. Во-вторых, страна приобретает опыт по решению социальных проблем. В-третьих, Китай получает новое высокообразованное поколение, которое понимает культурные особенности обеих сторон и умеет применять эти знания с пользой для своей страны. В-четвертых, Китай может извлечь выгоду из академических обменов с ЕС, повышая уровень своего высшего образования [17].

Что касается культурных связей между ЕС и Китаем, то оба актора являются участниками Конвенции ЮНЕСКО об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения и, следовательно, уделяют большое внимание вопросам культуры в выстраивании своей внешней политики. При этом существуют значительные различия в ценностях между ЕС и Китаем, и стороны этот факт признают. Тем не менее, как утверждает главный советник отдела Азиатско-Тихоокеанского региона Европейской службы внешних действий М. Рейтерер, «даже принципиальные различия не должны быть причиной для бездействия, а, наоборот, они должны быть мощным стимулом к диалогу и сотрудничеству, чтобы лучше узнать друг друга» [18, р. 143—144]. ЕС уделяет большое внимание использованию «мягкой силы» для улучшения своего имиджа в Китае посредством содействия культурному многообразию, что, по мнению М. Рейтерера, может быть полезно при проведении политических диалогов и развитии торговых отношений между сторонами [18, р. 145].

Для развития сотрудничества в сфере культуры ЕС, безусловно, необходимо учитывать ценности Китая и рассматривать страну как равноправного партнера. По утверждению немецкого специалиста в области международных отношений Э. Зандшайдера, «времена западного превосходства, доминирования, в

том числе и в сфере культуры, давно прошли, и те, кто хочет использовать западную культуру для изменения Китая, заведомо обречены на провал». К тому же необходимо выстраивать каналы гуманитарного сотрудничества в Китае главным образом через государственные структуры [19, р. 41].

Китай выдвинул много инициатив, опираясь на опыт Запада. При выстраивании внешней политики руководство КНР понимает роль и значение «мягкой силы» и умело использует инструменты культурной дипломатии [19, р. 41]. Так, например, Китай создал собственный механизм для развития «мягкой силы» в виде институтов Конфуция с целью повышения привлекательности имиджа страны и усиления ее культурного влияния по всему миру, в том числе и в странах — членах ЕС.

Подчеркивая значение культурного фактора в международных отношениях, комиссар Я. Фигель и министр культуры КНР Сунь Цзячжэн 22 октября 2007 г. в Пекине подписали Совместную декларацию об усилении сотрудничества в сфере культуры. В декларации указывалось, что обе стороны «признают решающий вклад культуры в улучшение взаимопонимания и толерантности и полагают, что расширение сотрудничества является необходимым для усиления их позиций в мировом сообществе» [21].

В ноябре 2009 г. в Нанкине на саммите ЕС—Китай было принято решение о проведении ежегодного культурного форума на высоком уровне. В октябре 2010 г. в Брюсселе в рамках двустороннего саммита состоялся Первый европейско-китайский культурный форум, цель которого — выведение на новый уровень культурного взаимодействия и диалог цивилизаций. В своем выступлении на форуме бывший председатель Европейской комиссии Ж. М. Баррозу заявил: «Нам нужен мост между нашими народами и культурами, который поможет нам понять друг друга. Форум предусматривает создание такого моста и заверяет, что культурное сотрудничество может занять более важное место в наших отношениях» [8].

На саммите в Нанкине представители ЕС и КНР также договорились о проведении в 2011 г. Года молодежи ЕС и Китая в целях дальнейшего укрепления партнерства и, соответственно, расширения связей между народами. А. Василиу, в 2010—2014 гг. европейский комиссар по вопросам образования, культуры, мультилингвизма (эта сфера деятельности была включена в должность в 2010 г.) и молодежи, выступая на открытии этого мероприятия, заявила: «Год молодежи ЕС и Китая открывает новые горизонты для молодых людей, позволяя им обмениваться опытом и учиться друг у друга». Председатель Всекитайской федерации молодежи Ван Сяо на открытии также отметил важность создания интерактивной платформы для молодых людей с целью

«повышения взаимопонимания и укрепления дружбы через творчество, терпимость и открытость» [22].

В рамках Года молодежи ЕС и Китая было проведено 120 мероприятий по обмену, в которых приняли участие 160 000 молодых людей. Это мероприятие широко освещалось в СМИ: аудитория составила около 100 млн человек. Такого масштабного мероприятия прежде в истории развития двусторонних отношений еще не было. Китай открыл три культурных центра, 95 институтов и 92 класса Конфуция в странах ЕС. Франция, Германия, Испания и другие европейские страны также открыли свои культурные центры в Китае. К концу 2011 г. общее число китайских студентов, обучающихся в странах ЕС, достигло 235 100 человек. Количество студентов из стран ЕС также значительно возросло и составило 10,5 % от общего количества иностранных студентов, получающих образование в Китае в 2011 г. Вместе с тем существенно увеличился туристический поток из Китая в страны — члены ЕС [20].

На 14-м саммите ЕС—Китай в Пекине в феврале 2012 г. стороны приняли решение начать Европейско-китайский диалог по вопросам развития контактов между людьми на высоком уровне. Первый раунд диалога, который охватывает сотрудничество в области образования, культуры, молодежных обменов и мультилингвизма, состоялся в апреле 2012 г. в Брюсселе [24]. Новый диалог представляет собой третью опору в европейско-китайских отношениях и, соответственно, дополняет уже существующие две опоры: Торгово-экономический диалог на высоком уровне (проводится с 2008 г.) и Стратегический диалог на высоком уровне (проводится с 2010 г.).

Начиная диалог по вопросам развития контактов между людьми, комиссар А. Василиу и член Государственного совета КНР Лю Яньдун подчеркнули, что этот диалог будет основой «для непрерывного процесса развития двусторонних отношений», основными целями которого являются:

- оказание содействия в развитии знаний и взаимопонимания между ЕС и Китаем посредством увеличения контактов между людьми;
- создание нового канала для неформального обсуждения важных социальных вопросов;
- определение перспектив дальнейшего сотрудничества исходя из взаимных интересов [14].

Кроме того, было принято решение о создании Образовательной платформы ЕС—Китай по сотрудничеству и обмену. Помимо поддержки развития академических связей была поставлена задача по содействию деятельности трех совместных образовательных учреждений, о которых шла речь ранее. С целью увеличения студенческих и исследовательских программ обмена на 2012—2016 гг. китайская сторона заявила о предоставлении 30 000 сти-

пендий, 20 000 из которых будут выделены китайским студентам и ученым и 10 000 — студентам и ученым из стран ЕС. Европейская комиссия, со своей стороны, взяла на себя обязательство предоставить 5000 стипендий китайским студентам и ученым для обучения и проведения исследований в странах ЕС и 2000 стипендий европейским студентам и ученым для обучения и проведения исследований в Китае. Стороны также подтвердили свою приверженность мультилингвизму. ЕС и Китай договорились и дальше оказывать содействие в изучении и преподавании китайского и европейских языков, что позволит расширить контакты между народами [10].

2012 г. по решению европейского и китайского руководства был обозначен Годом межкультурного диалога. В рамках проведения этого мероприятия были поставлены следующие задачи: укрепить межкультурный диалог и усилить культурные обмены и контакты между людьми и тем самым способствовать развитию двустороннего стратегического партнерства [14]. С февраля по ноябрь 2012 г. обе стороны провели около 300 программ, посвященных литературе, искусству, философии, языку, прессе, спорту, молодежному обмену и туризму. На церемонии закрытия Года межкультурного диалога комиссар А. Вассилиу заявила, что данное мероприятие «позволило людям выйти за рамки клише и предвзятых мнений и сотрудничать друг с другом, несмотря на культурные различия» [3]. По итогам встречи была принята новая Совместная декларация о культурном сотрудничестве между ЕС и Китаем. В декларации обе стороны заявили о своей заинтересованности расширить сотрудничество в области культурной индустрии, защиты культурного наследия и современного искусства. Согласно декларации, Европейская комиссия и Министерство культуры КНР приняли решение уделять особое внимание «интересам, потребностям и ожиданиям молодого поколения, а также тенденциям развития современной культуры, в том числе развитию электронных СМИ» [13].

Однако, как отмечают А. Фулда и Х. Фабиан, Европейская комиссия с удовольствием ставит себе в заслугу существующие и действующие инициативы, но она не готова обеспечить адекватное финансирование для продвижения межкультурного диалога между Европой и Китаем. Новые инициативы, разработанные специально для Года межкультурного диалога, должны были опираться на уже существующие механизмы финансирования [11, р. 276—277].

Рассматривая перспективы отношений между ЕС и Китаем в сфере культуры и образования, необходимо отметить принятие на двустороннем саммите в ноябре 2013 г. Стратегической повестки дня по сотрудничеству до 2020 г., одна из четырех глав которой посвящена расширению обменов и контактов между

людьми. В документе обе стороны призываются к созданию культурных центров и развитию долгосрочного сотрудничества между культурными учреждениями, а также к участию в крупных фестивалях. Кроме того, ЕС и Китай приняли решение содействовать сотрудничеству в области прессы, публикаций, радио, кино и телевидения [5].

Следует отметить, что Представительство ЕС в КНР играет важную роль в развитии гуманитарных отношений. Представительство поддерживает многие мероприятия, позволяющие получить информацию о возможностях академических обменов и общения, такие как День Европы, Европейские школы и т. д. Кроме того, Представительство ЕС в Пекине организует Фестиваль европейского кино и многие другие культурные мероприятия [23].

1 апреля 2014 г. председатель КНР Си Цзиньпин в ходе визита в Европу посетил Колледж Европы в бельгийском г. Брюгге. Лидер КНР в своем выступлении в этом образовательном учреждении подчеркнул необходимость строительства «моста общего культурного процветания, соединяющего две культурные цивилизации: европейскую и китайскую». По словам Си Цзиньпина, «Китай, главным образом, представляет восточную цивилизацию, в то время как Европа — колыбель западной цивилизации». Он также приветствовал открытие первой на территории ЕС китайской библиотеки [6]. Спустя несколько дней в Колледже Европы состоялось открытие Европейско-китайского исследовательского центра. В задачи этого центра входят проведение исследований, выпуск публикаций, организация конференций и содействие развитию сотрудничества между учеными, которые специализируются на изучении ЕС и Китая [7].

Второй раунд Европейско-китайского диалога по вопросам развития контактов между людьми на высоком уровне состоялся 6 сентября 2014 г. в Пекине. Стороны подтвердили свою готовность расширять образовательные и культурные связи и определили мероприятия, которые необходимо начать до следующего раунда диалога [23]. Третий раунд диалога состоялся в сентябре 2015 г.

При изучении сотрудничества ЕС с Китаем в сфере культуры и образования по-прежнему остается актуальным вопрос о том, в какой степени Европейско-китайский диалог по вопросам развития контактов между людьми на высоком уровне способен оказывать содействие развитию стратегического партнерства. Безусловно, культурные и образовательные отношения помогают европейцам лучше понять Китай, но это не значит, что они обязательно повлияют на формирование в ЕС позитивного восприятия политического курса Китая.

Анализируя европейско-китайские культурные связи и контакты между людьми, глава миссии КНР при ЕС Ян Яньи утверждает: «Мы

будем совместно содействовать взаимному уважению и гармоничному сосуществованию цивилизаций, а также активизировать обмены и взаимное обучение цивилизаций, укрепляя тем самым связь между народами, продвигая прогресс человеческого общества и сохраняя всеобщий мир» [25, р. 64–65].

В интервью агентству «Синьхуа» в июне 2015 г. в Брюсселе европейский комиссар по вопросам образования, культуры, молодежи и спорта Т. Наврачич заявил, что гуманитарные обмены между ЕС и Китаем являются эффективными, способствуя укреплению общественной основы европейско-китайского сотрудничества и усилению дружбы между народами Европы и Китая. По мнению Т. Наврачича, существуют большие возможности для осуществления обменов между двумя сторонами в культурной и образовательной сферах, что позволит углубить европейско-китайское всестороннее стратегическое партнерство. Он также отметил увеличение количества европейцев, проявляющих интерес к Китаю, и предметов, связанных с китайским языком, в учебных заведениях [1].

Премьер Государственного совета КНР Ли Кэцян 29 июня 2015 г. принял участие в бизнес-саммите ЕС–Китай. В своем выступлении премьер отметил, что в 2015 г. около 280 000 ки-

тайцев обучаются в странах — членах ЕС и более 45 000 европейцев получают образование в Китае. В китайских университетах ведется преподавание 24 официальных языков ЕС и 300 институтов и классов Конфуция работают в странах — членах ЕС. По мнению Ли Кэцяна, «диалог между китайской и европейской цивилизациями является примером взаимодействия в целях достижения всеобщего прогресса для разных цивилизаций» [2].

Таким образом, сотрудничество в гуманитарной сфере — важная составляющая партнерства между ЕС и Китаем. В настоящее время сотрудничество в сфере культуры и образования активно развивается, что, по мнению сторон, способствует улучшению взаимопонимания между народами. Создана обширная договорно-правовая база гуманитарных отношений между ЕС и Китаем, и стороны заинтересованы в дальнейшем расширении культурных и образовательных связей. Разветвленность системы контактов между народами еще не гарантирует преодоление политических и экономических противоречий, но помогает ЕС и Китаю лучше понять друг друга и определяет, что еще необходимо сделать, чтобы повысить взаимное доверие и надлежащим образом урегулировать разногласия между двумя сторонами.

Список использованных источников

1. Эксклюзив: гуманитарные обмены закрепят общественную основу европейско-китайского сотрудничества — член Еврокомиссии Т. Наврачич [Электронный ресурс] // Новостное агентство «Синьхуа». — 27.06.2015. — Режим доступа: <http://russian.news.cn/china/2015-06/27/c_134361501.htm>. — Дата доступа: 16.08.2015.
2. China and Europe: Working Together for New Progress In China-EU Relations: keynote speech by Li Keqiang, Brussels, 29 June 2015 [Electronic resource] // Consulate-General of the People's Republic of China in Gothenburg. — Mode of access: <<http://gothenburg.china-consulate.org/eng/xwdt/t1277193.htm>>. — Date of access: 05.08.2015.
3. China, EU conclude Year of Intercultural Dialogue [Electronic resource] // Xinhua News Agency. — Mode of access: <http://news.xinhuanet.com/english/china/2012-12/01/c_132011250.htm>. — Date of access: 15.08.2015.
4. EU—China Student and Academic Staff Mobility: Present Situation and Future Developments: Joint study between the European Commission and the Ministry of Education in China, April 2011 [Electronic resource] // European Commission. — Mode of access: <http://ec.europa.eu/education/international-cooperation/documents/china/mobility_en.pdf>. — Date of access: 22.07.2015.
5. EU—China 2020 Strategic Agenda for Cooperation [Electronic resource] // European External Action Service. — Mode of access: <http://eeas.europa.eu/china/docs/20131123_agenda_2020_en.pdf>. — Date of access: 28.07.2015.
6. EU—China High-Level People-to-People Dialogue: Speech of the President Xi Jinping. Bruges, Belgium, 1 April 2014 [Electronic resource] // European Commission. — Mode of access: <http://ec.europa.eu/education/international-cooperation/documents/china/xi-jinping-speech_en.pdf>. — Date of access: 27.07.2015.
7. EU—China research centre opens in Belgium [Electronic resource] // South China Morning Post. — 02.04.2014. — Mode of access: <<http://www.scmp.com/news/china/article/1463058/eu-china-research-centre-opens-belgium>>. — Date of access: 28.07.2015.
8. EU—China seek to boost cultural ties [Electronic resource] // EurActiv.com. — Mode of access: <<http://www.euractiv.com/culture/eu-china-seek-boost-cultural-tie-news-498533>>. — Date of access: 14.07.2015.
9. Culture, European Commission and People's Republic of China wish to reinforce co-operation in the fields of culture, audiovisual, education, training, youth and sport: press release IP/03/1784. Brussels, 19 December 2003 [Electronic resource] // European Union. — Mode of access: <http://europa.eu/rapid/press-release_IP-03-1784_en.htm>. — Date of access: 20.08.2015.
10. Follow-up Actions of The First Round of the EU—China High Level People-to-People Dialogue (HPPD) [Electronic resource] // European Commission. — Mode of access: <http://ec.europa.eu/education/international-cooperation/documents/china/follow_en.pdf>. — Date of access: 05.08.2015.
11. Fulda, A. Reinvigorating the EU—China Strategic Partnership / A. Fulda, H. Fabian // Civil Society Contributions to Policy Innovation in the PR China / ed. A. Fulda. — Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015. — P. 270–295.
12. Joint Declaration of Mr. Ján Figel', European Commissioner for Education, Culture and Youth European Commission and Mr. Zhou Ji, Minister for Education People's Republic of China [Electronic resource] // European Commission. — Mode of access: <http://ec.europa.eu/culture/policy/international-cooperation/documents/joint-declaration-china_en.pdf>. — Date of access: 12.08.2015.
13. Joint Declaration on EU—China Cultural Cooperation [Electronic resource] // European Commission. — Mode of access: <http://ec.europa.eu/education/international-cooperation/documents/china/jointculture_en.pdf>. — Date of access: 10.08.2015.
14. Joint Declaration on the first round of the «EU—China High Level People-to-People dialogue» [Electronic resource] // European Commission. — Mode of access: <http://ec.europa.eu/education/international-cooperation/documents/china/joint12_en.pdf>. — Date of access: 24.07.2015.
15. Ninth EU—China Summit. Helsinki 9 September 2006: Joint Statement: Doc. N 12642/06 (Presse 249). Brussels, 11 September 2006 [Electronic resource] // Council of the European Union. — Mode of access: <http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/er/90951.pdf>. — Date of access: 15.08.2015.

16. Orban, L. Languages for an interconnected world / L. Orban [Electronic resource] // European Language Council. — Mode of access: <http://www.celelc.org/archive/Archiv-Texte/114_orban_Languages-for-an_2009.pdf>. — Date of access: 07.08.2014.
17. Papatheologou, V. EU—China Academic Exchanges in the Context of People-to-People Diplomacy: Significance and Challenges for China's New Leadership / V. Papatheologou [Electronic resource] // UACEF Collaborative Research Network on EU—China Relations. — Mode of access: <http://euchinacrn.org/wp-content/uploads/2013/03/4b-2_Vasiliki-PAPATHEOLOGOU.pdf>. — Date of access: 22.11.2014.
18. Reiterer, M. The role of culture in EU—China Relations / M. Reiterer // European Foreign Affairs Review. — 2014. — Vol. 19. — P. 135–154.
19. Sandschneider, E. A Two-Way Bridge to China / E. Sandschneider // Bridging the Trust Divide: Cultural Diplomacy and Fostering Understanding between China and the West / ed.: H. K. Anheier, B. Lorentz. — Essen: Stiftung Mercator, 2012. — P. 39–41 [Electronic resource] // Stiftung Mercator. — Mode of access: <https://www.stiftung-mercator.de/media/downloads/3_Publikationen/Bridging_the_trust_divide.pdf>. — Date of access: 25.07.2015.
20. Song Tao. Creating a Bright Future for China—EU Relations Based on Achievement and Success / Song Tao [Electronic resource] // China Institute of International Studies. — 31.12.2012. — Mode of access: <http://www.ciis.org.cn/english/2012-12/31/content_5638039.htm>. — Date of access: 29.07.2015.
21. 2007 Joint declaration of Mr. Jan Figel', Commissioner for Education, Training, Culture and Youth, European Commission and Mr. Sun Jiazhang, Minister for Culture, People's Republic of China [Electronic resource] // European Commission. — Mode of access: <http://ec.europa.eu/culture/tools/documents/eu-china-year/joint-declaration_en.pdf>. — Date of access: 22.08.2015.
22. 2011 EU—China Year of Youth: new horizons for cooperation and dialogue: Doc. IP/11/19. Brussels, 11 January 2011 [Electronic resource] // European Union. — Mode of access: <http://europa.eu/rapid/press-release_IP-11-19_en.htm?locale=en>. — Date of access: 12.08.2015.
23. Vandewalle, L. In-depth analysis: The increasing role of the EU's culture, education and science diplomacy in Asia / L. Vandewalle [Electronic resource] // European Parliament. — 2015. — Mode of access: <[http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2015/549050/EXPO_IDA\(2015\)549050_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2015/549050/EXPO_IDA(2015)549050_EN.pdf)>. — Date of access: 12.07.2015.
24. Vassiliou, A. EU—China High-Level People-to-People Dialogue / A. Vassiliou [Electronic resource] // European Union. — Mode of access: <http://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-12-274_en.pdf>. — Date of access: 15.08.2015.
25. Yang Yanyi. Forging a China-EU comprehensive strategic partnership with global influence / Yang Yanyi // EU-China: Shaping a shared future / ed.: Sh. Islam, S. Kabir. — Brussels: Friends of Europe. — 2015. — P. 61–65 [Electronic resource] // Friends of Europe. — Mode of access: <<http://www.friendsofeurope.org/media/uploads/2015/06/CHINA-BOOK-2015-WEB.pdf>>. — Date of access: 09.08.2015.

«Сотрудничество Европейского союза с Китаем в области культуры и образования в 2000-е гг.» (Олеся Рубо)

Статья посвящена изучению сотрудничества между ЕС и Китаем в сфере культуры и образования. В статье рассматривается договорно-правовая база культурных и образовательных отношений, изучаются основные направления развития культурных и образовательных связей и их итоги на современном этапе, определяются проблемы и перспективы расширения контактов между людьми. Актуальность этой темы заключается в заявлении представителей ЕС и Китая о том, что обмены в сфере культуры и образования способствуют развитию стратегического партнерства. Таким образом, делается вывод, что сотрудничество в гуманитарной сфере занимает важное место в системе европейско-китайских отношений и обе стороны заинтересованы в расширении такого взаимодействия. В настоящее время культурные и образовательные отношения между ЕС и Китаем активно развиваются, что, по мнению сторон, способствует улучшению взаимопонимания и укреплению доверия между народами. Однако разветвленность системы контактов между народами еще не гарантирует преодоление политических и экономических противоречий, но помогает ЕС и Китаю лучше понять друг друга.

«The European Union — China Cooperation in the Areas of Culture and Education in the 2000s» (Olesya Rubo)

This article deals with the EU—China cooperation on culture and education. The article presents the legal basis for cultural and educational relations, examines the main directions in the development of cultural and educational ties and their results at the present stage and defines the problems and prospects of strengthening people-to-people exchanges. What makes the theme so important is that representatives of the EU and China state that bilateral exchanges in the fields of education and culture can contribute to the strategic partnership. Therefore, it is concluded that the cooperation in the humanitarian sphere is an important part of the EU—China relations, and both sides are interested in increasing such interaction. Currently, cultural and educational exchanges between the EU and China are very successful, and thus both sides consider that such exchanges strengthen mutual understanding and enhance mutual trust between peoples. However, the enhancement of contacts between the peoples of both sides does not guarantee overcoming of political and economic contradictions, but it may point to a better European appreciation of China and vice versa.

Статья поступила в редакцию в декабре 2015 г.

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ КАК ОСНОВА ВОЗНИКНОВЕНИЯ РАЗНОГЛАСИЙ СТРАНЫ С ЕВРОПЕЙСКИМ СОЮЗОМ

Алексей Данильченко, Наталия Баламут

На пути к созданию интегрированного сообщества Европейский союз (ЕС) сталкивается с серьезными противоречиями, которые возникают между национальными интересами отдельных стран-участниц и общеевропейскими интересами. Решение данной проблемы затруднено из-за специфики политико-правовой составляющей интеграции в Европейском союзе. Стремление ЕС ускорить процесс создания подлинно единого экономического, правового, образовательного и информационно-пространства вызывает неоднозначную реакцию экономистов, политической элиты и общества в целом и способствует активизации конфликтных ситуаций между некоторыми государствами-участниками и самим Европейским союзом. Как никогда остро встает вопрос возможных последствий подобных споров для отдельно взятой страны и мира в целом.

В отношениях Великобритании и Европейского союза всегда существовали проблемы и противоречия, квинтэссенцией которых может стать намеченный на 2017 г. референдум о выходе Великобритании из Европейского союза. В своей речи в 2013 г. премьер-министр Великобритании Д. Кэмерон заявил о том, что консервативное правительство будет добиваться пересмотра отношений Великобритании и Европейского союза, что впоследствии будет вынесено на референдум, а также отметил рост уровня евроскептицизма, который привел к увеличению напряженности отношений Великобритании и Европейского союза [13, р. 9].

Одной из основных причин возникновения разногласий между Великобританией и ЕС является миграционный вопрос.

В русскоязычной литературе миграционной проблеме в Великобритании на современном этапе уделено недостаточно внимания. Наибольший вклад в ее изучение внесли такие ученые и исследователи, как Т. А. Васильева [1], К. В. Каргашина [2], А. А. Нестерова [5] и А. Е. Шапаров [6]. Европейские исследования являются более многочисленными и глубоки-

ми по своей сути. Особого внимания заслуживают работы П. Крэйга [8], С. Дугласа-Скотта [11] и Дж. Найта [12].

Составной частью процесса общеевропейской интеграции является выработка государствами — членами Европейского союза общей миграционной политики. Проблема заключается в том, что традиционно миграционная политика находится в компетенции национального правительства и связана с безопасностью и национальным суверенитетом. Общаций миграционный режим предполагает согласование задач, целей, приоритетов и масштабов миграционной политики стран-участниц [6, с. 113].

В 2012 г. Д. Кэмерон, выступая на ежегодной конференции Конфедерации британской промышленности (*The Confederation of British Industry, CBI*), заявил, что Великобритании нужен полноценный контроль иммиграции и в качестве меры по его осуществлению он рассматривает введение квот или ограничений на въезд в государство из других европейских стран [3]. С точки зрения Европейского союза, такая политика недопустима, так как Великобритания обязана придерживаться общеевропейской миграционной политики [2].

Данные специального исследования, проведенного Евробарометром в 2006 г., показали, что проблема иммиграции вынесена в Великобританию на первый план. Основными причинами были названы конкуренция со стороны иммигрантов за рабочие места, государственные услуги, социальное жилье, образование и здравоохранение. Причем, по мнению респондентов, решаться данная проблема должна была на национальном уровне [6, с. 113]. Это породило противоречие международных обязательств и требований общественности.

В табл. 1 рассмотрена демографическая ситуация, которая сложилась в Великобритании в период 2010—2014 гг. В отличие от таких европейских стран, как, к примеру, Германия, в Великобритании нет проблемы старения насе-

Авторы:

Данильченко Алексей Васильевич — доктор экономических наук, профессор, проректор по учебной работе Белорусского государственного университета

Баламут Наталия Геннадьевна — студент специальности «Мировая экономика» факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Рецензенты:

Давыденко Елена Леонидовна — доктор экономических наук, профессор кафедры международных экономических отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Солодовников Сергей Юрьевич — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Экономика и право» факультета технологий управления и гуманитаризации Белорусского национального технического университета

Таблица 1

Демографическая ситуация и ситуация на рынке труда Великобритании

Показатель	2010	2011	2012	2013	2014
Населения всего, чел.	62 510 197	63 022 532	63 495 303	63 905 297	64 351 155
Совокупный прирост населения, чел.	512 335	472 771	409 994	445 858	415 960
В том числе:					
естественный прирост населения	245 605	255 544	243 946	203 413	206 010
прирост населения за счет миграции	266 730	217 227	166 048	242 445	209 950
Плотность населения, чел. /км ²	259	261	263	265	266
Экономически активное население в возрасте 15—64 лет, % от общего населения	75,4	75,5	76,1	76,4	76,7
Занятость населения в возрасте 15—64 лет, % от общего населения	69,4	69,3	69,9	70,5	71,9
Уровень безработицы среди населения в возрасте 15—64 лет, % от общего населения	6,8	7,0	6,9	6,7	5,4

И с т о ч н и к: собственная разработка на основании данных Eurostat [9].

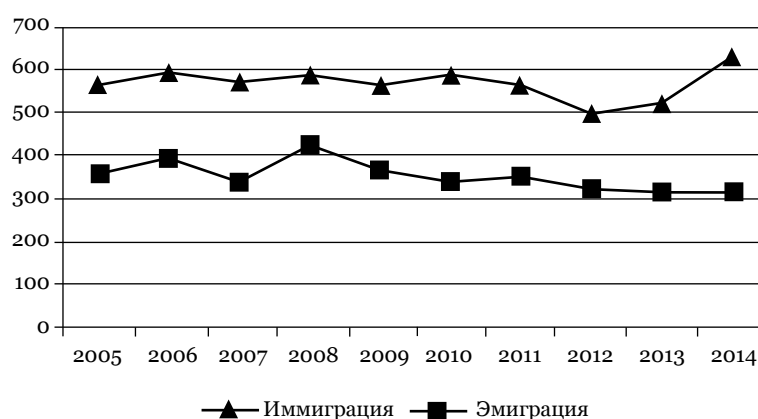

Рис. 1. Динамика миграционных потоков в Великобритании, тыс. чел.

И с т о ч н и к: собственная разработка на основании данных Office for National Statistics [10].

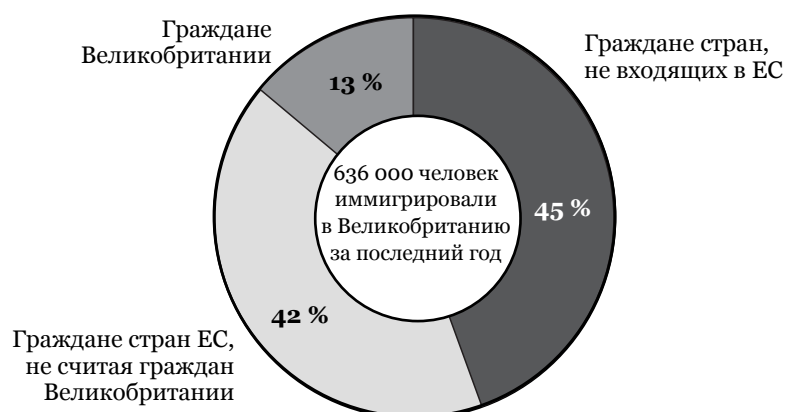

Рис. 2. Состав иммигрантов по их гражданству (по состоянию на июнь 2015 г.)

И с т о ч н и к: собственная разработка на основании данных Office for National Statistics [10].

ления и естественный прирост населения всегда положительный. Со вступлением Великобритании в Европейский союз значительно увеличился прирост населения и за счет иммигрантов, который периодически по своим объемам превышает естественный. К 2020 г. ожидается увеличение населения до 67 359 640 человек, к 2025 г. — до 69 444 050 человек, а к 2030 г. — до 71 352 687 человек. Учитывая размеры территории страны, рано или поздно может возникнуть вопрос перенаселенности. Уже сейчас в Англии плотность населения составляет 350—400 чел./км² (в зависимости от региона), в Уэльсе — 150, в Северной Ирландии — 135, в Шотландии — 70 чел./км² [10]. Для сравнения: плотность населения в Республике Беларусь составляет 45 чел./км² (по состоянию на 1 января 2016 г.) [7].

Уровни занятости и безработицы на протяжении нескольких лет остаются довольно стабильными. Таким образом, иммигранты не отнимают рабочие места у коренного населения, а, напротив, заполняют именно те ниши, где не хватает рабочих рук (преимущественно работы, не требующие высокой квалификации).

Миграционные потоки в динамике (2005—2014 гг.) рассмотрены на рис. 1. Чистая миграция в Великобританию с июля 2014 г. по июнь 2015 г. составила 336 тыс. человек, что значительно больше миграции с июля 2013 г. по июнь 2014 г. (254 тыс.). При этом количество иммигрантов в рассматриваемый период составило 636 тыс. (против 574 тыс. годом ранее), в то время как эмигрировали 300 тыс. человек (против 320 тыс.) [10].

Иммиграция в Великобританию граждан стран — членов ЕС (рис. 2) с июля 2014 г. по июнь 2015 г. составила 265 тыс. человек (по сравнению с 223 тыс. годом ранее), что объясняется притоком мигрантов из Болгарии и Румынии. Чистая миграция граждан стран ЕС составила 180 тыс., что тоже больше, чем ранее (138 тыс.). Иммиграция граждан других стран составила 286 тыс. (против 269 тыс. годом ранее). Чистая миграция составила 196 тыс. (157 тыс. годом ранее). Количество граждан Великобритании, проживавших в других странах и вернувшихся в период с июля 2014 г. по июнь 2015 г. в Соединенное Королевство, составило 85 тыс. человек (82 тыс. годом ранее), чистая миграция составила минус 45 тыс. человек (минус 49 тыс. человек годом ранее) [10].

Сравнительный анализ возрастной структуры населения Великобритании и иммигрантов (табл. 2) показал, что в то время, как само население распределяется по возрастным группам довольно гармонично, среди иммигрантов наблюдается значительный перевес людей в возрасте от 20 до 24 лет (34 % приезжих) и от 25 до 29 лет (21 % приезжих).

Такая ситуация объясняется тем, что наиболее распространенной причиной для иммиграции является работа (рис. 3). В период с

июля 2014 г. по июнь 2015 г. по этой причине в страну приехали 294 тыс. мигрантов (241 тыс. годом ранее). 64 % из них (187 тыс.) предварительно уже получили рабочее место, 36 % (107 тыс.) приехали на его поиски [10].

Многие британцы недовольны тем, что одновременно с ростом количества мигрантов в стране увеличиваются и государственные расходы на социальные нужды (рис. 4). Однако это скорее субъективное мнение. Данный вид расходов стабильно составляет 55—60 % от совокупных государственных расходов, и его объем в денежном эквиваленте не увеличивается исключительно благодаря росту притока мигрантов.

Кроме того, согласно исследованию Университетского колледжа Лондона (UCL), в период с 2001 по 2011 г. мигранты из Восточной Европы заплатили налогов в британский бюджет на 7,9 млрд дол. США больше, чем получили из него. Мигранты из «старого ЕС» (французы, немцы, итальянцы, греки и т. д.) также оказались полезными для британского бюджета — они внесли в него на 24,3 млрд дол. США больше, нежели получили в виде государственных услуг или пособий. Мигранты из-за пределов ЕС тоже внесли положительный вклад, оцениваемый в 8,3 млрд дол. США [см.: 3].

Следует отметить, что за последние четыре десятилетия иммиграционная политика Великобритании накопила балласт из многих законов и подзаконных актов, зачастую противоречащих друг другу. Сложность и громоздкость нормативно-правового каркаса иммиграционной политики осложняет правоприменение, создает нишу для многочисленных посредников между мигрантами и органами власти, делает «непрозрачными» принимаемые решения. Все это объективно снижает эффективность осуществления иммиграционной политики.

Эксперты также указывают на устойчивый разрыв между электоральной риторикой и реальными действиями правительства при осуществлении иммиграционной политики. Требованиям ужесточения подходов к иммиграции сопутствует либерализация иммиграционного законодательства, лоббируемая бенефициарами выгод от иммиграции. Ими являются работодатели, использующие дешевую рабочую силу, и этнические сообщества, способные мобилизовать своих членов для поддержки определенных политических сил. Большой вклад в увеличение притока мигрантов приносят суды. Их позиция по вопросам соблюдения прав человека и международных норм по защите беженцев может ограничивать правительственные действия по ужесточению иммиграционного режима.

Можно сделать вывод, что негативное отношение британцев к иммигрантам в настоящее время базируется преимущественно на общественных стереотипах восприятия мигрантов

Таблица 2

Возрастная структура населения Великобритании и иммигрантов в 2014 г.

Возраст, лет	Население		Иммигранты	
	чел.	%	чел.	%
Менее 5	4 021 067	6,25	10 677	2,04
5—9	3 797 485	5,91	8287	1,58
10—14	3 514 919	5,47	7849	1,50
15—19	3 863 690	6,01	58 565	11,19
20—24	4 327 873	6,73	177 243	33,88
25—29	4 380 645	6,81	111 598	21,33
30—34	4 340 690	6,75	55 164	10,54
35—39	3 975 327	6,18	30 040	5,74
40—44	4 434 728	6,90	18 456	3,53
45—49	4 673 641	7,27	12 471	2,38
50—54	4 396 123	6,84	9015	1,72
55—59	3 794 166	5,90	6811	1,30
60—64	3 521 834	5,48	5279	1,01
65 и выше	11 266 073	17,52	11 682	2,23

И с т о ч н и к: собственная разработка на основании данных Eurostat [9].

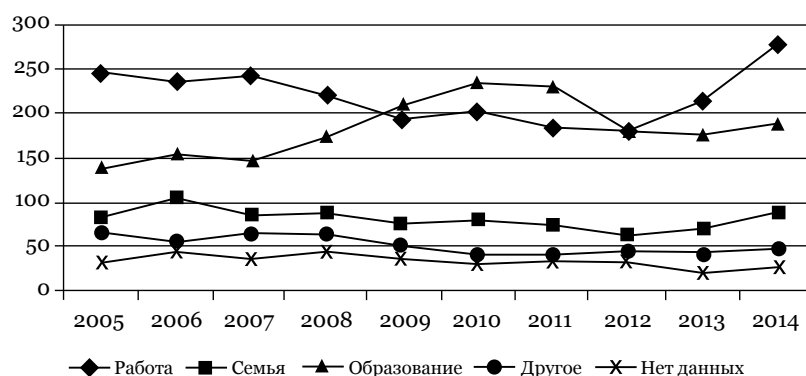

Рис. 3. Причины иммиграции в Великобританию (2005–2014 гг.), тыс. чел.

И с т о ч н и к: собственная разработка на основании данных Office for National Statistics [10].

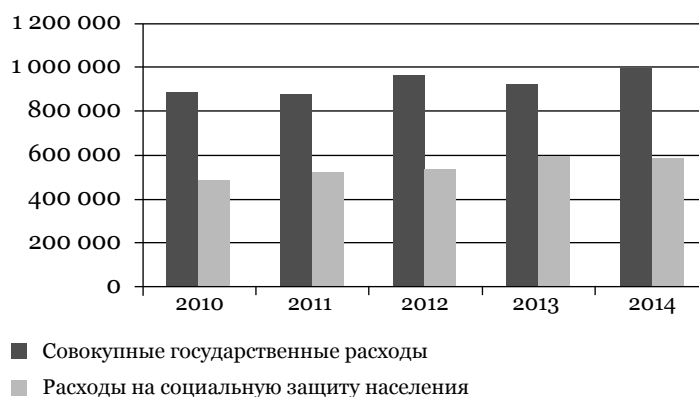

Рис. 4. Государственные расходы на социальную защиту населения в общем объеме государственных расходов, млн евро

И с т о ч н и к: собственная разработка на основании данных Eurostat [9].

как конкурентов за рабочие места, источник социальной нагрузки и преступности, а не на реальных экономических данных. И если до недавнего времени сторонникам европейской интеграции удавалось одерживать верх над своими оппонентами в Великобритании, используя в качестве главного аргумента вклад иммигрантов в экономику, то сейчас все правительственные аргументы об экономическом вкладе иммигрантов разбиваются о коллективное восприятие.

Дебаты в Великобритании по поводу ограничения иммиграции рассматриваются многими странами Европейского союза (особенно такими странами Центральной и Восточной Европы, как Польша и Румыния) как прямая атака на фундаментальное право свободного передвижения людей и трудового капитала в границах свободного рынка. Одновременно с этим Австрия, Нидерланды, Финляндия и

Италия опасаются влияния британского евро-скептицизма на решение подобных вопросов их правительствами [13, p. 108].

Миграционная проблема стала причиной возрастания с 2012 г. уровня скептического, негативного отношения среди населения Великобритании к процессам интеграции в рамках Европейского союза. Вместе с тем, согласно опросам, проведенным в начале июня 2015 г. американским исследовательским центром *Pew Research Center*, более половины британцев (55 %) хотят, чтобы их страна сохранила членство в ЕС [4]. Это, однако, не исключает того, что в связи с резко обострившимся в последнее время кризисом с беженцами и мигрантами в Европе общественное мнение вновь может измениться и более половины подданных Королевства поддержат идею о выходе Великобритании из состава Европейского союза.

Список использованных источников

1. Васильева, Т. А. Миграционная политика, гражданство и статус иностранцев в странах западной демократии: сравнительно-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02 / Т. А. Васильева; Ин-т государства и права РАН. — М., 2010. — 38 с.
2. Каргашина, К. В. Проблема выхода Великобритании из ЕС: причины и ключевые противоречия / К. В. Каргашина [Электронный ресурс] // VII Международная студенческая электронная научная конференция «Студенческий научный форум 2015». — Режим доступа: <<http://www.scienceforum.ru/2015/pdf/14853.pdf>>. — Дата доступа: 13.11.2015.
3. Кокшаров, А. Обострение островного синдрома / А. Кокшаров [Электронный ресурс] // Журнал «Эксперт». — 2014. — № 47. — Режим доступа: <<http://expert.ru/expert/2014/47/obostrenie-ostrovного-sindroma/>>. — Дата доступа: 13.11.2015.
4. Красненкова, И. История отношений Великобритании и ЕС. Досье / И. Красненкова [Электронный ресурс] // ТАСС: информационное агентство России. — 08.06.2015. — Режим доступа: <<http://tass.ru/info/2027244>>. — Дата доступа: 13.11.2015.
5. Нестерова, А. А. Мобильность рабочей силы в Европейском союзе / А. А. Нестерова // Журн. междунар. права и междунар. отношений. — 2012. — № 4. — С. 84–90.
6. Шапаров, А. Е. Иммиграционная политика Великобритании: наследие прошлого — проблемы для будущего / А. Е. Шапаров // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. — 2010. — № 6. — С. 104–116.
7. Belarus Population [Electronic resource] // CountryMeters. — Mode of access: <<http://countrymeters.info/en/Belarus>>. — Date of access: 17.01.2016.
8. Craig, P. Responsibility, Voice and Exit: Britain Alone? / P. Craig // Oxford Legal Studies Research Paper. — 2015. — N 22. — 30 p. [Electronic resource] // Social Science Research Network. — Mode of access: <http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2595292>. — Date of access: 12.11.2015.
9. Database [Electronic resource] // Eurostat. — Mode of access: <<http://ec.europa.eu/eurostat/data/database>>. — Date of access: 13.11.2015.
10. Datasets and reference tables [Electronic resource] // Office for National Statistics. — Mode of access: <<http://www.ons.gov.uk/ons/datasets-and-tables/index.html>>. — Date of access: 15.01.2016.
11. Douglas-Scott, S. A UK Exit from the EU: The End of the United Kingdom or a New Constitutional Dawn? / S. Douglas-Scott // Oxford Legal Studies Research Paper. — 2015. — N 25. — 12 p. [Electronic resource] // Social Science Research Network. — Mode of access: <http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2574405>. — Date of access: 12.11.2015.
12. Knight, J. The Chatham House-YouGov Survey 2012: Hard Choices Ahead. British Attitudes Towards the UK's International Priorities / J. Knight, R. Niblett, T. Raines // The Royal Institute of International Affairs. — 01.07.2012. — 36 p. [Electronic resource] // Chatham House: International Affairs Think Tank. — Mode of access: <<https://www.chathamhouse.org/publications/papers/view/184631>>. — Date of access: 17.01.2016.
13. The United Kingdom and the European Union: What would a «Brexite» mean for the EU and other States around the World? / ed. by A. Möller, T. Oliver // DGAPanalyse. — 2014. — N 16. — 117 p. [Electronic resource] // Deutsche Gesellschaft für Auswärtige Politik e.V. — Mode of access: <<https://dgap.org/en/article/getFullPDF/25763>>. — Date of access: 12.11.2015.

«Миграционная политика Великобритании как основа возникновения разнорасий страны с Европейским союзом» (Алексей Данильченко, Наталия Баламут)

В статье на основе обобщения статистических данных рассматриваются демографическая ситуация, сложившаяся в Великобритании в настоящее время, и рынок труда страны, анализируются миграционные потоки в период 2005–2015 гг. и определяются основные причины иммиграции. Проводится сравнительный анализ населения Великобритании и иммигрантов по возрастным группам, изучаются государственные расходы на социальную защиту на-

селения и приводятся результаты исследования Университетского колледжа Лондона по вопросу вклада иммигрантов в экономику страны. Определяются причины возникновения разногласий в вопросе миграции, дается характеристика текущего состояния миграционного конфликта Великобритании и Европейского союза и делается прогноз его дальнейшего развития.

«Migration Policy of the United Kingdom as the Grounds for a Dispute Between the Country and the European Union» (Alexey Danilchenko, Natalia Balamut)

On the basis of summarized data the article examines the current demographic situation in the United Kingdom and the labor market of the country, analyzes migration flows for the period from 2005 to 2015 and identifies the main reasons for migration. The paper presents a comparative analysis of the UK population and immigrants by age structure, studies public social protection expenditure and provides the results of the research by the University College London on the economic contribution made by immigrants to the UK. The cause of disagreement in migration matters is identified, the current state of the dispute between the United Kingdom and the European Union is defined and the projection of its further development is made.

Статья поступила в редакцию в декабре 2015 г.

ОПЫТ РАЗВИТИЯ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Елена Давыденко, Юлия Киреева

Европейский союз (ЕС) является влиятельным участником международного сообщества и одним из трех основных и наиболее развитых центров современного мирового хозяйства, наряду с США и Японией. ЕС — это сплоченная политическая и экономическая сила, один из главных полюсов мировой политики и экономики. Однако с начала нового века Евросоюз испытывает ряд проблем и кризисных явлений, а его перспективы и успешное будущее у многих экспертов вызывают сомнения. В настоящее время большую актуальность приобрели научные попытки объяснить причины такой стагнации и даже спада и определить возможные пути развития ЕС, а также оценить возможность применения классического опыта Европейского союза в развитии интеграции между другими странами, в частности в рамках формирующегося Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Теоретико-методологическую основу статьи составили работы отечественных и зарубежных ученых по истории и особенностям развития ЕС, а также оценке возможностей использования его опыта другими начинающими интеграционными объединениями. Это монографии и статьи таких авторов, как С. А. Бобков [1], Л. Б. Вардомский [3], В. Г. Введенский [4], В. В. Заварзина [6], А. П. Киреев [8], В. Б. Рыжов [11], С. Л. Ткаченко [12], И. Э. Точицкая [13], Ю. В. Шишков [15] и др.

Для того чтобы определить, насколько выгодным для стран стало вхождение в ЕС, проведем анализ динамики основных экономических показателей стран — участниц Европейского союза за последние 13 лет, которые для большинства стран охватывают период как до, так и после присоединения к интеграции. Таким образом, цель настоящей статьи — оценить опыт создания и развития Европейского союза, а также выделить те позитивные особенности интеграционного процесса, которые могли бы быть использованы для построения интеграции на постсоветском пространстве.

Разделим страны — участницы западноевропейской интеграции на три группы на основе регионального размещения и схоже-

сти их экономического развития: 6 стран Западной Европы (Бельгия, Германия, Италия, Люксембург, Нидерланды, Франция), 5 стран Центральной Европы (Венгрия, Польша, Словакия, Словения, Чехия) и 3 страны Прибалтийского региона (Литва, Латвия и Эстония). Для анализа выберем следующие показатели, которые наиболее полно характеризуют социально-экономическое развитие стран: ВВП на душу населения, валовой национальный доход на душу населения, сальдо платежного баланса по торговле товарами и услугами, уровень безработицы, уровень инфляции, индекс развития человеческого потенциала и индекс инновационной активности стран. Изучив показатели по каждой стране, выведем средний показатель по всей группе, который будем использовать в анализе.

Прежде всего, рассмотрим один из наиболее важных показателей — ВВП на душу населения (табл. 1). «Ядро» Европейского союза, ВВП на душу населения которого значительно отличается от центральноевропейских и прибалтийских стран, быстрыми темпами развивалось в рамках ЕС вплоть до 2008 г., когда начался мировой финансовый, а позже экономический кризис. В посткризисный период можно наблюдать замедление роста и его снижение, представленные мелкими нестабильными колебаниями. Расширения ЕС в 2004 и 2007 гг., вызванные присоединением Венгрии, Кипра, Латвии, Литвы, Мальты, Польши, Словакии, Словении, Чехии, Эстонии, а также Болгарии и Румынии [23], обозначены увеличением среднего ВВП на душу населения стран Прибалтики и Центральной Европы. В первом случае, по данным статистики, с 8220,7 до 9972 дол. США в 2004 г. и с 11 454 до 14 400,3 дол. США в 2007 г., а во втором случае с 6598,9 до 7895,5 дол. США в 2004 г. и с 10 242,1 до 12 697,9 дол. США в 2007 г., учитывая то факт, что до расширения ежегодное изменение составляло не больше 1000 дол. США [16].

Страны Центральной Европы вступили в ЕС в основном в 2004 г. С этого времени можно наблюдать ускоренный экономический рост стран. Однако, достигнув своего пика в

Авторы:

Давыденко Елена Леонидовна — доктор экономических наук, профессор кафедры международных экономических отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Киреева Юлия Геннадьевна — студент специальности «Мировая экономика» факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Рецензенты:

Ботеновская Екатерина Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры международных экономических отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Павловская Светлана Владимировна — кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики факультета международных экономических отношений Белорусского государственного экономического университета

Таблица 1

ВВП на душу населения европейских стран, дол. США

	Страны Западной Европы	Страны Центральной Европы	Прибалтийские страны
2000	27 029,00	4927,75	4880,33
2001	25 455,50	4930,00	5492,33
2002	25 508,00	5568,63	6784,67
2003	27 404,17	6598,88	8220,67
2004	33 752,17	7895,50	9972,00
2005	41 170,50	9117,88	10 143,00
2006	44 957,50	10 242,13	11 454,00
2007	52 036,17	12 697,88	14 400,33
2008	56 702,00	15 827,38	16 379,00
2009	52 415,00	13 782,50	14 404,00
2010	51 529,00	13 829,13	12 009,33
2011	55 893,00	15 098,63	15 110,00
2012	52 409,83	13 918,75	14 824,00
2013	54 102,17	14 421,63	15 624,33
2014	56 681,33	14 970,00	17 286,33

И с т о ч н и к: собственная разработка на основе [16].

Таблица 2

Национальный доход на душу населения, дол. США

	Страны Западной Европы	Страны Центральной Европы	Прибалтийские страны
2000	25 457	4520	3496
2001	25 583	4857	3780
2002	27 282	5600	4395
2003	33 226	6065	5652
2004	39 375	8318	6920
2005	40 892	9334	8096
2006	42 409	10 357	9658
2007	49 531	12 736	12 880
2008	52 762	15 383	15 029
2009	45 653	13 483	12 465
2010	46 193	13 386	11 687
2011	50 056	14 552	13 642
2012	47 353	13 919	14 700
2013	43 910	22 716	24 170
2014	44 125	22 709	23 877

И с т о ч н и к: собственная разработка на основе [18].

2008 г., началось снижение темпов роста, вызванное мировым кризисом. В двух странах, Болгарии и Румынии, которые вошли в состав ЕС в 2007 г., наблюдался большой скачок ВВП на душу населения в период 2006–2008 гг., когда страны вошли в ЕС. Если прирост ВВП на душу населения в Болгарии был в среднем 100–300 дол. США до присоединения к ЕС, то уже в 2007 г. он составил 1477,2 дол. США (2006 г. — 4455,7 дол. США, 2007 г. — 5932,9 дол. США), а в 2008 г. — 1363,2 дол. США (2008 г. — 7296,1 дол. США) [16]. Тем не менее, обратный эффект можно наблю-

дать в прибалтийских странах, экономический рост которых практически не увеличился или же снизился после вступления в ЕС; в некоторых случаях изменение составило не больше 200 дол. США, что незначительно в сравнении, например, с ростом в 2001–2002 гг., равным 1292,3 дол. США на душу населения [16]. Можно судить о том, что условия ЕС, казавшиеся такими привлекательными для Литвы, Латвии и Эстонии, оказались на деле не настолько выгодными. Данные страны столкнулись, в первую очередь, с такими проблемами, как сильная европейская конкуренция, обяза-

тельное выделение средств на «спасение» других экономик, таких как Греция, и т. д. Стоит отметить, что сами эти страны жили за счет финансирования Европейским союзом, проходившего в несколько этапов. Так, на первом этапе выплат помощь от ЕС Эстонии в 2004–2006 гг. составила 800 млн евро, что повлияло на улучшение экономической ситуации и вызвало рост показателей.

Рассмотрим такой показатель, как уровень совокупного дохода на душу населения (табл. 2).

Как свидетельствуют данные, уровень благосостояния стран Западной Европы закономерно возрастал с начала тысячелетия, что объясняется их взаимовыгодным сотрудничеством в рамках ЕС, однако в посткризисный период этот показатель заметно снизился с 52 884 дол. США в 2008 г. до 45 653 дол. США в 2009 г. [18]. Анализ динамики развития прибалтийских и центральноевропейских стран показывает, что в отношении уровня благополучия населения они шли практически по одинаковому пути развития и с момента вступления ЕС также испытывали постепенное улучшение уровня жизни населения, который достиг своего пика перед началом мирового экономического кризиса.

Сальдо торгового баланса, основанное на разнице экспорта и импорта стран (табл. 3), в странах Западной Европы удалось удержать в профиците на протяжении всего исследуемого периода, даже в момент мирового кризиса. Среди стран Центральной Европы также наблюдается положительная тенденция улучшения торговой ситуации: после вступления в ЕС страны расширяют торговые отношения, получают возможность развивать экспорт и выходить в профицит торгового балан-

са. На примере Румынии, которая вступила в ЕС в 2007 г., можно более подробно рассмотреть эту ситуацию. Имея в 2007 г. дефицит в размере –23,822 млн дол. США, уже к 2009 г. она вышла на уровень –9,956 млн дол. США, так как после вхождения в ЕС Румыния смогла успешно интегрироваться в торговлю в рамках рынка ЕС, присоединилась к ряду торговых соглашений, например Соглашению о свободной торговле с отдельными странами — региональными партнерами (страны Средиземноморья и Центральной Европы), получила возможность наращивать экспорт в Германию и Италию (главные торговые партнеры). Положительный результат в отношении торговли после присоединения получили и страны Прибалтики, выйдя, наконец, в посткризисный период в профицит в 2011–2012 гг. (более 60 % как экспорта, так и импорта Литвы приходится на страны ЕС) [19].

Однако, несмотря на ряд выявленных положительных тенденций, существуют и очевидные проблемы. Это прежде всего касается таких показателей, как уровень безработицы (табл. 4) и инфляции (табл. 5).

Так, независимо от региона, членство в ЕС неизменно приводило к повышению уровня безработицы, а самые проблемные в этом отношении страны — Греция и Испания. Высокий уровень безработицы в ЕС является явным последствием кризиса, который привел к сокращению доходов и рабочих мест. В качестве причин высокой безработицы можно также выделить отсутствие опыта среди молодого населения, высокие пособия по безработице, иногда превышающие заработную плату, высокий процент найма «нелегальной» рабочей силы и трудоустройство иностранных граждан. Инфляция также является одной из наи-

Таблица 3
Сальдо торгового баланса по торговле товарами и услугами, млн дол. США

	Страны Западной Европы	Страны Центральной Европы	Прибалтийские страны
2000	10 032,333	–2161,875	–503,333
2001	17 132,833	–2068,375	–557,333
2002	25 655,500	–1821,750	–749,667
2003	29 621,500	–2472,000	–1083,667
2004	31 012,500	–2556,500	–1060,333
2005	34 901,667	–1310,875	–1733,000
2006	34 975,000	–3666,250	–3104,667
2007	48 801,000	–5730,625	–4433,667
2008	39 267,333	–8202,000	–2361,667
2009	45 073,000	–173,625	66,000
2010	37 538,833	–494,875	170,333
2011	73 185,750	–313,000	143,500
2012	46 162,667	5253,000	416,500
2013	57 869,833	5120,125	141,333

Источники: собственная разработка на основе [19].

Таблица 4

Уровень безработицы, %

	Страны Западной Европы	Страны Центральной Европы	Прибалтийские страны
2000	6,98	10,55	11,27
2001	6,38	10,77	10,89
2002	6,38	11,07	10,93
2003	7,17	10,86	10,93
2004	7,30	11,36	10,60
2005	7,52	10,76	8,80
2006	6,87	9,38	6,17
2007	6,35	7,94	5,03
2008	6,12	6,90	6,33
2009	6,93	8,56	15,00
2010	7,04	9,85	18,07
2011	6,72	10,08	14,77
2012	7,36	10,71	12,87
2013	8,22	11,21	11,67
2014	8,32	10,15	9,63

И с т о ч н и к: собственная разработка на основе [24].

Таблица 5

Уровень инфляции, %

	Страны Западной Европы	Страны Центральной Европы	Прибалтийские страны
2000	2,28	13,14	2,56
2001	2,62	10,08	3,19
2002	2,13	6,20	1,93
2003	1,93	4,85	1,05
2004	1,93	5,54	3,47
2005	2,04	3,77	4,49
2006	1,83	3,97	4,91
2007	1,89	4,48	7,48
2008	3,19	6,64	12,23
2009	0,45	2,78	1,15
2010	1,65	2,66	2,57
2011	2,71	3,51	4,50
2012	2,49	3,55	3,09
2013	1,57	1,65	1,47
2014	0,52	0,1	0,47

И с т о ч н и к: собственная разработка на основе [20].

Таблица 6

Индекс развития человеческого потенциала

	Страны Западной Европы	Страны Центральной Европы	Прибалтийские страны
2000	0,858	0,764	0,752
2005	0,876	0,798	0,799
2009	0,884	0,815	0,809
2010	0,886	0,818	0,813
2011	0,888	0,820	0,817
2013	0,898	0,830	0,826
2014	0,89	0,82	0,827

И с т о ч н и к: собственная разработка на основе [7, с. 28].

Динамика инновационного индекса стран

	Страны Западной Европы	Страны Центральной Европы	Прибалтийские страны
2003	0,4833	0,24	0,247
2004	0,4800	0,2425	0,247
2005	0,4850	0,245	0,253
2006	0,544	0,289	0,268
2007	0,555	0,285	0,275
2008	0,561	0,303	0,280
2009	0,573	0,313	0,300
2010	0,583	0,364	0,303
2011	0,583	0,333	0,321
2012	0,605	0,323	0,331
2013	0,604	0,328	0,337

Источники: собственная разработка на основе [21, р. 92; 22, р. 51].

более серьезных проблем Европейского союза, несмотря на ее снижение в последние годы и прогноз ее постепенного снижения и далее. К концу июля 2014 г. потребительские цены в 18 странах валютного блока, по данным Всемирного банка, выросли в годовом исчислении лишь на 0,4% — это самый низкий показатель с октября 2009 г. [20]. Наибольшая амплитуда уровня инфляции наблюдается в странах Прибалтики, особенно в период мирового кризиса. Рост доходов населения в Латвии привел к раскручиванию механизма инфляции, которому способствовали решения и деятельность правительства, навязываемые банковские кредиты и так называемый «кредитный перегрев».

Индекс развития человеческого потенциала (табл. 6) — это показатель, учитывающий уровень жизни, грамотности, образованности и долголетия населения страны. На основе данного показателя можно увидеть преимущество и большой отрыв в развитии стран Западной Европы от остальных членов ЕС, в то время как уровни развития Центральной Европы и Прибалтики практически совпадают. Однако после вступления в ЕС уровень развития стран Центральной Европы существенно повысился (с 0,76 до 0,82) в результате роста доходов, интегрированности в развитую социальную европейскую сферу, возможности получения европейского образования и т. д. [7].

Последний из рассматриваемых показателей — инновационный индекс. В соответствии с Европейским инновационным табло «инновационный индекс описывает инновационный потенциал каждой из стран, его инновационную технологическую базу, финансирование и инвестирование инновационных проектов и человеческий потенциал в этой сфере...» [21; 22] (табл. 7).

В период вступления в ЕС стран Центральной Европы наблюдается положительная динамика данного индекса. Это обусловлено позитивными эффектами от присоединения к

интеграции, такими как увеличение доходов и возможностей финансирования, доступ на европейские рынки высоких технологий и обмен знаниями, возможность получения европейского образования и т. д.

Таким образом, исходя из анализа приведенных данных, можно отметить, что основными актуальными проблемами Европейского союза являются:

1) безработица — «проблема № 1» в ЕС, в частности молодежная безработица. В 2012—2013 гг. безработица в ЕС достигла рекордного уровня — 17,3 млн человек [см.: 2];

2) сильное экономическое различие «новых» и «старых» участников ЕС (согласно рейтингу глобальной конкурентоспособности: Германия — 4-е место, Швеция — 6-е, Франция — 23-е, Италия — 49-е, Португалия — 51-е, Болгария — 57-е, Румыния — 76-е, Греция — 91-е [5]);

3) выделение страны-лидера — Германии (обладает наибольшим профицитом торгового баланса по сравнению с другими странами Западной Европы: если в 2012 г. в Бельгии дефицит составлял –3,67 млрд дол. США, то Германия получила профицит 197,6 млрд дол. США) [см.: 2; 19];

4) проблема миграции — ведет к снижению индекса развития человеческого потенциала, старению населения, сокращению трудоспособного населения, провоцирует «утечку мозгов»;

5) кризис госдолга, особенно для стран еврозоны. Государственный долг стран еврозоны за 2013 г. составил 9 047 436,6 млн евро, или 92,6 % от совокупного ВВП всех стран — членов еврозоны (в 2011 г., для сравнения, — 8 413 319,6 млн евро, или 87,4 % от совокупного ВВП) [17];

6) тенденция к снижению или «замораживанию» показателей за последние годы по сравнению с первоначальным резким ростом экономики сразу после вступления в ЕС практически во всех странах Евросоюза;

7) вопрос об эффективности еврозоны, т. е. экономические показатели, соответствующие критериям конвергенции, явились результатом консолидации усилий именно на момент вступления в еврозону;

8) тенденция снижения влияния ЕС на решение экономических кризисов и конфликтов.

Необходимо учитывать и тот факт, что в Евросоюз исключительно в интересах евроатлантической политики были приняты государства со слабой экономикой. Вскоре после этого ранее успешное и многообещающее объединение стало испытывать ряд проблем, что повлекло за собой множество вопросов о будущем ЕС. Нынешние проблемы ЕС вызваны возросшим влиянием политической составляющей, а разница национальных экономик постепенно уходит на второй план. Наиболее ярким примером является экономика Греции. За годы пребывания в ЕС, а особенно в зоне евро, в стране происходила быстрая деиндустриализация экономики, почти не осталось собственной промышленности, за исключением легкой индустрии, а сельское хозяйство составляет менее 5 % ВВП. Основная часть продукции, потребляемой греками, — импорт из других стран ЕС. Получается, что страна практически полностью утратила экономическую самостоятельность и живет и питается за счет «общего организма» — Евросоюза. Если Греция уйдет от евро и вернется к драхме, этот импорт подорожает в разы. Поэтому важно сохранять национальную идентичность государств и учитывать особенности национальных экономик [см.: 10].

Таким образом, в настоящее время многие эксперты прогнозируют хронические структурные проблемы в отдельных странах — членах ЕС и подтверждают отсутствие эффективных решений значительной части долгосрочных проблем (старение населения и адаптация мигрантов, поиск модели интеграции с восточноевропейскими соседями, отсутствие баланса между Германией, другими крупными, а также малыми странами — членами ЕС). В качестве причины таких негативных оценок и прогнозов некоторые называют сохранение ситуативной экономической политики, в том числе наднациональной, и отсутствие каких-либо кардинальных мер, направленных на долгосрочную перспективу, которые бы вывели страны ЕС на путь стабильного роста.

Однако, несмотря на ряд существующих проблем, Евросоюз до сих пор является образцом построения успешной интеграции, и его опыт должен быть интересен участникам других интеграционных объединений, например Республике Беларусь как участнице развивающейся евразийской интеграции.

При проведении сравнительного анализа ЕС и ЕАЭС можно обнаружить как схожие черты, проблемы и тенденции, так и ряд ключевых различий.

Во-первых, можно отметить схожие элементы в стратегиях, программных документах, целях и задачах, организационных структурах и порядке принятия решений евразийской и европейской интеграций.

Кроме того, изучив ряд показателей, можно по аналогии с ЕС отметить наличие больших различий социально-экономического развития стран — участниц ЕАЭС. Экономический потенциал России более чем в 8 раз превосходит суммарный потенциал остальных членов интеграционного объединения [см.: 3].

Анализ показателей торговли в рамках Таможенного союза (ТС) показывает, что Россия обладает наибольшими объемами экспорта и импорта и, следовательно, является основным торговым партнером остальных участников. Таким образом, как и в ЕС, можно наблюдать выделение явного лидера интеграции.

Тем не менее, существуют довольно значительные различия между ЕАЭС и ЕС, ввиду которых становится невозможным использование опыта западноевропейской интеграции странами — участницами ЕАЭС без учета отличительных особенностей евразийской интеграции. Это, в первую очередь, различные целевые ориентиры, нежелание поступиться собственным суверенитетом, неполная реализация этапов, неэффективность принятия решений, отсутствие слаженного наднационального управления, невыполнение или нарушение сторонами принимаемых решений, различие механизмов трансформации принятых международных документов в национальные законодательства, принятие сторонами национальных законодательных актов по вопросам формирования ТС без согласования с другими членами союза, отсутствие санкций к сторонам-нарушителям, недостаточно высокий статус организации.

Кроме того, существуют значительные различия в процессе построения интеграции. Если ЕС формировался медленно, постепенно, на протяжении 40 лет, то развитие ЕАЭС происходит быстро: 1994 г. — идея формирования зоны свободной торговли; 1995 г. — ТС (Российская Федерация и Республика Беларусь); 2000 г. — ЕврАзЭС (5 стран); 2007 — ТС (Россия, Беларусь и Казахстан); 2010 г. — Единое экономическое пространство, общий рынок (3 страны); 2014 г. — ЕАЭС [14].

Суммируя все вышесказанное, можно сделать ряд общих выводов относительно использования европейского опыта евразийскими странами. Ввиду различных первоначальных экономических условий, выбранных стратегий, а также целей и задач построения интеграций можно судить о том, что опыт ЕС не пригоден к использованию «в пакете». Для того чтобы вычленил полезные составляющие этого опыта, необходим глубокий анализ и селективный подход к его практическому применению в странах ЕАЭС.

Однако можно выделить следующие основные классические элементы успешной европейской интеграции, которые в теории должны быть основой любого перспективного объединения.

В первую очередь необходимо отметить, что интеграция имеет шансы на успех только в том случае, если ее участники достаточно четко определили ее стратегию, главные этапы и их последовательность. В стратегию европейской интеграции по мере ее выполнения не раз вносились коррективы, но ее общий вектор оставался неизменным.

Региональная интеграция в силу сложности и многообразия проблем и задач, различия интересов ее участников и т. д. несовместима с поспешностью. Попытки нарушить последовательность задач или действий и т. п. обречены на неудачу и могут поставить под сомнение саму идею интеграции. Именно поэтому в европейскую стратегию был заложен принцип поэтапного движения (таможенный союз и общий рынок товаров — единый внутренний рынок — экономический и валютный союз), рассчитанный на несколько десятков лет [9].

Кроме того, функционирование и развитие ЕС обеспечивается системой институтов, норм, методов и процедур, которые создавались и совершенствовались десятилетиями. Сравнительная институциональное устройство ЕС и ЕАЭС, можно отметить, что институты евразийской интеграции еще находятся на стадии развития и становления, из чего вытекают их несовершенство, несогласованность действий и отсутствие единства в принятии решений и направлениях внешних политик.

Важно также и то, что с самого начала первоочередная роль в развитии европейской интеграции была отведена праву. Это соответствовало послевоенной эволюции западноевропейских государств, вставших на путь последовательного осуществления принципа верховенства права. Евросоюз следует этому принципу. В ходе своего развития он создал собственную правовую систему — право ЕС. Накопленный за несколько десятилетий массив нормативных документов является его законодательной базой.

Важнейшим фактором успешного развития европейской интеграции являются также политические лидеры, возглавившие интеграционный процесс: основатели Европейского сообщества Жан Моне и Робер Шуман (Франция), Конрад Аденауэр и Вальтер Хальштейн (ФРГ), Поль-Анри Спаак (Бельгия), Альчино де Гаспери (Италия). Таким образом, далеко не последнюю роль в развитии и укреплении мирового положения любого интеграционного объединения играет наличие необходимой политической культуры (культура управления и культура межгосударственных отношений).

Подводя итог, можно отметить, что страны — участницы ЕАЭС по различным критериям еще не готовы к применению опыта ЕС и переходу к более глубоким этапам интеграции. Опыт ЕС больше пригодится в будущем, когда постсоветские государства смогут подготовить хорошую почву для углубления интеграции, но некоторые конкретные элементы этого опыта могут быть использованы и на нынешней стадии развития ЕАЭС.

Список использованных источников

1. Бобков, С. А. Социально-экономическое развитие Евразийского экономического сообщества на современном этапе: проблемы, противоречия и перспективы: автореф. дис ... канд. экон. наук: 08.00.14 / С. А. Бобков; Гос. ун-т упр. — М., 2011. — 22 с.
2. Булатова, А. С. Экономика: учеб. пособие: 3-е изд., перераб. и доп. / А. С. Булатова. — М.: Юристъ, 2002. — 896 с.
3. Вардомский, Л. Б. Евразийское экономическое сообщество: особенности и проблемы развития / Л. Б. Вардомский, Е. М. Кузьмина, А. В. Шурубович // Проблемы прогнозирования. — 2005. — № 6. — С. 116–132.
4. Введенский, В. Г. Современные проблемы регионального сотрудничества России и Европейского союза / В. Г. Введенский. — М.: Серебряные нити, 2010. — 256 с.
5. Всемирный экономический форум: Рейтинг глобальной конкурентоспособности 2013–2014 [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий: информационно-аналитический портал. — Режим доступа: <<http://gtmarket.ru/news/2013/09/05/6219>>. — Дата доступа: 17.01.2015.
6. Заварзина, В. В. Совершенствование международно-правового статуса таможенных союзов / В. В. Заварзина. — М., 2009. — 24 с.
7. Индекс человеческого развития стран мира / Human Development Report 2015 [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. — Режим доступа: <<http://gtmarket.ru/ratings/human-development-index/human-development-index-info>>. — Дата доступа: 17.01.2016.
8. Киреев, А. П. Международная экономика: учеб. пособие. В 2 ч. Ч. 1 / А. П. Киреев. — М.: Междунар. отношения, 1997. — 415 с.
9. Носов, М. Г. ЕвразЭС и интеграционный опыт ЕС / М. Г. Носов, А. Ю. Бочевер, Ю. А. Борко. — М.: Ин-т Европы РАН, 2009. — 192 с.
10. Панина, Е. В. Социально-экономические и законодательные аспекты развития Евразийского экономического союза / Е. В. Панина // Евразийская интеграция: экономика, право, политика: междунар. науч.-практ. журн. — 2012. — № 12. — С. 15–20 [Электронный ресурс] // Центр Евразийской интеграции при МПА ЕвразЭС. — Режим доступа: <http://www.evrizes.spb.ru/files/Issue_12.pdf>. — Дата доступа: 17.11.2016.
11. Рыжов, В. Б. Международно-правовые модели региональных интеграционных объединений / В. Б. Рыжов. — М.: Nota bene, 2007. — 28 с.
12. Ткаченко, С. Л. Европейская валютная интеграция: три ключевые подхода для изучения и анализа / С. Л. Ткаченко // Вестн. Белорус. гос. политех. ун-та. Сер. 2. — 2008. — № 4. — С. 70–73.

13. Точицкая, И. Э. Евразийское экономическое сообщество: исследование экономических эффектов интеграции на примере Беларуси / И. Э. Точицкая; Ин-т экономики Нац. акад. наук Беларуси. — Минск: Право и экономика, 2004. — 95 с.
14. Хронология развития [Электронный ресурс] // Официальный сайт Евразийского экономического союза. — Режим доступа: <<http://www.eaeunion.org/#about-history>>. — Дата доступа: 17.01.2016.
15. Шишков, Ю. В. Интеграционные процессы на пороге XXI века: почему не интегрируются страны СНГ / Ю. В. Шишков. — М.: 3-е тысячелетие, 2001. — 480 с.
16. GDP per capita [Electronic resource] // The World Bank. — Mode of access: <<http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD?page=1>>. — Date of access: 17.01.2016.
17. General government gross debt [Electronic resource] // European Union. — Mode of access: <<http://ec.europa.eu/eurostat/tgm/refreshTableAction.do?tab=table&plugin=1&pcode=teina225&language=en>>. — Date of access: 17.01.2016.
18. GNI, PPP (constant 2011 international \$) [Electronic resource] // The World Bank. — Mode of access: <<http://data.worldbank.org/indicator/NY.GNP.MKTP.PP.KD>>. — Date of access: 17.01.2016.
19. Goods and services (BPM5): Trade balance indicators, annual, 1980—2013 [Electronic resource] // UNCTADSTAT. — Mode of access: <<http://unctadstat.unctad.org/wds/TableView/tableView.aspx?ReportId=16418>>. — Date of access: 17.01.2016.
20. Inflation, consumer prices (annual %) [Electronic resource] // The World Bank. — Mode of access: <<http://data.worldbank.org/indicator/FP.CPI.TOTL.ZG>>. — Date of access: 17.01.2016.
21. Innovation Union Scoreboard 2015 [Electronic resource] // European Commission. — Mode of access: <http://ec.europa.eu/growth/industry/innovation/facts-figures/scoreboards/files/iuis-2015_en.pdf>. — Date of access: 17.01.2016.
22. Innovation Union Scoreboard 2007 [Electronic resource] // EUBookShop. — Mode of access: <http://bookshop.europa.eu/en/european-innovation-scoreboard-2007-pbNBNA23101/pgid=Iq1Eknio.1lSRoOOK4MycO9Boo002PRV2Zjf;sid=2Svz9vZp_mLz86DI4RxtUZRM3vj1JVSqpXs=?CatalogCategoryID=GjoKABst5F4AAAEjsZAY4e5L>. — Date of access: 17.01.2016.
23. List of EU-members [Electronic resource] // European Union. — Mode of access: <http://europa.eu/about-eu/countries/index_en.htm>. — Date of access: 17.01.2016.
24. Unemployment, total (% of total labor force) [Electronic resource] // The World Bank. — Mode of access: <<http://data.worldbank.org/indicator/SL.UEM.TOTL.ZS>>. — Date of access: 17.01.2016.

«Опыт развития западноевропейской интеграции» (Елена Давыденко, Юлия Киреева)

Статья посвящена изучению развития Европейского союза как модели международной экономической интеграции, определению особенностей построения и оценке возможностей использования его опыта на постсоветском пространстве, что крайне актуально в условиях углубления евразийской интеграции, а также на фоне кризисных явлений в Евросоюзе в настоящее время. Проведен анализ динамики основных экономических показателей стран и регионов Европейского союза за последние 13 лет (до и после вхождения в ЕС), что позволило обосновать взаимовлияние и взаимозависимость участников объединения, включенных в единый организм — европейскую интеграцию. Проведенный анализ выявил характерные особенности построения интеграции, которые способствовали успеху Евросоюза на мировой арене, а также ряд ключевых проблем Европейского союза на данном этапе, на основании которых была проведена аналогия с развитием евразийской интеграции. Доказано, что для ЕАЭС возможно лишь частичное использование европейского опыта из-за ряда внутренних и внешних факторов. В то же время необходимо учитывать положительные аспекты и уроки ЕС в процессе дальнейшего формирования Евразийского экономического союза.

«European Integration Experience» (Elena Davydenko, Yuliya Kireeva)

This article is dedicated to the analysis of the EU development as a model of international economic integration, to indicating the key distinctive features of its formation and to the assessment of the possibility to use its experience by post-soviet countries. This topic is becoming one of current interest in the conditions of further development of Eurasian integration — EAEU, and against the background of the present European crisis. To achieve the goal a thorough analysis has been carried out to study the dynamics of the main economic indicators of the EU member countries and regions over the last 13 years before and after the EU accession, which allowed to substantiate the mutual influence and interdependence of the EU members included in a single organism — European integration. The analysis performed identified the main characteristics of integration building, which contributed to the success of the European Union in the world arena, as well as a number of key problems that are currently experienced by the EU. Based on them, it helped to draw an analogy with the development of Eurasian integration. Thus, it was proved that EAEU can use the European experience only partially due to a number of internal and external factors. At the same time, it is necessary to take into account the positive aspects and experience of the EU in further formation of the Eurasian Economic Union.

Статья поступила в редакцию в декабре 2015 г.

МОДЕЛЬ ИНТЕГРАЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Елена Семак, Екатерина Кумец

От интеграции сейчас во многом зависит будущее экономическое благополучие и совместное устойчивое развитие стран и народов, а в случае просчета при протекании этого процесса последствием может стать значительное ухудшение экономического сотрудничества между странами. Отсюда растущий исследовательский интерес к данному явлению.

В настоящее время перед многими интеграционными группировками стоит вопрос, по какому пути развития пойдет регион в дальнейшем — углубления интеграции, т. е. создания наднациональных норм и институтов, унификации законодательства и национальных органов, или расширения интеграции как принятия новых членов в интеграционную группировку при сохранении текущей степени развития общего рынка и движения ресурсов.

Понятно, что в силу территориальных, экономических и институциональных различий невозможно отождествлять проблемы интеграции экономического пространства, к примеру, ЕС и США. Но с теоретической точки зрения важно не просто определить эти различия, а указать, какие конкретные механизмы принятия решений внутри отдельных стран приводят к отличным (или схожим) результатам в сравнении с международной интеграцией. А это, в свою очередь, обуславливает необходимость соответствующей структуризации типологии моделей интеграции, из чего вытекает актуальность темы данной статьи.

Проблематика региональной экономической интеграции и ее моделей рассматривается в работах А. Алезине [13], П. Болтона [14], С. Хоффмана [18], Р. Кеохана [21] и др. Проблемы теории региональной экономической интеграции и регионального взаимодействия на постсоветском пространстве были подробно исследованы в работах О. Буториной [1], Р. Гринберга [3], М. Стержневой [10], Н. Шумского [11; 12] и др.

Модель экономической интеграции — это определенная система, которая включает в себя описание развития, закономерностей и механизмов интеграционных процессов между определенными странами или регионами.

Подходов к выявлению подобных моделей существует почти столько же, сколько и авторов, но единой классификации или описания моделей экономической интеграции до сих пор нет. Поэтому в рамках данной статьи предпринята попытка собрать и систематизировать основные подходы для проведения расчетов и формулирования определенных выводов.

Так как модель интеграции может пониматься как пример интеграционных процессов в конкретном регионе, то и классифицировать имеющиеся модели можно в первую очередь в зависимости от региона следующим образом:

- 1) модель североамериканской интеграции;
- 2) модель участия в общеевропейской интеграции;
- 3) азиатская модель региональной интеграции;
- 4) формат интеграции стран Восточной Азии;
- 5) модель регионализации Латинской Америки;
- 6) модель евразийской интеграции;
- 7) модель развития международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе;
- 8) модель трансконтинентального сотрудничества динамично развивающихся экономик;
- 9) модели интеграции арабского мира;
- 10) модель развития тюркской интеграции;
- 11) модель интеграции африканского континента [9, с. 3—5].

Следует отметить, что основными двигателями интеграционных процессов могут выступать как решения, принимаемые на наднациональном уровне правительствами стран — участниц интеграционного объединения, так и внутрирегиональное экономическое сотрудничество на уровне отраслей, предприятий и корпораций. Отсюда многие исследователи, например В. Уоллес, указывают на различие между формальной и неформальной интеграцией. Формальная интеграция, по В. Уоллесу, — это результат преднамеренных политических действий. Она включает, напри-

Авторы:

Семак Елена Адольфовна — кандидат экономических наук, доцент кафедры международных экономических отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Кумец Екатерина Александровна — студент специальности «Мировая экономика» факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Рецензенты:

Шмарловская Галина Александровна — доктор экономических наук, профессор, декан факультета международных экономических отношений Белорусского государственного экономического университета

Юрова Наталья Вячеславовна — кандидат экономических наук, доцент кафедры международных экономических отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

мер, создание институтов, разработку экономической политики или законодательства. Неформальная интеграция относится к процессу, который имеет эффективные последствия без официального авторитетного вмешательства [25, р. 9—11]. Здесь четко просматривается связь с новой институциональной теорией — именно задействованные институты выступают теми факторами, на основе которых мы проводим разграничение между формальной и неформальной интеграцией.

С точки зрения институтов, способствующих интеграционным процессам, региональное интеграционное объединение может формироваться или правительствами и государственными органами власти стран-участниц, или частными лицами, такими, например, как корпорации. Соответственно, система власти может описывать отношения либо государств, либо негосударственных структур. Тогда, по мнению А. Либмана, упрощенно можно сформировать шесть моделей интеграции (представлены в табл. 1), связанных с выделением того или иного ведущего игрока и конфигурации системы власти [8, с. 30].

В трех моделях «Территориальные органы публичной власти» основную роль играет государство; в остальных — негосударственные игроки. Следовательно, можно рассматривать формальные и неформальные (или корпоративные) модели интеграции. Можно также именовать первые три модели «интеграцией сверху», а последние три «интеграцией снизу», или «консолидацией». Модель корпоративной интеграции предполагает систему взаимосвязей, возникающих в рамках межгосударственного внутрифирменного пространства, где свободно перемещаются товары, рабочая сила, капитал [4, с. 49]. Таким образом, модели межправительственных договоров, доминирующего участника и общего центра будут представлять собой модели формальной интеграции, а модели неформальной торговли, корпоративного взаимодействия и негосударственного права — модели неформальной интеграции.

Охарактеризовать кратко каждую из моделей можно следующим образом:

— *модель межправительственных договоров*: интеграция инициируется органами власти отдельных территорий на основе договоренностей;

— *модель доминирующего участника*: правительство ведущей страны принуждает остальных игроков экономическими и политическими методами к интеграции;

— *модель общего центра*: сформированный надгосударственный орган (центральное правительство) интегрирует все страны, надеясь определенной юрисдикцией;

— *модель неформальной торговли*: неформальные сети предпринимателей и торговцев вместо крупных корпораций интегрируют территории, хотя нередко работают в «теневой» экономике;

— *модель корпоративного взаимодействия*: крупные корпоративные структуры интегрируют регионы через свои производственные сети;

— *модель негосударственного права*: основу для интеграции составляют общие правила игры, сознательно генерируемые конкретным внесударственным игроком для организации экономического взаимодействия между отдельными территориями [8, с. 31—32].

Формальная интеграция не обязательно всегда предшествует неформальной интеграции; в некоторых ситуациях сотрудничество негосударственных субъектов также может создать давление для углубления процесса формальной интеграции [17, р. 6]. В формальной интеграции государство стоит во главе процесса, в то время как в неформальной преобладают негосударственные акторы. Комбинируя различные характеристики и формы интеграции, можно выявить весьма различающиеся между собой виды интеграционных процессов. Это также означает, что конечные состояния данных процессов не обязательно похожи в различных моделях. Например, последним этапом формальной экономической интеграции может быть создание валютного союза, но в неформальной сфере субъекты частного сектора после этого все еще могут продолжать строить более тесные кооперационные связи между собой.

Таблица 1

Типология моделей экономической интеграции

Отношение к власти	Ведущие игроки	
	Территориальные органы публичной власти	Негосударственные игроки
Равенство сил	Модель межправительственных договоров	Модель неформальной торговли
Асимметрия качественно однородных игроков	Модель доминирующего участника	Модель корпоративного взаимодействия
Асимметрия качественно разнородных игроков	Модель общего центра	Модель негосударственного права

Источники: [8, с. 31, табл. 1].

Формальные модели, которые приводятся в международных теоретических трудах, могут быть разделены на две группы. Различие данных групп состоит в способах поддержания постоянного уровня положительных эффектов интеграции: выбор между углублением интеграции в рамках существующего региона или принятием новых членов в группировку при ее текущих интеграционных параметрах. Первая группа включает в себя модели, ориентированные на поддержание положительных эффектов интеграции на одном уровне за счет постоянного расширения или сочетания расширения интеграции с углублением. Вторая группа основывается на том, что большое количество членов затрудняет поддержание коллективной деятельности в рамках региона и производство общественных благ, т. е. поддерживают идею углубления интеграции только в рамках уже сформированного региона [20, р. 649].

Представители первой группы Э. Даунс, М. Роке и Д. Барсум приводят пространственную избирательную модель, согласно которой более глубокая интеграция возможна, когда отстающие страны-члены принимаются в группировку последовательно, но только после того, как они дошли в своем развитии до принципа многосторонних отношений [см.: 20, р. 650]. Если отстающие государства слишком быстро принимаются в региональную группировку, они могут блокировать многосторонние усилия других, нарушая баланс между глубиной сотрудничества и расширением региона.

Основываясь на несколько ином подходе, Т. Гиллиган использует пространственную модель переговоров, чтобы описать ту же проблему более точно [см.: 20, р. 650]. Он отмечает, что эмпирически компромисс между углублением и расширением проявляется не сразу и объясняет расхождение между эмпирическими данными и существующими формальными моделями, утверждая, что компромисс между углублением и расширением исчезает после того, как странам-участницам разрешается дифференцировать политики. Проблема выбора будет существовать, если все члены группировки вынуждены проводить ту же политику, дифференциация же политики позволяет как расширять, так и углублять интеграцию. Однако модель Т. Гиллигана противоречит теории игроков интеграции как ее движущих сил, согласно которой дифференциация политик, напротив, препятствует углублению интеграции, потому что таким образом ослабляет ее ядро.

Примером работ последователей второй группы моделей является позиция Р. Стоуна, Б. Сланчева [см.: 20, р. 650]. В их модели государства, осуществляющие взносы на общественные интересы, и размер их взноса определяются странами — двигателями интеграции или ядром региональной группировки. Государства, которым не было предложено внести свой вклад (не участвующие в новом эта-

пе интеграции), по-прежнему могут получить выгоду от общественного блага и членства. В их модели в общем смысле компромисс между углублением и расширением присутствует, но чем больше однородность участников по размеру, тем меньше его значение. Модель, таким образом, предполагает, что пользоваться благами, производимыми участниками объединения, могут и не его участники (например, соседям ЕС пойдет на пользу, если члены решат сократить выбросы парниковых газов). Однако вероятность выгоды для нечленов региональная группировка может исключить. Данная модель также опирается на то, что предложение о вступлении вносится странами — двигателями интеграции.

Европейская литература по углублению и расширению ЕС носит более эмпирический характер. Она также содержит множество противоречивых утверждений. Некоторые сторонники европейской интеграции утверждают, что расширение и углубление идут рука об руку. Большинство наблюдателей, однако, настроены более скептически. Как резюмирует Р. Поллак, до расширения ЕС в 2004 и 2007 гг. было сделано множество прогнозов, что увеличение участников ЕС будет затруднять переговоры по законодательным вопросам, тем самым замедляя принятие общих законов и, следовательно, способность Союза решать важные проблемы [см.: 20, р. 651]. Р. Циммер и др. предсказывали обострение конфликта по бюджету ЕС в результате восточного расширения, учитывая растущий разрыв между суммой чистых вкладчиков и чистых получателей [см.: 20, р. 651]. Следует отметить, что его прогноз оправдался: на сегодняшний день в ЕС существует проблема нетто-вкладчиков и нетто-получателей, что тормозит принятие Комиссией плана бюджета на год и 7-летних рамок [6, с. 35]. Другое положение (П. Тейлор) в европейской литературе в поддержку идеи, что расширение интеграции препятствует ее углублению, указывает на то, что при вынесении общих решений государства-члены вследствие того, что их интересы не были учтены, теряют желание далее следовать общей политике региона [22, р. 100]. (Еще предвзято текущую ситуацию, когда Франция закрыла границу для мигрантов, а Австрия и Швейцария отказывали беженцам во въезде, устав в одиночку бороться с наплывом мигрантов, премьер-министр Италии заявил, что Италия будет самостоятельно решать эту проблему, но только в этом случае поражение потерпит сама идея единой Европы.)

С позиции институциональной теории расширение членства в интеграционном объединении имеет несколько последствий для глубины и объема организации, в зависимости от предпочтений новых членов.

В ситуации, когда предпочтения и цели интеграции новых членов основываются на принципах, уже имеющихся у старых участни-

ков, расширение не будет препятствовать дальнейшему углублению. В противном случае добавление новых членов будет препятствовать углублению интеграции, даже если изначально эти принципы и цели не отличались, потому, что могут возникнуть противоречия по новым аспектам, что будет затруднять принятие общих решений.

В то же время принятие новых членов может облегчить шаги к мажоритарной форме принятия решений. Кроме того, институциональные изменения, которые способствуют углублению интеграции, могут произойти еще до их присоединения, в ожидании их грядущего членства. Например, увеличение размера Совета ЕС приводит к дальнейшей институционализации, из-за чего Совет принимает форму, более свойственную законодательному органу, а не собранию, регулируемое нормами международной дипломатии.

Степень, в которой расширение интеграционного региона повлияет на углубление интеграции, частично зависит от области политики. В числе таких вопросов, как справедливость и внутренние дела или общая внешняя политика и политика безопасности, где центральные (наднациональные) акторы играют меньшую роль, принятие новых членов, скорее всего, будет препятствовать углублению. В таких областях политики компромисс между расширением и углублением будет очевиден. В других областях, где центральные (наднациональные) субъекты, такие как комиссии и суды, имеют больше власти, компромисс будет слабее или вовсе отсутствует.

Так или иначе, несмотря на большое количество подходов, единое мнение о том, способствует ли расширение углублению интеграции или нет, еще не сформировано.

Участники интеграционных объединений, как правило, стоят перед выбором углубления или расширения интеграции, так как эти процессы не всегда дополняют друг друга. Углубление интеграции обозначает унификацию норм и институтов, в то время как расширение — принятие новых участников при сохранении существующего этапа интеграции. Если эти процессы протекают одновременно, то воспрепятствование расширению углублению интеграции будет зависеть от позиции и взглядов новых участников.

Следует отметить, что в реальности нельзя выделить модели, которые обладают только признаками формальной интеграции, как нельзя указать региональные группировки, в которых неформальная интеграция не нашла бы подкрепление хотя бы в одном межстрановом договоре. Можно сказать, что мы относим те или иные модели интеграции к формальным или неформальным за счет преобладания в них формальных или неформальных институтов интеграции, что приводит к разделению моделей, классифицируемых по региональному признаку, на две большие группы (табл. 2).

Следует отметить, что разделение, приведенное в табл. 2, основывается на наиболее развитых примерах региональной экономической интеграции. Рассмотреть особенности всех моделей региональной экономической интеграции для более точного их разграничения на формальные и неформальные на основе каждого конкретного примера не представляется возможным в рамках одной статьи. Международный опыт построения моделей формальной интеграции будет далее подробнее рассмотрен на примере ЕС. Кроме того, чтобы можно было сделать вывод о внутренних и внешних эффектах экономической интеграции, возникающих при формировании

Таблица 2

Разделение моделей региональной экономической интеграции на формальные и неформальные

Формальные модели	Пример интеграционной группировки	Неформальные модели	Пример интеграционной группировки
Модель североамериканской интеграции	НАФТА	Модель развития международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе	АТЭС
Модель участия в общеевропейской интеграции	ЕАСТ	Модель трансконтинентального сотрудничества динамично развивающихся экономик	БРИКС
Азиатская модель региональной интеграции	АСЕАН	Модели интеграции арабского мира	ЛАГ
Формат интеграции стран Восточной Азии	АСЕАН + 3	Модель развития тюркской интеграции	ССТГ
Модель регионализации Латинской Америки	МЕРКОСУР	Модель интеграции африканского континента	Страны Африки
Экономическая интеграция евразийского пространства	ЕАЭС		

Источники: собственная разработка на основе [9, с. 3–5; 7, с. 77].

экономических блоков, и сравнить эти показатели в формальной и неформальной модели интеграции, будут использованы результаты построения гравитационных моделей общего равновесия. Такие модели используются для эконометрической оценки связи между внешней торговлей и экономическим ростом, оценки влияния внешней торговли на окружающую среду. Они представляют собой простой инструмент для оценки влияния различных факторов на динамику международной торговли, помимо стандартных переменных для базовой гравитационной модели. Для исследования различных мер экономической политики в настоящее время гравитационные модели в качестве дополнительных переменных включают в себя переменные, не только характеризующие влияние наличия и отсутствия тарифов, но и отражающие различные политические и институциональные характеристики стран, которые могут влиять на международную торговлю [2, с. 27].

Рассмотрим модель европейской интеграции.

Субъекты. На сегодняшний день в состав Европейского союза входят 28 стран: Австрия, Бельгия, Болгария, Великобритания, Венгрия, Германия, Греция, Дания, Ирландия, Испания, Италия, Кипр, Латвия, Литва, Люксембург, Мальта, Нидерланды, Польша, Португалия, Румыния, Словакия, Словения, Финляндия, Франция, Хорватия, Чехия, Швеция и Эстония. Однако на момент заложения основ этого экономического союза — подписания в 1951 г. Парижского договора о Европейском объединении угля и стали — их было всего шесть: Франция, Германия, Италия, Бельгия, Нидерланды и Люксембург.

Появление новых субъектов основывается на общности экономических, социальных и политических интересов стран, входящих в ЕС. Кроме того, допуск новых субъектов основывается на определенных критериях:

- **политический критерий:** институциональная стабильность как гарант демократического и правового государственного устройства, защиты прав человека, а также уважения и защиты прав меньшинств;

- **экономический критерий:** работоспособная рыночная экономика и способность противостоять давлению конкуренции и рыночных сил в рамках Союза;

- **принятие правил Сообщества:** способность принять возникающие в результате членства в Союзе обязательства и продемонстрировать приверженность целям политического, экономического и валютного союза (принятие *acquis communautaire* (фр. достояние сообщества) или правовых актов Сообщества) [5].

Цели. Основными целями изначально являлись содействие миру, ценности Союза и благосостояние его народов. Постепенно при углублении и расширении европейской интеграции эти цели дополнялись следующими:

- формирование пространства свободы, безопасности и правосудия без внутренних границ;

- формирование внутреннего рынка со свободной конкуренцией;

- устойчивое развитие региона, основанное на сбалансированном экономическом росте и стабильности цен, высоко конкурентной социальной рыночной экономики, направленной на полную занятость и социальный прогресс, и высокий уровень защиты и улучшения качества окружающей среды;

- содействие научно-техническому прогрессу;

- борьба с социальной изоляцией и дискриминацией, содействие социальной справедливости и защите, равенство между женщинами и мужчинами, солидарность между поколениями и защита прав ребенка;

- содействие экономической, социальной и территориальной сплоченности и солидарности между государствами-членами [23].

Указанные цели и задачи были отражены в договорах, соглашениях и других учредительных документах, которые постепенно формировали договорно-правовую базу институционального механизма интеграции ЕС (табл. 3).

Таким образом, ЕС можно отнести к модели формальной интеграции, так как этапы линейно-стадиальной модели были пройдены за счет инициатив государственных органов и правительств, т. е. интеграции сверху.

Это также подтверждается наличием уже упомянутых наднациональных органов, наиболее влиятельные из которых (по сфере влияния и широте полномочий):

- Европейский парламент, который представляет граждан ЕС и напрямую избирается ими;

- Совет Европейского союза, который представляет правительства отдельных стран-членов. Председательство в Совете осуществляется государствами-членами на ротационной основе;

- Европейская комиссия, которая представляет интересы Союза в целом.

К другим наднациональным органам относятся Судебная и Счетная палаты, Европейский центральный банк, Европейский экономический и социальный комитет, Комитет регионов, Европейский инвестиционный банк и др.

Система методов реализации поставленных целей. Для реализации целей ЕС разрабатывает рамочные программы на определенный период, такие как программы содействия развитию сельского хозяйства и сельскохозяйственных регионов, содействия конкурентоспособности и занятости, поддержки культурных мероприятий, СМИ, образовательные программы и т. п. Создаются и действуют европейские структурные фонды и фонды сплочения, такие как Европейский фонд регионального развития и Европейский социальный фонд. Развитию предпринимательства способствует

Нормативно-правовая база европейского сотрудничества

Документ	Цель подписания	Роль для интеграции
Договор о создании Европейского объединения угля и стали 1951 г.	Создание взаимозависимости по углю и стали, чтобы ни одна страна не могла больше мобилизовать свои вооруженные силы без ведома остальных; действие договора истекло в 2002 г.	Создание нормативной основы будущих интеграционных процессов
Римские договоры 1957 г.	Создание Европейского экономического сообщества (ЕЭС) и Европейского сообщества по атомной энергии (Евратом)	Первая ступень экономической интеграции
Брюссельский договор 1965 г.	Упорядочение полномочий европейских институтов	Рост влияния наднациональных органов
Единый Европейский акт 1986 г.	Реформирование институтов в рамках подготовки к присоединению Португалии и Испании и ускорение процесса принятия решений в рамках подготовки к единому рынку	Новая веха в экономической интеграции, наделение новыми полномочиями наднационального органа
Маастрихтский договор 1992 г.	Подготовка к Европейскому валютному союзу и введение элементов политического союза (гражданство, общая внутренняя и внешняя политика)	Еще один этап в линейно-стадиальной модели интеграции
Амстердамский договор 1997 г.	Реформирование институтов ЕС в рамках подготовки к присоединению будущих стран-членов	Основа трансграничной (горизонтальной) интеграции
Договор Ниццы 2001 г.	Реформирование институтов ЕС в рамках подготовки к присоединению будущих стран-членов	Совершенствование наднациональных институтов
Лиссабонский договор 2007 г.	Повышение эффективности деятельности ЕС в решении глобальных проблем	Рост количества формальных институтов

Источники: собственная разработка на основе [16].

наличие таких структур, как Европейский банк реконструкции и развития, Европейский инвестиционный банк, структурные фонды. Вступаящим странам оказывается поддержка за счет компенсационных отчислений из единого бюджета. В регионе сформирована единая таможенная территория, отсутствуют таможенные пошлины и ограничения экономического характера во взаимной торговле (за исключением специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер), действуют соглашения о свободном движении товаров, услуг, капитала и рабочей силы, постоянно совершенствуется единая инфраструктура, проводится согласованная налоговая, денежно-кредитная, валютно-финансовая, таможенная политика и т. д.

Источники средств. Для финансирования программ, органов, фондов и институтов сообщества существует единый бюджет, который формируется за счет традиционных собственных источников (таможенных пошлин, взимаемых в соответствии с Общим таможенным тарифом, сахарных сборов в рамках политики организации общего рынка сахара); взносов государств-членов, рассчитанных в зависимости от их внутренней нормы доходности; прочих доходов (подходный налог от лиц, занятых в институтах и организациях Евросоюза, доходы от заемных операций Евросоюза); доходов от НДС [6, с. 34].

Мониторинг и диагностика результатов проводятся органами ЕС ежегодно, а также после завершения рамочных проектов, на основе чего осуществляется коррекция политики или способов достижения цели (например, Еврокомиссия и Европарламент при утверждении нового плана расходов и доходов единого бюджета учитывают анализ ежегодного расхода бюджета, а также исполнения семилетних финансовых рамок).

Характеризуя модель интеграции ЕС с точки зрения исторического развития интеграционного процесса, следует отметить, что с 1951 по 1995 г. он имел как горизонтальный, так и вертикальных характер, т. е. расширение границ интеграционной группировки сопровождалось углублением интеграции, что наглядно демонстрирует характер договоров, приведенных в табл. 3. С конца 1990-х гг. Европейский союз в основном следует по пути только расширения интеграционного региона.

В настоящее время члены ЕС уже создали хорошо интегрированный рынок. Они поддерживают более сильные торговые связи друг с другом, чем со странами, которые присоединятся позже. Определить степень экономической интеграции в модели ЕС можно при помощи гравитационной модели. Региональные эффекты интеграции, такие как отклонение от объема торговли, которое отражает влияние традиционных гравитационных сил

(размер экономики, уровень экономического развития и расстояние), можно выразить при помощи фиктивных вспомогательных переменных.

Расчеты производились по следующей формуле:

$$Flow_{ij} = AGDP_i^{\beta_2} GDP_j^{\beta_2} d_{ij}^{\beta_2} L_{ij} L_i L_j \varepsilon_{ij},$$

где $Flow_{ij}$ — торговля между экономиками i и j (по данным страны i); A — параметр регрессии, гравитационная константа; $GDP_i^{\beta_2}$ и $GDP_j^{\beta_2}$ — ВВП экономики i и j соответственно; $d_{ij}^{\beta_2}$ — расстояние между странами i и j как приближенное значение транспортных расходов в торговле; L_{ij} , L_i , L_j — независимые переменные, такие как общий язык, исторические корни, население, размер экономики и др.; ε_{ij} — остаток регрессии (охватывает движения в двусторонней торговле, не объясняемые факторами, перечисленными ранее).

К фиктивным можно отнести следующие переменные:

- границы — принимает значение 1, если страны i и j граничат между собой, в противном случае принимает значение 0;
- язык — принимает значение 1, если у стран i и j одинаковый официальный язык, в противном случае принимает значение 0;
- ЕС _{i и j} — принимает значение 1, если обе страны i и j являются членами ЕС, в противном случае принимает значение 0;
- ЕС _{i или j} — принимает значение 1, если одна страна i или j является членом ЕС, в противном случае принимает значение 0.

Данные для анализа охватывают период 2000–2010 гг. и 27 стран ЕС (за исключением Хорватии, присоединившейся в 2014 г.). Результаты представлены в табл. 4.

Уравнение на основе оценки структурного анализа 2008 г. будет выглядеть следующим образом:

$$export_{12} = g GDP_1^{0,7057} GDP_2^{0,8633} D_{12}^{-1,0451} \times \text{границы}^{0,5726} \text{язык}^{-0,2941},$$

где $export_{12}$ — экспорт из страны 1 в страну 2; g — параметр регрессивного уравнения; $D_{12}^{-1,0451}$ — расстояние между странами 1 и 2;

ВВП экспортера и импортера имеет положительный коэффициент (соответственно 0,7057 и 0,8633). Эти результаты указывают на большое влияние со стороны стран ЕС. Оценка коэффициента показывает, что увеличение на 1 % ВВП ЕС увеличит экспорт стран ЕС в другие страны ЕС — общая сумма экспорта всех стран ЕС в весь регион ЕС (например, экспорт Польши в ЕС + экспорт Германии в ЕС и т. д.), на 0,7057 %.

Коэффициент расстояния, который является отрицательным, оказывает большое влияние на двусторонние торговые потоки. Влияние размера и уровня экономического развития торговых партнеров положительное. Вспомогательный коэффициент «одной границы» является статистически значимым. Это означает, что двусторонние торговые потоки между странами, которые граничат между собой, в 76,8 % раза превышают торговые потоки между другими странами.

Таблица 4

Структурный гравитационный анализ экспортных потоков в рамках членов ЕС

Переменная	Линейная регрессия зависимой переменной $\ln export_{ij}$			
	2007	2008	2009	2010
$\ln GDP_1$	0,910* (0,145)	0,701* (0,188)	1,100* (0,033)	0,938* (0,097)
$\ln GDP_2$	0,966* (0,146)	0,863* (0,153)	0,872* (0,31)	0,746* (0,113)
$\ln \text{расстояние}_{12}$	-1,066 (0,109)*	-1,043* (0,1183)	-1,121* (0,091)	-1,208* (0,089)
$\ln \text{размер}_1$	0,0567 (0,066)	0,113* (0,058)	0,115 (0,059)	-0,074 (0,054)
$\ln \text{размер}_2$	0,046 (0,071)	0,094* (0,071)	0,005 (0,052)	0,119* (0,064)
$\ln \text{население}_1$	0,177 (0,178)	0,383* (0,216)	-0,058 (0,13)	0,111 (0,113)
$\ln \text{население}_2$	-0,334* (0,18)	-0,275 (0,183)	0,212 (0,1523)	0,126 (0,141)
Границы	0,444* (0,251)	0,573* (0,232)	0,225* (0,176)	0,115 (0,17)
Общий язык	-0,655 (0,533)	-0,294 (0,466)	0,753* (0,229)	0,563 (0,23)
Коэффициент детерминации R^2	0,702	0,642	0,802	0,801

Примечание: * — статистически значимые показатели.

Источник: собственная разработка на основе [15; 24; 25].

Гравитационный регрессионный анализ панельных данных

Переменная	Линейная регрессия зависимой переменной $\ln export_{ij}$		
	2000—2010 (метод наименьших квадратов)	2000—2010 случайные эффекты	2000—2010 фиксированные эффекты
$\ln GDP_1$	1,049* (0,050)	1,264* (0,072)	1,424* (0,033)
$\ln GDP_2$	0,889* (0,046)	0,866** (0,068)	0,664* (0,310)
$\ln \text{расстояние}_{12}$	-1,049* (0,033)	-1,097* (0,079)	-0,675 (0,077)
$EC_{\text{обе } i \text{ и } j}$	0,165* (0,097)	0,293* (0,049)	0,316* (0,054)
$EC_{\text{одна } i, j}$	0,623* (0,105)	0,523* (0,523)	0,545* (0,052)
Коэффициент детерминации R^2	0,705	0,702	0,670

Примечание: * — статистически значимые показатели.

Источник: собственная разработка на основе [15; 24; 25].

Для оценки значимости интеграции для торговли эмпирическое исследование выполняется на основе используемой модели гравитации. Общее равновесие оценивается при помощи метода наименьших квадратов. С целью получения наилучших результатов регрессии с помощью метода наименьших квадратов учитывалась альтернативная версия стандартного гравитационного уравнения — модель с фиксированными эффектами. Количественное исследование основано на панельных данных 2000—2010 гг.

Модель с фиксированными эффектами не измеряет фактические межстрановые эффекты, а скорее контролирует и исправляет их, так как индивидуальные различия в конкретных странах, которые являются неизменными в течение долгого времени, не должны влиять на заключение исследования. Это означает, что такие постоянные факторы, как расстояние, общий язык и общие границы, не могут быть оценены при помощи модели с фиксированными эффектами. Тем не менее, этот недостаток компенсируется необходимостью учета фиксированных эффектов регрессии для пар стран. Результаты представлены в табл. 5.

Дальнейшее расширение границ ЕС может оказывать положительный эффект на торговлю между странами ЕС и вступающими странами. И в данном случае формальные механизмы интеграции подкрепляются эффектами отклонения торговли.

Расчетный коэффициент от общего объема экспорта является положительным и значимым на 5 %-ном уровне значимости. Переменные ВВП экспортера и импортера положительны, как и следовало ожидать, и значимы на 5 %. Любое увеличение ВВП страны на 1 % увеличивает, при прочих равных условиях, ее экспорт в другие страны ЕС на 1,535 %. Расчетный коэффициент членства в ЕС является положительным и имеет очень высокую оценочную значимость (0,38). Коэффициент также статистически значим на уровне 5 %.

Таким образом, расширение Европейского союза положительно влияет на объемы внутренней торговли. Это подтверждается тем, что одним из основных факторов, обусловивших возрастающее значение торговли в рамках ЕС в общем объеме торговли ЕС, является включение новых государств-членов в течение последнего десятилетия, и объясняет политику расширения ЕС.

Список использованных источников

1. Буторина, О. Интеграция СНГ. Применим ли опыт Европейского союза? / О. Буторина // Свободная мысль. — 1999. — № 6. — С. 43—54.
2. Винокуров, Е. Количественный анализ экономической интеграции Европейского союза и Евразийского экономического союза: методологические подходы / Е. Винокуров, И. Пелипас, И. Тоцицкая. — СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2014. — 62 с.
3. Гринберг, Р. Постсоветское пространство: возможности и пределы консолидации / Р. Гринберг // Информационно-аналитический бюллетень ЦПИ ИМЭПИ РАН. — 2005. — № 2. — С. 10—17.
4. Калиева, С. А. Направления экономического взаимодействия стран в условиях региональной экономической интеграции / С. А. Калиева // Известия НАН РК. Серия общественных наук. — 2007. — № 2. — С. 49—52.
5. Критерии вступления (Копенгагенские критерии) [Электронный ресурс] // Новая Еўропа. — Режим доступа: <<http://n-europe.eu/glossary/term/47>>. — Дата доступа: 28.11.2015.
6. Кумец, Е. А. Проблемы единого бюджета Европейского союза на современном этапе развития / Е. Кумец // Европа глазами студенческой молодежи: материалы секции по европейским исследованиям на фак. междунар. отношений на 71-й науч.-практ. конф. студентов, магистрантов и аспирантов БГУ, Минск, 17 апр. 2014 г. / редкол.: В. Г. Шадурский (пред.) [и др.]. — Минск: Изд. центр БГУ, 2014. — С. 33—37.

7. Либман, А. М. Интегрирующееся региональное пространство: дополнительные возможности экономического роста / А. М. Либман, Л. З. Зевин // Евразийская экономическая интеграция. — 2009. — № 2 (3). — С. 68–88.
8. Либман, А. М. Модели экономической интеграции: мировой и постсоветский опыт / А. М. Либман. — М., 2009. — 412 с.
9. Мухамеджанова, Д. Ш. Мировые интеграционные объединения и Казахстан: сотрудничество в условиях регионализации: монография / Д. Ш. Мухамеджанова. — Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2013. — 348 с.
10. Стрежнева, М. Европейский союз и СНГ: сравнительный анализ институтов / М. Стрежнева. — М.: Изд-во Центра науч. и учеб. программ, 1999. — 268 с.
11. Шумский, Н. Содружество Независимых Государств как модель интеграции постсоветских государств / Н. Шумский // Белорус. экон. журн. — 2011. — № 4. — С. 4–14.
12. Шумский, Н. Экономическая интеграция государств Содружества: возможности и перспективы / Н. Шумский // Вопросы экономики. — 2003. — № 6. — С. 122–134.
13. Alesina, A. Economic Integration and Political Disintegration / A. Alesina, E. Spolaore, R. Wacziarg // The American Economic Review. — 2000. — Vol. 90, N 5. — P. 1276–1296.
14. Bolton, P. Economic Theories of the Break-Up and Integration of Nations / P. Bolton, G. Roland, E. Spolaore // European Economic Review. — 1996. — Vol. 40, N 3–5. — P. 697–705.
15. Documents and resources [Electronic resource] // World Trade Organisation. — Mode of access: <https://www.wto.org/english/res_e/res_e.htm>. — Date of access: 28.11.2015.
16. EU treaties [Electronic resource] // European Union. — Mode of access: <http://europa.eu/eu-law/decision-making/treaties/index_en.htm>. — Date of access: 28.11.2015.
17. Heinonen, H. Regional Integration and the State: The Changing Nature of Sovereignty in Southern Africa and Europe / H. Heinonen. — Helsinki: Institute of Development Studies, University of Helsinki, 2006. — 241 p.
18. Hoffmann, S. Reflections on the Nation-State in Western Europe Today / S. Hoffmann // Journal of Common Market Studies. — 1982. — Vol. 21, N 1. — P. 21–37.
19. Intra-EU trade in goods — recent trends [Electronic resource] // Eurostat. — Mode of access: <http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Intra-EU_trade_in_goods_-_recent_trends>. — Date of access: 28.11.2015.
20. Kelemen, R. Wider and deeper? Enlargement and integration in the European Union / R. Kelemen, A. Menon, J. Slapin // Journal of European Public Policy. — 2014. — N 5. — P. 647–663.
21. Keohane, R. O. Institutional Change in Europe in the 1980s / R. O. Keohane, S. Hoffmann // The European Community: Decisionmaking and Institutional Change. — Boulder: Westview, 1991. — P. 1–39.
22. Taylor, P. The European Union in the 1990s / P. Taylor. — Oxford: Oxford University Press, 1996. — 216 p.
23. The founding principles of the Union [Electronic resource] // European Union. — Mode of access: <http://europa.eu/scadplus/constitution/objectives_en.htm#OBJECTIVES>. — Date of access: 27.11.2015.
24. Virag-Neumann, I. Impacts of the integration on trade of EU members — a gravity model approach / I. Virag-Neumann // Deturope — the Central European journal of regional development and tourism. — 2014. — Vol. 6, N 1. — P. 33–49.
25. Wallace, W. The dynamics of European integration / W. Wallace. — London: RIIA, 1990. — 324 p.

«Модель интеграции Европейского союза» (Елена Семак, Екатерина Кумец)

Данная статья посвящена характеристике моделей экономической интеграции и их эффективности в зависимости от экономических, институциональных и политических условий. Рассматриваются понятия формальных и неформальных моделей экономической интеграции, внутренней и транснациональной интеграции, характеризуются состояние и перспективы формальной модели интеграции Европейского союза, влияния интеграционных процессов расширения и углубления интеграции на экономическое развитие стран — членов Сообщества.

«European Union Integration Model» (Helen Semak, Ekaterina Kumets)

This article is dedicated to the models of economic integration and their efficiency, depending on the economic, institutional and political conditions. The concepts of formal and informal models of economic integration, internal and transnational integration are considered, the state and prospects of a formal integration model of the European Union are characterized, as well as the impact of the integration processes of expanding and deepening integration on the economic development of the member states of the Union.

Статья поступила в редакцию в декабре 2015 г.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЕДИНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ: ОПЫТ ДЛЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Ксения Якушенко

В последние десятилетия XX в. и начала XXI в. происходит активное развитие интеграционных группировок на всех континентах, особенно среди стран с переходной экономикой. Республика Беларусь, развивая отношения в рамках той или иной группировки, также обращается к опыту Европейского союза (ЕС), поскольку данная группировка является одной из основных в мировой экономической практике, которая прошла последовательно почти все стадии интеграционного развития и выработала свою систему наднационального управления экономическими процессами. При этом в свете активного развития информационных технологий страны вышли на тот уровень взаимодействия, когда качество, скорость, доступность и актуальность информации, в равной степени востребованной всеми участниками экономических процессов, стали определять их эффективность. В современной экономической практике уже существует опыт создания единого информационного пространства на уровне предприятия, холдинга, города или даже на уровне субъектов одного государства. Но проблема информационных коммуникаций на поле, объединяющем несколько стран, пока до сих пор не решена в полной мере. Следует также учитывать, что на постсоветском пространстве не все страны могут принять участие в объединении своих информационных ресурсов на данный момент. Экономическое пространство неоднородно и интеграция выгодна только тем его участникам, кто имеет примерно равные исходные условия.

С другой стороны, в мире (в частности, в Европейском союзе) уже накоплен определенный массив данных по созданию информационных пространств, который при определенной теоретической переработке может дать ответы на вопросы в области межрегиональных информационных коммуникаций. Таким образом, особенно актуальным становится проблема формирования единого информационного пространства региональных интеграционных группировок на национальном и наднациональном уровнях. Актуальность данной статьи в прак-

тическом плане определяется также потребностью в формировании научно обоснованных предложений по концептуальному оформлению процессов создания единого информационного пространства на базе существующих экономических взаимоотношений.

Б. Я. Советов, отмечая характерные признаки информационного общества, приводит такую особенность, как наличие единого информационного пространства [16, с. 120]. Вместе с тем общепринятое определение в экономической науке еще не сложилось. Данный термин используется наряду с такими понятиями, как «информационная среда», «информационное поле», иногда термины взаимозаменяемы. В. Н. Костюк отождествляет понятие информационного пространства и информационного общества [11]. Подходы к определению информационного пространства различаются либо по метрическим характеристикам с учетом происходящих в нем процессов, либо по концепциям, выработанным в понятийном аппарате естественных наук.

Например, М. А. Смирнов связывает понятие информационной среды и реальной территории: «информационная среда — это совокупность информационных условий существования субъекта (это наличие информационных ресурсов и их качество, развитость информационной инфраструктуры) и является отражением географической среды» [15, с. 50]. Автор данного определения считает, что, поскольку развитие и формирование первых социумов происходило в рамках развития природно-географического фактора, то именно он оказывал влияние на овладение и накопление информации, а следовательно, и формирование информационной среды. Более открытые в географическом плане социумы развивались быстрее.

В технических науках информационное пространство понимается как информационно-поисковая система, т. е. упорядоченная совокупность информационных единиц (данных), для которых обеспечен их поиск и расшифровка. Б. Я. Советов дает определение информационного пространства: «...как совокупности информационных процессов, математической

Автор:

Якушенко Ксения Валентиновна — кандидат экономических наук, доцент кафедры международных экономических отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Рецензенты:

Малашенкова Ольга Фёдоровна — кандидат экономических наук, доцент, заместитель декана факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Павловская Светлана Владимировна — кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики факультета международных экономических отношений Белорусского государственного экономического университета

международные экономические отношения

моделью которой является некоторое функциональное пространство, интерпретируемое, например, как система детерминант, обеспечивающих протекание определенных информационных процессов» [16, с. 165].

Несмотря на неоднозначность категории, следует остановиться на рабочем понятии, которое можно будет конкретизировать с учетом европейских реалий и новых мирополитических тенденций. В качестве рабочего понятия можно использовать определение Р. Ф. Туровского: «пространство — совокупность объектов (предметов, явлений, процессов), которые рассматриваются с помощью таких атрибутов, как положение относительно друг друга, протяженность, форма, расстояния и ориентация, взаимодействие, пересечение» [17, с. 15]. Социальный подход определяет информационное пространство как сферу отношений между людьми и общностями с целью обмена информацией. В этом случае информационное пространство может быть определено как некая общность определенных структур (организаций, отдельных индивидов или их групп), которые взаимодействуют на основе информационных отношений, т. е. отношений сбора, производства, распространения и потребления информации. И. А. Семёнов в рамках данного подхода предлагает учитывать влияние трех направлений исследований:

- 1) описание и анализ влияния информационных технологий на социально-политическую сферу в прошлом и настоящем;
- 2) роль новых информационных технологий в трансформации социальных подсистем и социальных технологий — вычерчивание вектора трансформации;
- 3) производство с помощью информационных технологий новых социальных и политических технологий и деструкция существующих [14].

Следовательно, через взаимосвязь понятий можно выделить определение единого информационного пространства — виртуальная или материальная локация, обладающая внутренней идентичностью, общими целями и задачами и доступная для всех участников этого пространства с целью получения, обмена и использования информационных ресурсов.

Исходя из выведенного определения критериями единого информационного пространства являются:

- единообразии информации (обеспечивается высокой информационной культурой общества, где информация доступна для понимания, поиска и использования);
- цели (задачи) пространства (когда субъекты, взаимодействующие в пространстве, вступили в него с единой целью или вектор их целей совпадает);
- доступность в плане возможности получения доступа, которая реализуется только при соблюдении единообразия.

Интеграционное взаимодействие в рамках ЕАЭС требует внимательного изучения схем взаимодействия ЕС в сфере не только экономики, но и информационного пространства. Понимание преобразований внутри ЕС позволит правильно спрогнозировать его развитие и адекватную стратегию взаимодействия с ним.

Вопросами изучения европейской интеграции занимались такие исследователи, как Ю. А. Борко [2], А. Г. Браницкий [4], В. Н. Зуев [8] и т. д. Наиболее авторитетным зарубежным исследователем в данной области является профессор университета Джорджа Мейсона Д. Дайнан [18], написавший наиболее полную историю европейской интеграции. Можно также выделить работы К. Д. Борхардта [3], В. Вайденфельда [6] и многих других. Вместе с тем проблемы формирования и развития единого информационного пространства (ЕИП) в рамках интеграционной группировки интересно рассмотреть, изучив опыт ЕС.

Формирование ЕС началось после Второй мировой войны, а в качестве основных причин обычно называют создание защиты от усиления влияния СССР и экспансии американского капитала. Материальной основой интеграции стала интернационализация производства, но потребовались рычаги и механизмы углубления взаимодействия национальных хозяйств ЕС: Союз промышленности ЕЭС, Объединение банков ЕЭС, Объединенная комиссия европейской машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности и т. д. В этих структурах разрабатывались проекты, которые определяли функции и существование ЕС [1].

История создания проходит несколько этапов; начальным признается создание Европейского объединения угля и стали (ЕОУС) в 1951 г. Этот этап иногда называют Отраслевым союзом [9, с. 19]. В соответствии с Парижским договором данная интеграционная группировка включала шесть стран (Франция, ФРГ, Италия, Бельгия, Нидерланды и Люксембург) и контролировала добычу угля и железных руд, а также основное производство стали и чугуна в Западной Европе. Европейское объединение угля и стали прекратило свое существование в 2002 г., поскольку истек срок договора о его создании и само существование данного объединения было уже неактуально.

Этапы формирования Зоны свободной торговли и Таможенного союза происходили в тесной взаимосвязи, и достаточно сложно четко обозначить их временные границы, поэтому мы будем считать их достаточно приближенными.

I этап. Зона свободной торговли (1958—1968 гг.). В 1957 г. страны ЕОУС заключили Римский договор о создании Европейского сообщества по атомной энергии (Евратом) и Европейского экономического сообщества (ЕЭС) [18]. На основе Парижского и Римских договоров были созданы институциональные осно-

вы ЕС. Все три сообщества (ЕЭС, ЕОУС, Евратом) имели общие Парламентскую ассамблею и Суд.

На основании вышеуказанных договоров интеграционными группировками была сформирована зона свободной торговли при сохранении свободы экономических действий по отношению к третьим странам.

С 1958 по 1968 г. происходил процесс постепенного снижения и отмены таможенных пошлин и количественных ограничений в странах Европейского экономического сообщества, формирования единого торгового пространства [5, с. 67].

Постепенно начиналось осуществление единой внешнеторговой политики на базе замены национальных тарифов единым таможенным тарифом (ЕТТ). Введение единого тарифа проводилось постепенно путем сближения национальных импортных пошлин с пошлинами ЕТТ. Это означало понижение пошлин для Франции и Италии, стран с высокими таможенными обложениями, и их повышение для ФРГ и стран Бенилюкса, применявших более низкие тарифы. В полном объеме единый тариф стал применяться с 1 июля 1968 г., с момента упразднения пошлин внутри Сообщества. С этого времени можно говорить о начале второго интеграционного этапа [18, р. 201].

Формирование ЕИП было основано на обмене информацией посредством соответствующих данному этапу технологий. Можно отметить осознание Европой необходимости создания новой информационной структуры на межгосударственном уровне.

II этап. Таможенный союз (1968—1986 гг.). В соответствии со статьей 9 Римского договора о создании ЕЭС основой Сообщества является таможенный союз. Он распространяется на всю торговлю товарами и предусматривает запрещение импортных и экспортных пошлин и любых равнозначных по последствиям сборов в торговых отношениях государств-членов, а также установление единого таможенного тарифа в отношениях с третьими странами.

Важную роль в создании организаций и структур регулирования и развития информационной среды сыграли наднациональные структуры европейских агентств, которые использовались для координации и управления информационными потоками. Наднациональные институты дополняли механизм европейской интеграции до целостной системы, в результате чего происходило совершенствование институциональной системы.

Если на ранних этапах развития стадий зоны свободной торговли и Таможенного союза управление в основном сосредоточивалось в отделениях Секретариата ЕС, то с формированием Общего рынка были созданы дополнительные наднациональные структуры, ку-

рирующие различные области и сферы общественной жизни ЕС. Это касалось инновационных технологий, программ обучения развитию бизнеса, образовательных программ.

III этап. Общий рынок (1986—1992 гг.). В 1987 г. был принят Единый европейский акт, в соответствии с которым страны Европейского союза перешли в стадию Общего рынка [18, р. 201]. Это касалось, прежде всего, перемещения товаров, услуг и других факторов производства: капиталов и людских ресурсов. Таким образом, можно говорить о формировании общего рыночного пространства, которое может эффективно функционировать только с учетом создания единого валютно-финансового пространства.

В 1970-е гг. в Европе постепенно распространялись автоматизированные системы управления и появилась сеть Интернет, которая вышла на международный уровень.

В 1984 г. была создана Европейская сеть бизнес- и инновационных центров (Европейская бизнес-сеть). Ее учредителями являются Европейское сообщество и группа промышленников. Бизнес-сеть состоит из национальных сетей и является одним из важнейших элементов интегрированной европейской инновационной и информационной системы. К 2000 г. в состав сети входило более 200 организаций, включая 150 бизнес-инновационных центров, расположенных в странах Европы и дальнего зарубежья.

Одним из элементов данной бизнес-сети является Европейское патентное ведомство, информационное обеспечение которого осуществляется специальными службами сети Интернет. Основная цель функционирования данного проекта — обеспечение информации на региональном и государственном уровне и ориентация на малый и средний бизнес. Информация о патентных заявках за последние два года предоставляется пользователям бесплатно. Информационное сопровождение развития инновационной деятельности обеспечивается несколькими информационными ресурсами свободного доступа, финансируемыми из средств ЕС.

Основным информационным ресурсом является система *CORDIS* [10, с. 39], которая поддерживается программой Европейской комиссии по инновациям, малому и среднему бизнесу. Данная программа обеспечивает свободный доступ к информации о научных исследованиях и разработках, реализуемых в странах ЕС. Кроме того, предоставляются услуги для поиска источников финансирования в научных исследованиях, поиска партнеров, трансфера технологий.

Система *CORDIS* предусматривает также решение вопросов интеллектуальной собственности посредством контактов с различными организациями (патентными офисами, ассоциациями патентных юристов ЕС). Ин-

формационная система *LIFT* предназначена для оказания услуг по подготовке инновационных проектов.

Информация по состоянию финансовых рынков, а также оценка их состояния и помощь в разработке бизнес-планов находятся в свободном доступе и предоставляются бесплатно. Кроме того, система информирует о проведении семинаров и конференций, связанных с организацией инновационной и информационной деятельности.

Формирование ЕИП на данном этапе еще не включает в себя развитой организационной структуры, но уже ставятся вопросы о критериях отбора и подачи информации, а также о ее достоверности и безопасности. Появление интернет-аукционов, персональных сайтов многих предприятий и корпораций делает возможным совершение торговых сделок посредством компьютерных сетей. Параллельно начинает развиваться система социальных сетей, оказывающая влияние на обмен информационными потоками как внутри, так и вне ЕС.

IV этап. Экономический и валютный союз (с 1993 г. по настоящее время). В 1990-е гг. Европейское сообщество вступило на путь постиндустриального развития. Уровень жизни населения позволил достаточно быстро распространиться новейшим компьютерным и телекоммуникационным устройствам во всех сферах жизнедеятельности. Вопрос о контроле информации был передан в высшие органы власти.

В обязанности Европейского агентства по развитию ЕС (*EEA*), созданного в 1990 г., входили сбор, обработка и хранение информации при соблюдении к ней свободного доступа. Были созданы Европейское агентство по оценке медицинских продуктов (*EMEA*), Европейское агентство по охране здоровья и безопасности труда и т. д.

На начальных этапах развития наднациональные структуры управления являлись лишь накопителями информации. Вместе с тем были сформированы общие каналы и разработаны регламенты предоставления этой информации, но отдельно для каждой структуры.

В. Н. Зуев отмечает, что только с введением евро и формированием Валютного союза наднациональный механизм в ЕС начал функционировать как развернутая система правил в полном объеме, что создало основу для перехода монетарной системы на совершенно новый уровень. Создание экономического и валютного союза ЕС позволило сформулировать основные положения функционирования системы сетевых платежей. Данная система еще находится в стадии апробирования, но количество платежей, проводимых через электронные сети, постоянно растет, хотя использование неспециализированных телекоммуникационных сетей в качестве основы затрудняет

процесс отслеживания их направления и объемы. В целях бесперебойного функционирования всех видов платежных систем и расширения доверия пользователей к этим системам Европейский центральный банк разработал набор минимальных требований по выпуску электронных денег [8].

В 2000 г. в ЕС был принят к разработке и реализации проект «Электронная Европа» [18, р. 201]. В сфере распространения информационных технологий Европейский союз делает главный акцент на достижение социального единства наций союза и европейского сообщества в целом. Одна из основных проблем заключается в увеличении разрыва между числом пенсионеров, не готовых или не способных к работе в электронных сетях, и молодым поколением, для которого использование данного вида связи и технологий является уже приоритетным.

В Европейском сообществе информационного пространства уделяется много внимания социальным и культурным аспектам человеческой деятельности, сохранения культуры и повышения образования. Программа «Электронная Европа» не ставит своей целью препятствовать созданию подобных информационных структур на национальном уровне. Поэтому такие проекты уже реализованы в Великобритании, Германии, Франции, Португалии, Эстонии и ряде других государств [12].

Работа данной программы направлена на усиление связи между правительством и гражданами общества посредством информационных технологий. По мнению разработчиков, это приведет к росту эффективности и улучшению исполнения законов, развитию государственных служб, взаимопониманию между госслужбами и членами общества. В идеале проект предусматривает сделать доступность всех услуг, предоставляемых федеральными органами власти, по сети Интернет. Для этого необходимо техническое обеспечение каждого пользователя необходимыми телекоммуникационными и высокотехнологичными устройствами, а также повышение информационной культуры пользователей. Таким образом, можно говорить о необходимости формирования ЕИП на основе единообразной информации и свободного доступа к ней.

Стадии интеграции и их взаимосвязь с этапами формирования ЕИП ЕС приведены в таблице.

Рост ЕС, скорее всего, еще будет продолжаться, хотя уровень оставшихся стран пока не соответствует критериям вступления в Союз.

Формирование единого информационного пространства в рамках ЕС было основано на интеграционных процессах, но первые этапы достаточно медленного развития были связаны с отсутствием необходимого технологического уровня, обеспечивающего быстрый и своевременный обмен информацией.

Особенности формирования ЕИП во взаимосвязи с этапами интеграции в ЕС

Стадия интеграции	Временные рамки	Этапы расширения	Особенности формирования ЕИП
Отраслевой союз и зона свободной торговли (ЗСТ)	1951—1968 гг.	Шесть европейских государств: Франция, ФРГ, Италия, Бельгия, Нидерланды и Люксембург	Низкий уровень технического развития. Создание европейских агентств (<i>European agencies</i>), частично координирующих информационные потоки в различных отраслях
Таможенный союз (ТС)	1968—1986 гг.	Девять стран: ЕС-6, Дания, Великобритания, Ирландия	Появление первых автоматизированных систем управления и информационных сетей. Дальнейшее развитие системы европейских агентств и расширение их полномочий. Создание Европейской бизнес-сети
Общий рынок (ОР)	1986—1992 гг.	Двенадцать стран: ЕС-9, Греция, Испания, Португалия	Развитие информационных технологий, распространение сети Интернет. Европейская бизнес-сеть. Создание сети информационного обслуживания населения, интернет-аукционов. Формирование информационной культуры
Экономический и валютный союз (ЭВС)	1995 г.	Пятнадцать стран: ЕС-12, Австрия, Финляндия и Швеция	Создание наднациональных структур по сбору, обработке и хранению информации при соблюдении к ней свободного доступа (ЕЕА). Единое образовательное пространство на базе информационных технологий, электронные архивы и библиотеки, электронное обслуживание населения. Система сетевых платежей. Программа «Электронная Европа»
	2004 г.	Двадцать пять стран: ЕС-15 и 10 стран (не входят в состав ЕВС): Венгрия, Кипр (греч.), Латвия, Литва, Мальта, Польша, Словакия, Словения (с 1 января 2007 г. словенские толары заменены на евро), Чехия и Эстония	
	2013 г.	Австрия, Бельгия, Болгария, Великобритания, Венгрия, Германия, Греция, Дания, Ирландия, Испания, Италия, Кипр, Латвия, Литва, Люксембург, Мальта, Нидерланды, Польша, Португалия, Румыния, Словакия, Словения, Финляндия, Франция, Хорватия, Чехия, Швеция и Эстония	

Источники: разработка автора на основе [13, с. 136].

В частности, создание первой компьютерной сети в Европе было предложено ученым Дональдом Дэвисом в 1965 г. в Англии (*NPL*). Идея была воплощена в жизнь лишь в 1970 г., когда Д. Дэвису удалось создать подобную сеть для междисциплинарной лаборатории, доказать ее эффективность на практике [19, р. 47]. 1980-е гг. можно считать временем развития автоматизированных систем управления, а массовая доступность в сеть Интернет стала возможной не ранее 1990-х гг. Постепенное развитие информационных технологий оказывало серьезное влияние на формирование внутренней структуры ЕС.

Существующее единое информационное пространство ЕС обладает рядом существенных недостатков. Прежде всего, следует отметить тот факт, что при значительном количестве информационных ресурсов систематизация предоставляемой информации находится на неудовлетворительном уровне, а также отсутствует взаимосвязь между большинством активно действующих ресурсов.

Несмотря на достаточно высокий технологический уровень большинства стран Европы, широкое распространение компьютерных и телекоммуникационных устройств, доступных почти каждому жителю ЕС, несоответствие информационной среды требованиям единообразия и отсутствие единых целей приводят к снижению эффективности взаимодействия на уровне ЕИП и требуют реорганизации существующего подхода.

Процесс объединения Европы еще далек от своего завершения. Встав на путь интеграции более 50 лет назад, западноевропейские государства определили вектор своего развития, превратившись в мощное наднациональное объединение, представляющее собой новый тип экономически и политически регулируе-

мой структуры. В границах Европейского союза сосредоточена значительная часть экономического и политического потенциала Европы. Европейская интеграция во многом определила современное состояние международных отношений.

Изучение опыта стран Евросоюза является важным при формировании эффективной национальной инновационной экономики Беларуси. В качестве основных причин можно назвать следующие:

- общие территориальные границы, внешнеторговая деятельность, наличие совместных проектов и межгосударственных соглашений с европейскими странами;

- возможность заимствования европейского опыта вследствие достаточно близких культурных и социальных признаков;

- необходимость формирования механизмов наднационального регулирования как на региональном, так и на интеграционном уровне;

- общность факторов, определяющих создание и развитие информационного пространства (наличие соответствующих технологий, рост пользователей Интернет-сетей, увеличение роли электронного бизнеса).

Создание единого информационного пространства ЕС можно рассматривать как один из факторов углубления интеграционных процессов, составную часть и элемент политики, способствующей гармоничному и сбалансированному экономическому развитию. Это предполагает стимулирование координации, гармонизации, регулирования, управления, контроля и поддержки процессов ЕС на основе информационных технологий. Создание полноценно функционирующего ЕИП является необходимым элементом для укрепления внутренних связей Союза и выработки эффективной экономической стратегии.

Список использованных источников

1. Белозубенко, В. С. Моделирование интеграционных процессов на уровне регионов мира / В. С. Белозубенко, А. С. Усова // Научные труды Донецкого национального технического университета. Серия: экономическая. Вып. 31. — Донецк: ДонНТУ, 2005. — С. 79—86.
2. Борко, Ю. А. Общий европейский дом: что мы о нем думаем? / Ю. А. Борко, А. В. Загорский, С. А. Караганов. — М.: Междунар. отношения, 1991. — 231 с.
3. Борхардт, К. Д. Европейская интеграция. Происхождение и развитие Европейского союза / К. Д. Борхардт. — М.: Право, 1996. — 106 с.
4. Браницкий, А. Г. История европейской интеграции / А. Г. Браницкий, Г. В. Каменская. — М.: ИМЭМО РАН; Н. Новгород: ФМО ННГУ, 2003. — 234 с.
5. Браницкий, А. Г. Процесс объединения Европы: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.15. — Н. Новгород, 2006. — 501 л.
6. Вайденфельд, В. Европа от А до Я: справочник европейской интеграции / В. Вайденфельд, В. Вессельс; ред. А. Хиршфельде; пер. с нем.: Л. Греле [и др.]. — Рига: Albertis XII, 2002. — 539 с.
7. Валинурова, А. А. Особенности организации систем сетевых платежей (ССП) в Европейском союзе / А. А. Валинурова [Электронный ресурс] // Ивановский государственный химико-технологический университет. — Режим доступа: <http://www.isuct.ru/e-publ/sites/ru.e-publ.snt/files/2010/01/snt_2010_no1_17.pdf>. — Дата доступа: 18.08.2015.
8. Зуев, В. Н. Наднациональный механизм как фактор развития экономической интеграции в Европейском союзе: автореф. ... д-ра экон. наук: 08.00.14 / В. Н. Зуев; Ин-т Европы РАН. — М., 2011. — 18 с.
9. Иванов, И. Д. Единый внутренний рынок ЕС: свет, тени, историческая перспектива / И. Д. Иванов // Современная Европа. — 2004. — № 2. — С. 19—35.
10. Инновационные приоритеты государства: монография / отв. ред.: А. А. Дынкин, Н. И. Иванова. — М.: Наука, 2005. — 275 с.
11. Костюк, В. Н. Информационные процессы в постиндустриальном обществе / В. Н. Костюк [Электронный ресурс] // Федеральный образовательный портал «Экономика. Социология. Менеджмент». — Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/546/714/1231/009_Kostyuk.pdf>. — Дата доступа: 28.06.2015.

12. Павлютенкова, М. Ю. Электронное правительство: западный опыт в российской проекции / М. Ю. Павлютенкова [Электронный ресурс] // Интернет и современное общество: одиннадцатая всероссийская объединенная конференция. — Режим доступа: <<http://www.infosoc.ru/2006/thes/Pavlyutenkova.pdf>>. — Дата доступа: 12.08.2015.
13. Семак, Е. А. Этапы формирования единой бюджетной системы Европейского союза / Е. А. Семак, Е. А. Кумец // Беларусь и мировые экономические процессы: сб. науч. ст. Вып. 10. — Минск: Четыре четверти, 2013. — С. 136–146.
14. Семёнов, И. А. Социально-политические импликации информационных технологий / И. А. Семёнов [Электронный ресурс] // Информационно-коммуникационные технологии в образовании. — Режим доступа: <http://www.ict.edu.ru/vconf/index.php?a=vconf&c=getForm&r=thesisDesc&d=light&id_sec=98&id_thesis=3346>. — Дата доступа: 22.06.2015.
15. Смирнов, М. А. Информационная среда и развитие общества / М. А. Смирнов // Информационное общество. — 2001. — № 5. — С. 50–54.
16. Советов, Б. Я. Информационные технологии / Б. Я. Советов, В. В. Цехановский. — М.: Высш. шк., 2003. — 263 с.
17. Туровский, Р. Ф. Политическая регионалистика / Р. Ф. Туровский. — М.: ГУ ВШЭ, 2006. — 780 с.
18. Dinan, D. Europe Recast. A History of European Union / D. Dinan. — Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004. — 432 p.
19. Ward, M. Celebrating 40 years of the net / M. Ward [Electronic resource] // BBC. — Mode of access: <<http://news.bbc.co.uk/2/hi/technology/8331253.stm>>. — Date of access: 29.10.2015.

«Особенности формирования и функционирования единого информационного пространства в Европейском союзе: опыт для Республики Беларусь» (Ксения Якушенко)

В статье описываются особенности формирования единого информационного пространства в Европейском союзе во взаимосвязи с этапами интеграции данного объединения. Выявляется генезис понятия «единое информационное пространство» и определяются его критерии. При этом единое информационное пространство Европейского союза рассматривается как один из факторов углубления интеграционных процессов, составная часть и элемент политики, способствующей гармоничному и сбалансированному экономическому развитию группировки. В статье доказывается, что изучение опыта стран Евросоюза по формированию единого информационного пространства является важным фактором при формировании эффективной национальной инновационной экономики Беларуси.

«The Features of the European Union Single Information Space Emergence and Functioning: Experience Study for the Republic of Belarus» (Kseniya Yakushenko)

This article describes the features of formation of a single information space in the European Union in relation to the stage of integration of the association. It reveals the genesis of the concept of «common information space» and defines its criteria: a common information space of the European Union is seen as a factor in the deepening of integration processes, as its component and an element of the policies conducive to the harmonious and balanced economic development of the group. The article argues that the study of the experience of the European Union forming a single information space is an important factor in the formation of an effective national innovation economy of Belarus.

Статья поступила в редакцию в декабре 2015 г.

ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ К ПРИВЛЕЧЕНИЮ ИНОСТРАННОЙ РАБОЧЕЙ СИЛЫ В СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: ОПЫТ АВСТРИИ

Анастасия Нестерова

Основным принципом европейской интеграции является свобода передвижения капитала и рабочей силы. Основой формирования зоны свободного перемещения рабочей силы в ЕС послужил Римский договор о создании Европейского экономического сообщества (ЕЭС) (1957 г.), где беспрепятственное передвижение работников было предусмотрено в качестве ключевого элемента экономической интеграции.

Многие страны Европы испытывают на себе снижение рождаемости и недостаток рабочей силы в отдельных отраслях (здравоохранение и социальные услуги, строительство, розничная торговля и т. д.). Государства, которые принимают мигрантов, сталкиваются с вопросами их социально-культурной адаптации и интеграции в свой социум.

Рассмотрим опыт Австрии и ее подходы к привлечению иностранной рабочей силы. За последние десятилетия Австрия стала привлекающей для иммигрантов: из более 8 млн человек, проживающих в Австрии, около 750 тыс. человек не имеют австрийского гражданства, что составляет около 9 %. Кроме того, около 330 тыс. австрийцев не были рождены в Австрии, а иммигрировали и затем приобрели гражданство Австрии. Большинство из них выходцы из Турции и Югославии [8]. Эти данные демонстрируют важность изучения миграционной политики и ее влияния на рынок труда.

Цель статьи — охарактеризовать эволюцию подходов к регулированию миграционной политики на примере Австрии.

Анализом политики в области трудовой миграции и воздействия на национальные рынки труда занимается ряд зарубежных исследователей. Среди отечественных авторов можно выделить работы В. В. Почекиной, Р. М. Супрунович [2; 4], Л. Е. Тихоновой, Е. С. Красинца [5], А. В. Бондаря [6] и др.

После Второй мировой войны Австрия, как и большинство стран Западной Европы, приступила к восстановлению своей экономики. В отличие от соседних Германии и Швейцарии до 1960-х гг. в стране не удавалось достичь устойчивых темпов экономического роста, что

связывалось с тем, что Австрия в большей степени столкнулась с необходимостью интеграции более полумиллиона мигрантов из Германии, Центральной и Восточной Европы. Восстановление австрийской экономики также затруднялось низким уровнем индустриализации промышленности и значительным оттоком специалистов в соседние страны с более благоприятными условиями труда.

Австрийская экономика столкнулась также с недостатком трудовых ресурсов, и в 1961 г. появилось соглашение, позволяющее набор временных работников (так называемых гастарбайтеров) — 47 тыс. работников ежегодно с ускоренным прохождением административных процедур [10].

В последующие годы число работников фиксировалось ежегодно и определялись квоты для промышленных секторов и отраслей, основанные на оценке спроса на иностранную рабочую силу. Для иностранных работников были установлены одинаковые условия труда и заработной платы наравне с австрийцами, но предоставлялись только временные, возобновляемые разрешения на работу сроком на один год [13, р. 274—275] (табл. 1).

Несмотря на принятые соглашения, приток иностранных рабочих оставался довольно низким (около 37 000 разрешений ежегодно) по сравнению с Германией и Швейцарией. Причиной этого является низкий уровень заработной платы в Австрии.

Основой для миграции в 1960-х гг. служили двусторонние договоры, которые были заключены с Испанией (1962 г.), Турцией (1964 г.) и Югославией (1965 г.). Так, в Белграде и Стамбуле были открыты центры по набору персонала для австрийских компаний.

В результате произошел рост доли иностранных работников в общей численности рабочей силы с 1 % в 1964 г. до 9 % в 1973 г. Самой многочисленной в силу географической и исторических связей была миграция югославских работников, которые составили 78,5 % всех трудовых мигрантов, и турецких работников (12 %). В 1969 г. число иностранных рабочих из Турции и Югославии составило 76 тыс.

Автор:

Нестерова Анастасия Александровна — старший преподаватель кафедры международных экономических отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Рецензенты:

Нечай Александра Александровна — кандидат экономических наук, доцент кафедры международных экономических отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Коган Анна Аркадьевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Бизнес-администрирование» факультета маркетинга, менеджмента и предпринимательства Белорусского национального технического университета

Эволюция нормативно-правовой базы регулирования трудовой миграции

	Закон/мера	Основные положения
1961	Рааб-Олах соглашение	Введены ежегодные квоты для секторов и отраслей промышленности; введен «принцип ротации»
1962	Соглашение о наборе работников с Испанией	
1964	Соглашение о наборе работников с Турцией	
1965	Соглашение о наборе работников с Югославией	
1975	Закон о занятости иностранцев	Введены система ступенчатого доступа к рынку труда и различные виды разрешений на работу
1990	Поправка к Закону о занятости иностранцев	Заменены квоты, действующие ранее для отраслей и секторов промышленности, общей квотой в 10 % иностранцев от общей численности рабочей силы
1993	Закон о проживании	Введена квота на предоставление вида на жительство; введены новые схемы привлечения для ключевых категорий работников и сезонных рабочих
1995	Вступление Австрии в ЕС	Предоставлен свободный доступ на рынок труда гражданам ЕС/ЕАСТ
1997	Закон об иностранцах	Объединены Закон об иностранцах 1992 г. и Закон о проживании 1993 г.; улучшены условия для иностранцев, уже проживающих в Австрии; введены ограничительные квоты для иностранцев — не граждан ЕС/ЕАСТ
2002	Поправка к Закону о занятости иностранцев	Введены ограничительные квоты для иностранных ключевых работников и сезонных рабочих — не граждан ЕС/ЕАСТ
2004	Расширение ЕС	Применены переходные меры для защиты национального рынка труда
2011	Красно-бело-красная карта (КБК карта)	Отменены квоты для иностранных ключевых работников и сезонных рабочих — не граждан ЕС/ЕАСТ; предложена новая система отбора высококвалифицированных иностранных работников — не граждан ЕС/ЕАСТ; введена Голубая карта ЕС

Источник: [13, p. 179].

человек, а к 1973 г. 178 тыс. приехали из Югославии, а 27 тыс. — из Турции. Это заложило основу миграционной ситуации в XXI в., поскольку в 2001 г. 62,8 % общей численности постоянного иностранного населения происходили из бывшей Югославии и Турции [11, p. 11]. На сегодняшний день иммигранты турецкого и югославского происхождения составляют около 7 % населения Австрии [12].

В начале австрийская политика в области трудовой миграции придерживалась принципа ротации. В рамках данного подхода миграция рабочей силы должна быть временной: молодые мужчины с низкой квалификацией прибывают и убывают в соответствии с потребностями рынка труда.

Основная цель миграционной политики заключалась в повышении конкурентоспособности экспорта австрийской промышленности. Соответственно, иностранная рабочая сила в основном использовалась в отраслях промышленности, производящих одежду, кожаные изделия и текстиль, т. е. отраслях с низким соот-

ношением капитала и труда. Воссоединение семей или интеграция мигрантов в австрийское общество на данном этапе не предусматривались.

Высокий спрос на труд и благоприятная экономическая конъюнктура привели к изменению в системах набора иностранных работников в начале 1970-х гг. Первоначально согласованные системы набора были негибкими и недостаточно эффективными, в итоге в основном потеряли способность контролировать приток рабочих.

Работодатели начали сами формировать сеть иностранных рабочих в Австрии, которые, в свою очередь, приглашали своих родственников и друзей из стран происхождения и, как результат, — эффективно обходили центры набора. Новые рабочие, как правило, приезжали по туристической визе и по прибытии довольно легко получали разрешение на трудоустройство, учитывая благоприятные экономические условия, которые складывались в то время [9, p. 162].

Система возвращения в страну происхождения больше не действовала, так как заметной тенденцией стало продление контрактов и пребывания иностранных рабочих в Австрии. Работодатели предпочитали оставлять рабочих, которые уже имели опыт и были ознакомлены со своими задачами, нежели нанимать новых, которых еще следовало обучать. С другой стороны, рабочие ценили возможность увеличения своих сбережений и оставались в Австрии на более длительный период. Учитывая благоприятные экономические условия, профсоюзы и бюро по трудоустройству допускали продление ранее выданных разрешений на работу.

Начало 1970-х гг. во многих европейских странах было поворотным моментом в политике в области трудовой миграции. После первого нефтяного кризиса 1973 г. в экономику стран пришли экономический спад и высокий уровень безработицы. Более трети всех иностранных работников в Австрии либо потеряли работу, либо не получили разрешения на продление своих трудовых контрактов.

В это же время наблюдалось возвращение значительного числа австрийцев, работавших за рубежом, которые добавили напряженности на рынке труда, что и привело к возникновению длительного периода высоких темпов безработицы впервые с 1945 г.

В указанный период происходило сворачивание официального набора иностранных работников, предпринимались попытки уменьшения числа иностранных работников в Австрии.

В 1975 г. был принят Закон о занятости иностранцев, где формализовывались основные условия занятости иностранных работников, которые применялись с 1961 г., предусматривалось преимущество найма австрийских граждан и определялось, что в случае сокращения рабочих мест иностранные работники должны быть уволены в первую очередь.

Кроме того, новый закон жестко регулировал доступ иностранцев на австрийский рынок труда. Как следствие, доля иностранных работников в общей численности занятых снизилась на 40 % за период с 1974 по 1984 г. [14, р. 65].

Конец 1980-х — начало 1990-х гг. ознаменовали существенное изменение как политической обстановки, так и австрийской иммиграционной политики. До сих пор миграционная политика практически полностью была связана с трудовой миграцией. Однако падение «железного занавеса» и война в бывшей Югославии привели к значительному притоку мигрантов из стран Центральной и Восточной Европы по гуманитарным причинам.

В 1990 г. в Закон об иностранных рабочих были внесены поправки, заменившие численные ограничения для отраслей промышленности (введенные в 1961 г.), которые были неоднократно превышены, на общие квоты для

иностранцев с фиксированием их доли в 10 % от общего количества занятых в народном хозяйстве. Был введен ряд мер, которые предотвращали незаконную занятость среди мигрантов.

В 1993 г. была проведена комплексная реформа существующего правового режима миграции и принят Закон о проживании, который вводил ежегодные количественные ограничения для получения вида на жительство. Разрешение на пребывание не подразумевало автоматического доступа на рынок труда. Как уже указывалось, в 1990 г. была введена квота для иностранных работников в размере 10 % от общей численности занятых, которая в 1993 г. сократилась до 9 %, а потом и до 8 %.

Эти ограничения вводились для защиты австрийского рынка труда от растущего числа иностранных работников. В частности, ограничение в 8 % устанавливалось с целью уравновесить ожидаемый приток граждан ЕС, которым в связи с вступлением Австрии в Европейский союз был предоставлен неограниченный доступ к национальному рынку труда [15, р. 280].

Для того чтобы убедиться, что данная квота не превышена, Министерство труда Австрии ежегодно рассчитывает максимальное количество разрешений на работу для иностранцев на основе среднего предложения рабочей силы на австрийском рынке труда в предыдущем году. Не подпадают под действие данной квоты стажеры, художники и представители профессий, которые относятся к списку дефицитных.

В Закон 1993 г. добавлен новый параграф о регулировании пребывания сезонных рабочих. В периоды нехватки рабочей силы в конкретных отраслях, таких как сельское и гостиничное хозяйство, министр труда имеет право предоставлять дополнительные разрешения на работу сезонным работникам. Данные разрешения на работу ограничены сроком в шесть месяцев.

В 2004 г. восемь стран Центральной и Восточной Европы, некоторые из которых ранее были ключевыми странами происхождения мигрантов для Австрии, присоединились к Европейскому союзу. Австрией были введены ограничения по доступу на национальный рынок труда. Исключения были сделаны для граждан из ЕС-8, которые на момент расширения легально работали в Австрии не менее 12 месяцев.

С мая 2011 г. все граждане из ЕС-8 имеют неограниченный доступ на австрийский рынок труда. В отношении Болгарии и Румынии, присоединившихся в 2007 г., и Хорватии, присоединившейся в 2013 г., были применены те же переходные меры и исключения. Переходный период для болгарских и румынских граждан истек в 2014 г., для хорватских граждан продолжают действовать ограничения на рынке труда.

В конце 2000-х гг. возросла потребность в высококвалифицированной рабочей силе. Иммиграция квалифицированных работников, не являющихся членами ЕС, в Австрию была низкой и составляла около 600 человек в год.

В июле 2011 г. Австрия провела очередную реформу системы управления трудовой миграцией и ввела так называемую схему «Красно-бело-красная карта» (КБК карта). Данная схема предназначена для иммиграции квалифицированных работников из стран, которые не являются членами ЕС, а также членов их семей с возможным будущим постоянным местом жительства в Австрии. КБК карта выдается на один год.

Иностранцы — граждане стран, не входящих в ЕС, могут претендовать на КБК карту в качестве квалифицированных работников в сферах, испытывающих нехватку рабочей силы.

Министерство труда и Министерство экономики ежегодно составляют список наиболее востребованных профессий в Австрии, на основании которого можно подавать прошение на получение КБК карты.

Так, в 2014 г. данный список выглядел следующим образом: фрезеровщики; кровельщики; техники с высшим образованием в области машиностроения; токари; газосварщики и резальщики; техники с высшим образованием (инженеры) по сильноточной технике; дипломированные инженеры по сильноточной технике; техники с высшим образованием (инженеры) для обработки данных/информации; бетонщики; строительные жестянщики; жестянщики; электромонтеры; дипломированные инженеры машиностроения; специалисты сельскохозяйственного машиностроения; дипломированные медсестры [3].

Претендент на КБК карту должен иметь востребованную квалификацию, представить документы о предложении работы в Австрии с минимальной заработной платой, которая прописана законом, а также набрать минимум 50 баллов по установленной системе (табл. 2).

Претендовать на получение КБК карты могут следующие категории:

— высококвалифицированные работники (требуется как минимум 70 баллов);

Таблица 2

Критерии расчета баллов по дефицитным специальностям

Критерий	Количество баллов
Квалификация (максимум допустимых баллов 30)	
Законченное образование по востребованной квалификации	20
Общая пригодность для поступления в университет	25
Окончание учебной программы длительностью минимум три года в учебном заведении либо высшее образование	30
Опыт работы по специальности (максимум допустимых баллов 10)	
Опыт работы (за каждый год)	2
Опыт работы в Австрии (за каждый год)	4
Знания языков (максимум допустимых баллов 15)	
Немецкий: элементарные навыки языка (уровень A1) или английский: независимое применение языка уровень (B1)	10
Немецкий: углубленные элементарные навыки языка (уровень A2), или английский: независимое применение языка (уровень B2)	15
Возраст (максимум допустимых баллов 20)	
До 30 лет	20
Старше 40 лет	15
Суммарное максимальное количество возможных баллов 75	
Необходимый минимум баллов 50	

Источник: [13, p. 179].

- квалифицированные работники из списка дефицитных профессий (как минимум 50 баллов);
- другие ключевые работники с минимальным уровнем зарплаты 2325–2790 евро-брутто (как минимум 50 баллов);

- выпускники австрийских университетов и высших специальных учебных заведений (для них нет балльной системы);

- самозанятые работники/предприниматели (для них также нет балльной системы).

Как уже упоминалось ранее, КБК карта предоставляется на один год и для работы у конкретного работодателя. Далее может быть получена КБК-плюс, которая выдается следующим категориям:

- собственники КБК карт, если они работали в течение 10 месяцев за предыдущий год;

- члены семей собственников КБК и голубых карт;

- члены семей иностранных граждан, постоянно проживающих в Австрии.

Голубая карта ЕС — это вид наительство с правом на работу в определенной стране Евросоюза для квалифицированных специалистов и членов их семей. Действие Голубой карты ЕС основано на европейской директиве № 2009/50/ЕС от 25 мая 2009 г. Голубая карта рассчитана на граждан третьих стран, т. е. стран, не входящих в Евросоюз. Не действует данная директива только Великобритания, Ирландия и Дания, следовательно, в этих странах получить Голубую карту невозможно [1].

Подводя итог, можно констатировать, что миграционная политика в области трудовой миграции в Австрии эволюционировала от страны принимающей низкоквалифицированную рабочую силу (гастарбайтеров), до избирательной политики, когда особый приоритет отдается высококвалифицированным рабочим, а также работникам тех профессий, дефицит которых присутствует на национальном рынке труда.

Список использованных источников

1. Директива 2009/50/ЕС Совета от 25 мая 2009 г. об установлении условий въезда и пребывания граждан третьих стран в целях высококвалифицированной работы [Электронный ресурс] // Право Европейского союза. — Режим доступа: <<http://eulaw.ru/translation/2009/50>>. — Дата доступа: 12.12.2015.
2. Почекина, В. В. Модернизация рынка труда в условиях глобализации мировой экономики / В. В. Почекина, Р. М. Супрунович; под науч. ред. В. Ф. Медведева; Ин-т экономики НАН Беларуси. — Минск: Право и экономика, 2010. — 312 с.
3. Список дефицитных профессий в Австрии, 2014 год [Электронный ресурс] // Еврокаталог. Жизнь за границей. — Режим доступа: <<http://www.evrokatalog.eu/austria/law/deficitnye-professii-v-avstrii-2014-naibolee-polnyy-spisok>>. — Дата доступа: 15.09.2015.
4. Супрунович, Р. М. Трудовая миграция в мировой экономике / Р. М. Супрунович; под науч. ред. В. Ф. Медведева. — Минск: Право и экономика, 2006. — 198 с.
5. Тихонова, Л. Е. Трудовая миграция и миграционная политика Республики Беларусь в рамках интеграции в Евразийский экономический союз / Л. Е. Тихонова, Е. С. Красинец // Журн. междунар. права и междунар. отношений. — 2015. — № 2. — С. 65–71.
6. Человеческий капитал в контексте макроэкономической стабилизации и конкурентоспособности национальной (малой открытой) экономики / А. В. Бондарь [и др.]; под ред. А. В. Бондаря. — Минск, 2006. — 332 с.
7. Atac, I. Determining Turkish migration to Austria: the role of migration policy / I. Atac // Migration Letters. — 2014. — Vol. 11, N 3. — P. 275–287.
8. Austrian Migration and Integration Report 2003: Demographic Developments — Socio-economic Structure — Legal Framework: summary / H. Fassmann, I. Stacher (eds.) [Electronic resource] // Demokratiezentrum Wien. — Mode of access: <http://www.demokratiezentrum.org/fileadmin/media/pdf/migrationsbericht_engl.pdf>. — Date of access: 28.08.2015.
9. Davy, U. Zuwanderungsrecht und Zuwanderungspolitik in Österreich / U. Davy, A. Gächter // Journal für Rechtspolitik. — 1993. — Vol. 1. — P. 153–174.
10. Economic migration to Austria during the Second Republic [Electronic resource] // Demokratiezentrum Wien. — Mode of access: <http://www.demokratiezentrum.org/fileadmin/media/pdf/migrationsbericht_engl.pdf>. — Date of access: 28.08.2015.
11. Fassmann, H. Austria: from guest worker migration to a country of immigration: IDEA Working Paper / H. Fassmann. — Vienna: Austrian Academy of Sciences, 2008. — 39 p.
12. Jandl, M. Austria: A Country of Immigration? / M. Jandl, A. Kraler [Electronic resource] // Migration Policy Institute. — 01.03.2003. — Mode of access: <<http://www.migrationinformation.org/Feature/display.cfm?ID=105>>. — Date of access: 23.04.2014.
13. Perchinig, B. Migration Studies in Austria — Research at the Margins? / B. Perchinig // KMI Working Paper Series. Österreichische Akademie der Wissenschaften. — 2002. — Vol. 36, N 2. — P. 269–296.
14. Recruiting Immigrant Workers: Austria 2014. — Paris: OECD Publishing, 2014. — 186 p.

«Эволюция подходов к привлечению иностранной рабочей силы в странах Европейского союза: опыт Австрии» (Анастасия Нестерова)

В статье рассматриваются основные подходы к регулированию трудовой миграции в Австрии. Автор исследует эволюцию иммиграционной политики Австрии от страны, принимающей низкоквалифицированную рабочую силу (гастарбайтеров), до избирательной политики, где приоритет предоставляется высококвалифицированным рабочим, а также работникам тех профессий, дефицит которых присутствует на национальном рынке труда.

«Evolution of Approaches Towards Attraction of Foreign Labour Force in the European Union Countries: Austrian Experience» (Anastasiya Nesterova)

The article is devoted to the consideration of the main approaches towards the regulation of labour migration in Austria. The author analyses the Austrian immigration policy in its evolution starting from the country receiving low-skilled labour force (guest workers) and ending up with the electoral policy where the main priority is given to high-qualified workers as well as employees in those professions which are in deficit on the national labour market.

Статья поступила в редакцию в декабре 2015 г.

Памятка авторам статей для подачи в редакцию «Журнала международного права и международных отношений»

«Журнал международного права и международных отношений» является научным изданием с периодичностью выпуска 4 раза в год.

Журнал включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по юридическим, историческим и экономическим наукам.

Автор, желающий опубликовать статью в журнале, должен представить в редакцию:

— статью объемом около 10 печатных страниц текста (с учетом списка литературы) (формат страницы — А4, шрифт 12 пт (для компьютера), поля — по 2,5 см с каждой стороны, расстояние между строками — 1,5 интервала). При оформлении статьи автор должен пользоваться **Инструкцией о порядке оформления квалификационной научной работы (диссертации) на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук, автореферата и публикаций по теме диссертации;**

— резюме (краткое содержание) статьи на русском/белорусском языке объемом до 0,5 страницы с аналогичными параметрами (резюме статьи будет переводиться на английский язык. Автор может приложить резюме, уже переведенное на английский язык (обязательно с русским/белорусским вариантом));

— выписку из протокола заседания кафедры (научного отдела или другой подобной структуры) о рекомендации статьи к печати;

— заполненную анкету (форма выдается в редакции).

Исключения возможны по решению редакционного совета.

Обращаем внимание авторов, что они несут ответственность за направление в редакцию уже ранее опубликованных статей или статей, принятых к печати другими изданиями.

Кроме того, в журнале предоставляется возможность первоочередного опубликования статей, представленных лицами, осуществляющими послевузовское обучение (аспирантура, докторантура, соискательство) в год завершения обучения.

В журнале не взимается оплата за опубликование научных статей.

Научное издание

**ЖУРНАЛ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ 2015 № 4 (75)
октябрь—декабрь**

Подписано в печать 25.01.2016. Выход в свет в январе—феврале 2016 г.

Формат 60х84^{1/8}. Гарнитура Georgia.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 8,84. Тираж 100 экз. Заказ № 239.

Отпечатано с готового оригинала-макета заказчика в ООО «НиктаграфиксПлюс».

ЛП № 02330/0494134 от 03.04.2009.

220030, г. Минск, ул. Краснозвездная, 5/1Н-5, тел.: +375 17 226 32 67

Распространяется бесплатно